

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ПСИХИАТРИИ И НАРКОЛОГИИ имени В.П.СЕРБСКОГО» МИНИСТЕРСТВА
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

КОРЧАГИН ВИТАЛИЙ ВИКТОРОВИЧ

**КЛИНИКО-ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ,
СОВЕРШИВШИХ СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, И
ИХ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА**

3.1.17. Психиатрия и наркология

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата медицинских наук

Научный руководитель –
доктор медицинских наук,
Каменсков М.Ю.

Москва – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ	12
1.1. Особенности сексуальных интернет-правонарушений	12
1.1.1. Просмотр детской порнографии как фактор риска сексуального насилия	16
1.1.2. Интернет-правонарушения и контактные действия.....	19
1.1.3. Типология интернет-правонарушителей.....	24
1.2. Социально-демографическая характеристика интернет-правонарушителей	27
1.3. Клиническая и психологическая характеристика интернет-правонарушителей	30
1.3.1. Характерологические особенности.....	30
1.3.2. Психопатологические особенности	33
1.3.3. Действия в Интернете как стратегия совладания со стрессом.....	37
1.4. Механизмы интернет-правонарушений	40
1.4.1. Подтип контактных правонарушений	40
1.4.2. Проблемное использование Интернета и интернет-зависимость.....	41
1.4.3. Сексуальная зависимость или компульсивность.....	42
ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	47
ГЛАВА 3. АНАЛИЗ ПАТОГЕННЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ИНТЕРНЕТ-ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ	54
ГЛАВА 4. ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ИНТЕРНЕТ-ПРАВОНАРУШЕНИЯ	64
ГЛАВА 5. ПРЕДИСПОЗИЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ПАРАФИЛИЙ У ИНТЕРНЕТ-ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ	74
ГЛАВА 6. МЕХАНИЗМЫ СОВЕРШЕНИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ИХ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА	81
6.1 Поведенческие характеристики интернет-правонарушителей	81
6.2 Факторы, связанные с совершением сексуальных интернет-правонарушений.....	83

6.3 Критерии судебно-психиатрической оценки интернет- правонарушителей	85
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	118
ВЫВОДЫ	122
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	124

ВВЕДЕНИЕ

Количество преступлений, совершаемых с помощью интернет-ресурсов, неуклонно растет с каждым годом. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2019 году с помощью сети Интернет было совершено 157 036 преступлений (что составляет 7,8% от всех зарегистрированных правонарушений), в 2020 году эти цифры составили 300337 (14,7%), в 2021 году – 351463 (17,5%), в 2022 году – 381112 (19,4%) (МВД.РФ, 2023). На фоне роста числа таких преступлений возрастает и количество несовершеннолетних, которые становятся их жертвами.

В докладе Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2020 год подчеркивается, что в настоящее время в Уголовном кодексе содержится не менее 10 составов преступлений, совершаемых в отношении детей с использованием сети Интернет (Кузнецова А.Ю., 2020). Проблема является настолько острой, что предлагается ввести практически полный запрет на использование Интернета для лиц, совершивших преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних, за исключением использования ресурсов, предоставляющих государственные услуги.¹

Информационно-телекоммуникационные технологии (далее-ИТТ) используются для распространения детской порнографии, вовлечения несовершеннолетних в переписки на сексуальные темы, обмена с ними фотографиями или видео интимного характера (иногда с целью дальнейшего шантажа), создания порнографических материалов, груминга², иногда с предложением дальнейших встреч в реальной жизни (Seto M.C., 2015).

¹ На предварительном этапе рассмотрения работы возникали вопросы по поводу десяти составов, упомянутых Уполномоченным по правам ребенка. Нами был осуществлен поиск по Уголовному кодексу Российской Федерации. В нем фигурирует ровно десять (ст. 110, 110.1, 133, 137, 151.2, 228.1, 230, 242, 242.1, 242.2) составов преступлений, где одновременно используются слова «несовершеннолетний» и «Интернет». Однако составов преступлений, которые могут быть реализованы с помощью сети Интернет, больше. Например, в ст. 135 и ст. 132 УК РФ не используется слово «Интернет», хотя это одни из статей, наиболее часто инкриминируемых сексуальным правонарушителям, совершившим противоправные действия в Интернете.

² Вхождение в доверие к ребенку с целью склонения его к совершению развратных действий или вовлечению в занятия проституцией.

Есть основания полагать, что выявляемые сексуальные правонарушения в отношении детей, совершаемые с помощью Интернета, – лишь верхушка айсберга. По данным зарубежных авторов, трафик порнографических файлов между пользователями значительно превышает число правонарушителей, идентифицированных органами правопорядка (Seto M.C., 2015). Высказываются предположения, что число сексуальных правонарушений с использованием ИТТ со временем будет только расти, поскольку мир переходит в онлайн, и интернет-технологии становятся частью нашей повседневной жизни.

Изучение литературы показывает, что необходимо с большой осторожностью относиться к экстраполяции данных, которые собраны на контактных сексуальных правонарушителей, на лиц, совершивших сексуальные правонарушения в онлайн-среде. Таким образом, диагностическая и судебно-психиатрическая оценка интернет-правонарушителей требует особого внимания.

Например, показано, что порог инициирования антисоциального поведения в Интернете ниже, чем в реальной жизни. Интернет предоставляет возможность для совершения преступлений сексуального характера даже теми лицами, которые не склонны к совершению таких действий в реальности (Middleton D. и др., 2006). Это происходит благодаря воспринимаемой анонимности, минимизации индивидуальных различий и иллюзии равенства пользователей в сети Интернет, снижения воспринимаемых последствий для самого правонарушителя или его жертв (Suler J., 2004; Seto M.C., 2015). Интернет позволяет субъекту представить себя в более выгодном свете, нежели в реальности, – более привлекательным и уверенным (Yee N., 2009; Tasiowski P., 2020) или же, напротив, создать идентичность, которая близка реальной идентичности пользователя (Banakou D., Groten R., Slater M., 2013). Существуют некоторые данные о наличии чрезмерной поглощенности Интернетом у сексуальных правонарушителей, совершивших действия онлайн (Lee A.F. и др. 2012), то есть интернет-зависимость также может выступать фактором сексуальных интернет-правонарушений.

С другой стороны, совершение сексуальных действий в отношении несовершеннолетних посредством сети Интернет само по себе уже свидетельствует о некотором сексуальном интересе к детям (Jenkins P., 2001; Seto M.C., Cantor J.M., Blanchard R., 2006), то есть вероятность наличия педофилии у таких лиц должна быть выше, чем в среднем по популяции. Высказываются предположения, что лица, испытывающие сексуальное влечение к детям, могут использовать Интернет как стратегию, позволяющую избежать совершения контактных правонарушений (Ward T., Hudson S.M., 1998). Таким образом, изучение сексуальных интернет-правонарушителей может расширить наши знания о распространенности сексуального влечения к детям.

Не до конца ясно, как связаны сексуальные правонарушения, совершенные посредством ИТТ, и контактные сексуальные преступления, каков риск совершения интернет-правонарушителями противоправных сексуальных действий в реальной жизни. Процент интернет-правонарушителей, параллельно совершающих контактные действия, колеблется по разным оценкам от 12% (Seto M.C., Hanson R.K., Babchishin K.M., 2011) до 85% (Bourke M.L., Hernandez A.E., 2009).

Некоторые исследователи отмечают, что правонарушители, осуществляющие сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних посредством ИТТ, могут существенно отличаться от контактных правонарушителей (Clevenger S.L. и др., 2016). При сравнении этих групп по целому ряду клинических и психологических показателей обнаруживаются крайне противоречивые результаты.

Указывается, что интернет-правонарушители в сравнении с контактными правонарушителями менее антисоциальны и реже ранее имели судимость за уголовные преступления (Young K., 2005; Babchishin K.M. и др., 2011; Burgess A.W. и др., 2012; Long M.L., Alison L.A., McManus M.A., 2013; Jung S. и др., 2013). Существуют данные о том, что виртуальные правонарушители обладают просоциальной ориентацией, ведут семейную жизнь, воспитывают детей, трудоустроены, имеют хорошее образование и более высокий уровень интеллекта

(Frei A. и др., 2005; Blanchard R. и др., 2007; Long M.L. и др., 2013; Ly T. и др., 2018). Однако высказываются и противоположные мнения о том, что виртуальные правонарушители в сравнении с контактными чаще всего являются бездетными холостяками, многие никогда не были женаты (Middleton D. и др., 2006; Webb L., Craissati J., Keen S., 2007; Reijnen L., Bulten E., Nijman H., 2009; Kruger R.B., 2009; Clevenger S.L., Navarro J.N., Jasinski J.L., 2016), или же о том, что по многим параметрам эти группы совсем не отличаются друг от друга (Elliott I.A. и др., 2013).

Лица, совершившие противоправные сексуальные действия в сети Интернет, часто описываются, как эмоционально более одинокие (Bates A., Metcalf C., 2007). Показано, что у интернет-правонарушителей обнаруживается меньше когнитивных искажений (Sheldon K., Howitt D., 2008; Elliott I.A. и др., 2009), менее выраженная эмоциональная идентификация с детьми (Bates A., Metcalf C., 2007). В других исследованиях между аналогичными группами не обнаруживается различий по когнитивным искажениям, эмоциональной идентификации с детьми, эмоциональным проблемам, эмпатии по отношению к жертвам (Babchishin K.M. и др., 2011; Neutze J. и др., 2011).

С одной стороны, указывается, что интернет-правонарушители часто имеют серьезные психические расстройства (Briggs P., Simon W.T., Simonsen S., 2011), с другой стороны, при их сравнении по частоте встречаемости психиатрических диагнозов с другими группами часто не обнаруживается значимых различий (Krueger R.B., Kaplan M.S., First M.B., 2009).

Показано, что интернет-правонарушители в сравнении с контактными имеют больше проблем с саморегуляцией и импульсивностью (Webb L. и др., 2007; Elliot I.A. и др., 2009), и это поднимает вопросы о способности таких лиц в полной мере контролировать свое поведение. В то же время есть данные, что по выраженности проблем с регуляцией сексуального поведения виртуальные правонарушители не отличаются от контактных (Neutze J., 2011; Seto M.C. и др., 2012).

Таким образом, сексуальные правонарушения, совершаемые в Интернете, очень разнообразны, и, как указывают исследователи (Seto M.C., 2015), для их объяснения нужны разные модели этиологии, которые можно разделить на четыре подхода:

– в рамках первого подхода предполагается, что к интернет-правонарушениям приводят те же факторы, которые приводят и к совершению контактных действий. В таком случае Интернет используется просто как средство;

– вторая точка зрения заключается в том, что интернет-правонарушения представляют собой крайнюю форму проблемного использования Интернета, выражающегося в спектре поведения: от траты слишком большого количества времени или денег в сети до противоправных действий;

– третья точка зрения заключается в том, что интернет-правонарушения являются результатом специфических факторов, связанных с сексуальной зависимостью или компульсивностью;

– согласно четвертому подходу, интернет-правонарушения представляют собой совершенно новый подвид правонарушений с неизвестными механизмами.

Цель исследования заключается в разработке комплексного клинико-психопатологического подхода к квалификации состояния психической и психосексуальной сферы лиц, совершивших сексуальные преступления в виртуальной среде, и выделение критериев их дифференцированной судебно-психиатрической оценки.

В соответствии с основной целью были поставлены следующие **задачи**:

1. Описать клинико-психопатологическую характеристику психических и психосексуальных нарушений у лиц, совершивших противоправные сексуальные действия посредством информационно-телекоммуникационных технологий.

2. Выявить социальные, личностные и дизонтогенетические особенности лиц, совершивших противоправные сексуальные действия с применением информационно-телекоммуникационных технологий.

3. Выделить клинико-психопатологические механизмы аномального сексуального поведения лиц, совершивших противоправные сексуальные действия с применением информационно-телекоммуникационных технологий.

4. Разработать дифференцированные критерии судебно-психиатрической оценки лиц, совершивших противоправные сексуальные действия с применением информационно-телекоммуникационных технологий.

Научная новизна работы. Впервые на основании комплексного клинико-психопатологического, сексологического, психометрического исследований сформировано целостное представление о лицах, совершивших сексуальные преступления посредством ИТТ, описаны механизмы реализации девиантных сексуальных действий в Интернете в отношении несовершеннолетних.

Проведен сравнительный анализ клинико-социальных характеристик лиц с парафилиями, а также лиц без клинических признаков расстройств сексуального предпочтения, который позволил выявить отличия предиспозиционных и психопатологических влияний на аномальное сексуальное поведение.

Впервые представлены особенности психопатологического оформления деликта, что позволило сформулировать критерии для проведения судебно-психиатрической экспертизы лиц, совершивших сексуальные преступления посредством ИТТ.

Научно-практическая значимость исследования заключается в разработке диагностических и судебно-психиатрических критериев оценки лиц, совершивших сексуальные преступления посредством ИТТ в отношении несовершеннолетних. Выявленные в работе механизмы такого поведения будут способствовать дифференцированному подходу к судебно-психиатрической оценке и в перспективе позволят более тщательно и обоснованно подходить к

выбору лечебно-профилактических мероприятий в отношении этой категории лиц. Разработанный алгоритм комплексной судебно-психиатрической оценки лиц, совершивших сексуальные преступления посредством ИТТ, позволит повысить качество экспертных заключений и снижению числа повторных судебно-психиатрических экспертиз. Теоретический материал может быть использован при подготовке образовательных модулей для студентов медицинских вузов, врачей и клинических психологов.

Положения, выносимые на защиту.

1. Лица, совершившие противоправные сексуальные действия посредством ИТТ, по своим клинико-психопатологическим характеристикам схожи с контактными правонарушителями. Интернет выступает лишь как средство совершения правонарушения.

2. Личностно и дизонтогенетически интернет-правонарушители не отличаются от контактных правонарушителей. Совершение сексуального правонарушения в виртуальной среде опосредовано такими факторами, как уровень умственного развития, семейное положение и соматическое здоровье.

3. Существенную роль в совершении сексуальных правонарушений посредством ИТТ, так же, как и при совершении контактных правонарушений, играет патосексуальный механизм, а именно наличие или отсутствие педофилии. Наряду с патосексуальным механизмом при экспертной оценке лиц, совершивших сексуальные правонарушения посредством ИТТ, необходимо также рассматривать психопатологический и аномально-личностный механизмы совершения противоправных действий.

4. Экспертная оценка лиц, совершивших сексуальные правонарушения в виртуальной среде, зависит от ведущего механизма противоправного деяния, допускает весь спектр экспертных решений (от полной неспособности к осознанию фактического характера, общественной опасности своих действий и их регуляции до полной сохранности этих способностей) и может проводиться по предложенному в работе алгоритму.

Реализация и внедрение результатов исследования.

Результаты исследования используются в клинической деятельности ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, КУЗ Воронежской области «Воронежский областной клинический психоневрологический диспансер», в работе Комитета Государственной Думы по охране здоровья VIII созыва, в образовательном процессе учебно-методического отдела ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России.

Апробация результатов исследования и публикации.

Результаты исследования представлены на международной научно-практической конференции «Психиатрия и аддиктология в XXI веке: Новые задачи и пути решения» (Москва, сентябрь 2022 г.). Диссертация апробирована на проблемном совете ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России 17 мая 2023 г. По материалам диссертационного исследования опубликовано 4 работы, из которых 4 – в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Степень достоверности исследования. Достоверность полученных результатов обеспечивается изучением источников литературы по теме исследования, репрезентативностью выборки, использованием методов статистического анализа полученных данных.

Личное участие автора в получении результатов. Автором проанализированы отечественные и зарубежные источники по теме диссертации, проведено клинико-психопатологическое и психометрическое обследование подэкспертных, составлена база данных и проведена ее статистическая обработка, обобщены результаты исследования, подготовлены публикации, текст диссертации и автореферат.

Объем и структура работы.

Диссертация изложена на 139 страницах и состоит из введения, шести глав, заключения, выводов и списка литературы, содержащего 139 наименований, из которых 20 - отечественных и 119 - зарубежных. Иллюстративный материал включает 2 рисунка и 20 таблиц. Приведены 3 клинических случая.

ГЛАВА 1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Особенности сексуальных интернет-правонарушений

Фактическое число случаев сексуальной эксплуатации детей в сети Интернет в значительной степени остается неизвестным (Berson I.R., 2003). Согласно оценкам частоты использования порнографических материалов с участием детей, полученным на основе популяционных исследований (Seto M.C. и др., 2010) и на основе анализа адресов интернет-протокола, через которые осуществлялся доступ к ресурсам с детской порнографией (Seto M.C., 2015), можно уверенно утверждать, что число потребителей такого контента существенно превышает количество выявленных полицией правонарушителей.

Домогательства в сети Интернет являются международной проблемой, отражающей увеличение онлайн-присутствия детей и молодежи в развитых странах, что делает проблему изучения интернет-правонарушителей крайне актуальной.

Хотя абсолютное большинство (81%) родителей предпринимают какие-то действия, чтобы обезопасить пребывание ребенка в сети (Львова-Белова М.А., 2021), огромному риску подвергаются дети, которые находятся в Интернете без какого-либо контроля. Дети 5-7 лет проводят в Интернете без присмотра родителей 39% времени, а дети в возрасте 8-11 лет – 55% времени, причем дети более старшей возрастной группы около половины проводимого в Интернете времени посвящают именно социальным сетям (Кузнецова А.Ю., 2020), где обычно и происходит знакомство с правонарушителями. Около четверти детей в возрасте от 8 до 11 лет используют социальные сети, такие как Facebook (проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена), несмотря на возрастные ограничения, поскольку там не существует объективной проверки возраста (Seto M.C., 2015). Около 66% подростков регулярно пользуются Интернетом для доступа к чатам (Lamb M., 1998; Lambert S., O'Halloran E., 2008). Таким образом, реальные масштабы сексуальных онлайн-правонарушений могут быть значительны.

Многие авторы (Ray J.V., Kimonis E.R., Seto M.C., 2014; Riegel D.L., 2004; Seigfried K.C., Lovely R.W., Rogers M., 2008) говорят о факторах, которые могут влиять на обнаруживаемые исследователями характеристики онлайн-правонарушителей в зависимости от того, какая выборка изучается. Например, если говорить об арестах за правонарушения, связанные с детской порнографией, то с большей вероятностью будут арестованы лица, которые хранят и просматривают изображения маленьких детей, чем те, кто предпочитает порнографические материалы с несовершеннолетними пубертатного возраста и старше. Если же говорить о выходе на контакт с детьми посредством сети Интернет, то детей младшего возраста без присмотра в сети гораздо меньше, и на контакт посредством ИТТ в основном выходят лица, которые предпочитают детей более старшего возраста. То есть в первой выборке процент правонарушителей с педофилией будет выше. Указанные различия, вероятно, будут сглаживаться по мере увеличения доступности Интернета для детей младшего возраста.

Интернет-среда недостаточно регулируется в правовом отношении, в связи с чем в интернет-пространстве возникают благоприятные условия для совершения преступлений сексуального характера как со стороны лиц, которые склонны к совершению таких действий в реальности (Middleton D. и др., 2006), так и со стороны индивидов, незамотивированных на совершение контактных правонарушений. Согласно представлениям криминологов (Cohen L.E., Felson M., 1979), противоправное поведение требует не только мотивации преступника (которая в случае сексуальных правонарушений зачастую состоит в наличии сексуальной патологии), но и наличия доступных и подходящих объектов для совершения правонарушения, а также отсутствия надзора. Как указывает M.C. Seto, порог инициирования антисоциального поведения в интернете ниже, чем в реальной жизни (Seto M.C., 2015). J. Suler (2004) описал это как эффект онлайн-растормаживания, возникающий в Интернете благодаря анонимности, физической невидимости, асинхронности коммуникации и ощущению вседозволенности (за счет минимизации индивидуальных различий, иллюзии равенства пользователей и стирания границ с авторитетами). Интернет снижает

возможный риск обнаружения и последствий для правонарушителя или его жертв.

Интернет делает более доступным не только общение сексуальных правонарушителей с их потенциальными жертвами, но и позволяет выходить на контакт с другими правонарушителями (Ferraro M.M., Casey E., McGrath M., 2005). Риск обнаружения может быть снижен за счет использования разных интернет-адресов, программного обеспечения, которое может стирать историю, шифровать файлы и анонимизировать взаимодействие.

Социальные сети позволяют незнакомым людям контактировать со многими несовершеннолетними с относительно низким риском быть уличенными. Взрослый мужчина может быстро связаться с большим количеством несовершеннолетних всего за несколько часов.

Чтобы завоевать доверие и интерес детей и подростков, правонарушители нередко используют манипулятивные тактики, которые называются «груминг». Они часто выходят на контакт посредством сети Интернет с детьми и подростками, которые разделяют их интересы, что часто является преднамеренным манипулированием и может быть использовано в сексуальных целях. Например, S. Webster с коллегами (2012) в своем исследовании онлайн-груминга отметили, что преступники обычно не симулируют свои интересы (музыку, спорт и т.д.).

Интернет-технологии в целом облегчают реализацию разных форм парафилий, например, эксгибиционизма (отправка ничего не подозревающему незнакомцу соответствующих ссылок, материалов), вуайеризма (просмотр фото и видео со случайным обнажением у ничего не подозревающих жертв) (Seto M.C., 2015), такой их разновидности как кандаулизм (сексуальная практика или фантазия, в которой один человек выставляет напоказ своего партнера или его изображения другим людям) и явлений трибьютинга³, широко распространившегося именно с появлением Интернета (Nagel E. van der., 2020).

³ Трибьютинг - эякуляция на физическую копию изображения человека и последующая отправка фото с эякулятом или видеозаписи процесса заинтересованному лицу.

Интернет зачастую используется как способ справиться с негативным настроением, как средство для групповой сплоченности и самопрезентации (Lamb M., 1998; Taylor M., Quayle E., 2003). Например, социально изолированный человек может представить себя в Интернете как уверенный и популярный и может получить более высокий онлайн-статус. Тот же самый мужчина может представить себя в Интернете как юношу или как женщину.

Важным фактором, влияющим на совершение сексуальных правонарушений посредством Интернета, является эффект «Протея», который относится к влиянию характеристик виртуальной личности на социальное поведение, как онлайн, так и в реальном мире. Например, N.Yee с коллегами (2009) продемонстрировали, что люди, которым случайным образом были назначены аватары с привлекательными персонажами высокого роста (а рост обычно воспринимается как признак силы), были увереннее в общении с другими, чем те, у кого были аватары с невысокими персонажами. Понятно, что пользователи выбирают себе имена и аватары не случайным образом, но после выбора эти виртуальные репрезентации в дальнейшем влияют на поведение даже в реальной жизни. Не только обладатели аватара подвержены этому влиянию, но под действие аватара попадают и люди, с которыми они контактируют в сети, ведь на наше социальное поведение также влияет и то, как другие воспринимают нас. Онлайн-правонарушители ведут себя определенным образом отчасти из-за того, как они (по их мнению, или в действительности) воспринимаются другими (Seto M.C., 2015).

Согласно исследованию P. Tasikowski с коллегами (2020), при выборе персонажа для самопрезентации в виртуальной реальности соответственно этому персонажу видоизменяется и поведение, так что не только человек управляет своим аватаром, но и аватар влияет на поведение своего обладателя, наделяя его своими характеристиками. Оказалось, что восприятие мира взрослым человеком, управляющим в виртуальной реальности аватаром-ребенком, становится «детским», например, размеры окружающих предметов кажутся ему больше, чем на самом деле (Banakou D., Groten R., Slater M., 2013). Также было выявлено, что

обладатели аватаров с изображением детей были склонны воспринимать как «свои» детские вещи. Например, в ходе выполнения экспериментальных заданий они отдавали предпочтение детской комнате, а не обычной гостиной. Эти результаты показывают, что человек, находясь в виртуальной среде, начинает иначе воспринимать окружающее и глубоко вживается в роль своего интернет-персонажа.

1.1.1. Просмотр детской порнографии как фактор риска сексуального насилия

До появления Интернета люди, интересующиеся детской порнографией, должны были выходить на частных лиц, распространяющих такого рода контент, или же им приходилось прибегать к созданию собственного контента. Каждый такой контакт, а тем более самостоятельное производство порнографических материалов, могли привести к обнаружению и аресту с сопутствующей потерей репутации, занятости, дружеских отношений, не говоря уже о возможных юридических последствиях (Jenkins P., 2001).

Развитие Интернета и информационных технологий привело к доступности детской порнографии и возможности получения фактически анонимного доступа к ней (Cooper A. и др., 2004).

Интернет доступен круглосуточно, цифровые изображения могут дублироваться до бесконечности, практически без ухудшения качества. Вследствие этого и детская порнография стала финансово доступнее. Например, согласно Р. Jenkins (2001), два журнала, содержащие несколько десятков фотографий, в 1980 году могли стоить 40 долларов, но за эти же деньги в Интернете можно получить доступ к тысячам изображений.

К. Seigfried, R. Lovely и М. Rogers (2008) исследовали лиц, использующих порнографические материалы, и обнаружили, что 30 человек из 307 респондентов признались в использовании детской порнографии. При этом авторами не предпринималось усилий по защите IP-адресов респондентов (хотя они и гарантировали анонимность).

М.С. Seto с соавторами (2010) провели исследование на двух популяционных репрезентативных выборках шведских и норвежских старшеклассников мужского пола в возрасте от 17 до 20 лет. В обеих выборках примерно 4% сообщили о просмотре порнографических материалов, изображающих секс между взрослыми и детьми. Процент, полученный авторами, вероятно, существенно ниже общепопуляционного, поскольку операционализация в исследовании была крайне строга: сексуально намекающие или явно сексуализированные изображения детей, а также секс между детьми не соответствовали критериям исследования, хотя оцениваются как детская порнография во многих юрисдикциях.

Авторы исследования, где приняли участие онлайн-правонарушители, контактные и несексуальные правонарушители, а также добровольцы, указывают, что 2% мужчин студенческого возраста и менее 1% женщин студенческого возраста сообщают о просмотре порнографии с детьми препубертатного возраста (Prentky R.A. и др., 2010). Еще более высокая доля в выборке (14% мужчин и 4% женщин) просматривали порнографию, на которой были изображены подростки 12-15 лет.

Приведенные цифры в целом соответствуют оценкам распространенности педофильного расстройства в общей популяции (Шпорт С.В. и др., 2022).

Метаанализ, проведенный М.С. Seto и М.Л. Lalumière (2010), свидетельствует о том, что раннее знакомство с порнографией может нарушить нормальное половое развитие. Так, онлайн-правонарушители зачастую сами в юном возрасте подвергались воздействию детской порнографии, продемонстрированной им другими людьми, и это раннее знакомство, вероятно, оказало влияние на психосексуальное развитие. Это важная социальная проблема, которая требует дополнительных исследований, поскольку возраст первого знакомства с порнографическими материалами снижается (Ybarra M.L., Mitchell K.J., 2005).

N.M. Malamuth с коллегами (1995) изучали возможность использования порнографии для предсказания сексуальной агрессии на репрезентативной

выборке почти из 3000 мужчин. Активное использование порнографии предсказывало сексуальную агрессию в течение 10-летнего периода. Результаты N. M. Malamuth и его коллег были воспроизведены V. Vega и N. M. Malamuth (2007) с дополнительными показателями психопатии на выборке из 102 студентов мужского пола. В этом исследовании также было обнаружено, что активное использование порнографии можно добавить к факторам прогнозирования сексуальной агрессии.

D.A. Kingston с коллегами (2008) изучили сведения о просмотре порнографии и частоте рецидивов среди 341 сексуального правонарушителя, совершивших сексуальные действия в отношении детей. Даже после контроля такого фактора риска, как криминальное прошлое, просмотр порнографических материалов со сценами насилия достоверно прогнозировал как несексуальный насильственный рецидивизм, так и сексуальный рецидивизм.

Особый интерес представляет исследование A.F. Vogaert (2001), в котором изучались предикторы выбора порнографических материалов среди 160 студентов мужского пола. Мужчины с более высокими антисоциальными наклонностями (такими как импульсивность, враждебность, черствость и эгоцентризм) чаще отдавали предпочтение порнографии со сценами жестокости и порнографическим материалам с участием детей, чем те, у кого эти черты были ниже; они обладают повышенным риском совершения сексуального насилия и с меньшей вероятностью задумываются о последствиях своих действий, в том числе о потенциальных последствиях своего поведения для других.

В распространенности детской порнографии также может играть роль социальное научение, поскольку зритель может начать верить, что секс между взрослыми и детьми не причиняет детям вреда, или хотя бы потому, что секс между взрослыми и детьми начинает рассматриваться субъектом как нечто более распространенное, чем он предполагал ранее (Jung S., Ennis L., Malesky L.A., 2012).

С точки зрения привыкания, человек, который изначально просматривал контент, пограничный с нормативным, ориентированный на подростков, может

обнаружить, что ищет детей, все более и более младших по возрасту, и все более откровенные их изображения. Объяснение через привыкание согласуется с самоотчетами некоторых правонарушителей, утверждающих, что им «надоели» недостаточно откровенные изображения или изображения детей старшего возраста, в результате чего они стали искать изображения, способные вызвать более интенсивные эмоции (Seto M.C., Reeves L., Jung S., 2010; Taylor M., Quayle E., 2003). Например, S. Laulik с соавторами (2007) указывают, что обвиняемые в использовании детской порнографии тратят в среднем 12 часов в неделю на поиск и просмотр порнографии с участием детей, что в течение длительного периода времени неизбежно приводит к изменению социальных установок и снятию запрета на просмотр детской порнографии.

1.1.2. Интернет-правонарушения и контактные действия

Частота использования порнографических материалов с участием детей несколько иная, нежели частота и распространенность онлайн-домогательств.

По некоторым данным, каждый пятый сексуальный правонарушитель, совершающий в онлайн-среде действия в отношении детей, отправлял потерпевшим свои изображения сексуального характера, делал такие изображения несовершеннолетних или убеждал несовершеннолетних фотографировать самих себя или друзей, присылать эти материалы правонарушителю (Wolak J., Finkelhor D., Mitchell K.J., 2008).

Взрослый, вовлекающий несовершеннолетних в сексуальное взаимодействие в Интернете, не просто делает это с меньшим юридическим риском, чем, если бы он совершал аналогичные действия в отношении несовершеннолетних, которых он знает в реальной жизни, но его шансы на успех при онлайн-взаимодействии существенно выше за счет охвата (Seto M.C., 2015).

Данные опросов несовершеннолетних в Интернете свидетельствуют о том, что примерно каждый седьмой ребенок подвергался сексуальным домогательствам в течение года, который предшествовал опросу, при этом 38%

этих домогательств, по-видимому, инициировались взрослыми (Mitchell K.J., Wolak J., Finkelhor D., 2007).

Как указывает М.С. Seto (2015), из участников европейского опроса 7% встретились с онлайн-незнакомцем в реальной жизни. Большинство респондентов взяли с собой на встречу друга, но четверть пошли в одиночестве. Около четверти онлайн-незнакомцев, представлявшихся ровесниками, оказались взрослыми. 11% из тех, кто встретился с онлайн-незнакомцем, заявили, что тот пытался причинить им физическую боль. На встречах, которые оказывались насильственными, незнакомцами были только взрослые, а все встречи с ровесниками были либо нейтральными, либо положительными. Сравнивая соответствующий процент от числа несовершеннолетних с выявленными полицией случаями, авторы делают вывод, что о большинстве реальных встреч со взрослыми, сопровождающихся физическим насилием, несовершеннолетние не сообщают.

Достоверно неизвестно, насколько пересекаются онлайн- и оффлайн-домогательства. Наиболее полные данные о домогательствах, обобщенные J. Wolak и другими (2008), основаны на случаях домогательств детей в реальной жизни, о которых затем сообщалось в полицию (о домогательствах, которые привели к встречам, сообщают чаще). Многие дети никому не рассказывают или, по крайней мере, не сообщают в полицию о домогательствах, которые ограничились онлайн-взаимодействием и не привели к личным встречам (Mitchell K.J., Finkelhor D., Wolak J., 2001).

Существуют данные как о возможности, так и о невозможности существования интернет-правонарушителей как отдельной категории, не совершающей контактных правонарушений. В частности, многие интернет-правонарушители утверждают, что не имеют педофильных предпочтений и совершили действия в Интернете (например, просмотр детской порнографии) под влиянием аномальной реакции на стресс в результате негативных жизненных обстоятельств. Другие же правонарушители, ведущие переписки в Интернете, прямо говорят, что хотят заниматься сексом с несовершеннолетними (Seto M.C., 2015).

Согласно данным R. Langevin и S. Curnoe (2004), процент тех, кто использует порнографические материалы, гораздо выше среди лиц, которые совершают сексуальные правонарушения в отношении детей. Согласно A. Hill с соавторами (2006) этот процент достигает примерно одной трети (около 33%). Таким образом, именно для сексуальных правонарушителей, совершивших контактные действия в отношении несовершеннолетних, просмотр порнографических материалов имеет особое значение.

В одном из метаанализов рассматривались истории контактных сексуальных правонарушителей из 21 исследования с общим размером выборки в 4464 правонарушителей (Seto M.C., Hanson R.K., Babchishin K.M., 2011). Приблизительно каждый восьмой (12%) онлайн-правонарушитель (связанный в основном с детской порнографией) совершал контактные сексуальные преступления. В шести исследованиях с использованием данных самоотчетов (всего 523 онлайн-правонарушителя), рассмотренных в рамках этого метаанализа, примерно каждый второй (55%) совершил контактное сексуальное преступление.

M.L. Bourke и A.E. Hernandez (2009) в своем исследовании обнаружили, что примерно четверть их выборки из 155 преступников использовали детскую порнографию, и 85% от их числа (то есть подавляющее большинство просматривавших детскую порнографию) признавали наличие контактных преступлений в прошлом.

L.A. Malesky (2007) опросил 101 мужчину, осужденных за сексуальные преступления в Интернете (большинство из них за преступления, связанные с детской порнографией). Примерно треть этих мужчин общались с несовершеннолетним, с которым они познакомились в Интернете, в надежде установить сексуальные отношения. R.V. Krueger с коллегами (2009) сообщили, что из общей выборки в 60 онлайн-правонарушителей, 22 человека прибегали к сексуальным домогательствам в Интернете, а 20 из них также использовали и детскую порнографию.

Различие между правонарушителями, совершившими действия исключительно в Интернете, и теми, кто нацелен на контакт, представляется

возможным, но распространенность этих типов интернет-правонарушителей неясна и, вероятно, сильно зависит от того, как набирается выборка. Например, может получиться так, что о правонарушителях, совершивших домогательства в Интернете, чаще сообщают в полицию, и поэтому они чаще представлены в выборках, чем интернет-правонарушители, ограничивающие себя просмотром и распространением порнографических материалов. H.L. Merdian с коллегами (2011) провели различие между онлайн-правонарушителями, использующими детскую порнографию, которые нацелены и не нацелены на установление контакта. Правонарушители второй группы ищут детскую порнографию, чтобы подпитывать свои сексуальные фантазии, в то время как те, кто замотивирован на контакт, используют детскую порнографию как часть своих правонарушений, в качестве груминга потенциальных жертв.

M.C. Seto, J.M. Cantor и R. Blanchard (2006) сравнили 53 онлайн-правонарушителя, использовавших (согласно официальным данным и самоотчету) только детскую порнографию, с 47 испытуемыми, совершившими правонарушения двух типов (и контактные действия, и использование порнографии). Эти две группы существенно не различались по фаллометрической оценке сексуального возбуждения при просмотре изображений детей, хотя можно было бы предполагать, что сила сексуального возбуждения от детских образов при фаллометрической оценке будет отличать тех, кто действует в соответствии с их педофильным интересом, выходя на контакт с ребенком в реальной жизни.

J.A. McCarthy (2010) сравнил по ряду демографических, криминологических и сексологических показателей 56 интернет-правонарушителей, которые использовали исключительно детскую порнографию, с 51 правонарушителями, совершившими правонарушения двух типов (просмотр порнографических материалов с участием детей и контактные правонарушения). Хотя обнаруженные различия возникают и за счет меньшей части испытуемых, правонарушители второй группы чаще сообщали об употреблении запрещенных наркотиков, чаще ранее совершали сексуальные преступления и у них чаще диагностировали педофилию.

S.L. Clevenger с соавторами (2016) подчеркивали, что преступники, которые осуществляют сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних посредством Интернета, могут отличаться от тех, кто сексуально эксплуатирует несовершеннолетних в реальной жизни. Как правило, первые значительно реже имеют уголовное прошлое и проблемы с наркотиками, они также набирают меньше баллов по такому показателю, как антисоциальность (Long M.L., Alison L.A., McManus M.A., 2013). У интернет-правонарушителей существенно ниже частота встречаемости злоупотребления психоактивными веществами (Navarro J.N., Jasinski J.L., 2015).

В ходе исследований К.М.Вабчишин с коллегами (2011) обнаружили, что онлайн-правонарушители реже в прошлом совершали криминальные несексуальные действия, и по результатам их метаанализа около 12% (136 из 1150) онлайн-правонарушителей имели одно или несколько ранее задокументированных несексуальных преступлений. В исследовании, проведенном несколько позже, S. Jung с соавторами (2013) также обнаружили, что группа из онлайн-правонарушителей, просматривающих детскую порнографию, реже имели криминальное прошлое, чем группа контактных правонарушителей.

R.A. Prentky с коллегами представили данные о 113 лицах, совершивших преступления только в Интернете, и 176 субъектах, совершивших половые контакты с детьми, 60 совершивших оба типа правонарушений, и трех небольших группах сопоставления, состоящих из 35 насильников, 27 других сексуальных преступников и 55 несексуальных преступников. Лица, совершившие оба типа правонарушений, и контактные правонарушители продемонстрировали значительно более антисоциальное поведение, чем правонарушители, использующие только Интернет. Интернет-правонарушители, однако, чаще сообщали о просмотре порнографии с участием животных, мочи или фекалий, рабства, садизма или изнасилования по сравнению с контактными преступниками (Prentky R.A. и др., 2010). Кроме того, правонарушители, совершившие только интернет-преступления, и двойные правонарушители, имели значительно более высокие баллы по поглощенности Интернетом (Lee A.F. и др., 2012).

Некоторые авторы высказывают точку зрения, что детская порнография может заменить контактные сексуальные преступления лицам, испытывающим сексуальное влечение к детям. Однако остается неясным, обладают ли меньшим риском совершения контактных правонарушений субъекты, движимые фантазиями, ограничивающие свои сексуальные взаимодействия с несовершеннолетними сексуальными чатами, порнографией, просьбами о непристойных или откровенных фотографиях и эксгибиционизмом через веб-камеру.

С одной стороны, исследователи (Babchishin К.М. и др., 2011) предполагают, что интернет-правонарушители, воздерживающиеся от совершения контактных действий, должны обладать более высоким уровнем самоконтроля. С другой стороны, исследователи отмечают, что некоторые правонарушители переходят от виртуальных к контактным преступлениям (McManus M., Long M.L., Alison L., 2011; Bernard F., 1985; Riegel D.L., 2004). M. Taylor и E. Quayle (2003) отмечают, что сексуальный интерес к несовершеннолетним может усиливаться в процессе использования Интернета и может приводить к появлению желания контакта в реальности.

T. Ward и S.M. Hudson (1998) предположили, что лица, использующие Интернет и испытывающие сексуальное влечение к детям, фактически демонстрируют неадаптивную стратегию, позволяющую избежать контактных нарушений. Но эти же стратегии контроля могут на самом деле иметь обратный эффект: увеличивать риск совершения контактного сексуального преступления.

1.1.3. Типология интернет-правонарушителей

В зарубежной литературе в самом общем виде выделяют три типа сексуальных правонарушителей. К первому относят лиц, совершивших контактные преступления в реальном мире, ко второму – совершивших виртуальные преступления в информационно-телекоммуникационной среде, и к третьему – смешанную когорту (Tener D., Wolak J., Finkelhor D., 2015). При этом некоторые авторы утверждают, что виртуальные преступники по своим

характеристикам в большей степени приближаются к группе здоровых лиц (Magaletta P.R. и др., 2014).

Многочисленные авторы пытались выделить подтипы онлайн-правонарушителей, основываясь на их мотивах (скрытое любопытство, педофилия), типах вовлеченности (производство, распространение, просмотр детской порнографии) и схемах вовлеченности (ежедневная или разовая деятельность) (Meridian H.L. и др., 2011).

Было высказано предположение, что для некоторых лиц скачивание детской порнографии может являться целью само по себе, как коллекционирование, без ее использования для стимуляции фантазий при мастурбации (Hartman C.R., Burgess A.W., Lanning K.V., 1984). Мотивацией может быть получение труднодоступного контента, которым можно торговать в Интернете. Например, кто-то может собрать полную серию изображений препубертатных мальчиков, даже если сексуально заинтересован только в девочках, потому что изображения мальчиков ценятся более высоко, и их можно использовать для обмена и получения большего количества желаемого контента. Люди с редкими изображениями или с полными наборами известных серий изображений имеют в Интернете более высокий статус (Jenkins P., 2001; Taylor M., Quayle E., 2003).

Таким образом, предложены различные типологии интернет-правонарушителей, большинство из которых, однако, не проверялось на репрезентативных выборках. Здесь будут приведены лишь основные из них.

К. Young (2005) провела различие между *ситуативными* или сексуально компульсивными правонарушителями, и правонарушителями-*педофилами*, которые стремятся к сексуальным контактам с детьми младшего возраста. Она предположила, что ситуативные онлайн-преступники чаще честны в отношении своего возраста, внешности и личности, тогда как преступники-педофилы и гебефилы с большей вероятностью притворяются детьми или намеренно лгут и манипулируют.

J.F. McLaughlin (2000) ввел термин «*чаттер*» для тех, кто обхаживает своих жертв, занимается киберсексом и часто, но не всегда пытается выйти на личный

контакт. Термин «путешественник» использовался для описания тех, кто использует онлайн-чаты как промежуточный этап для организации личных встреч со своими жертвами в целях сексуального удовлетворения. Также автор выделял «собираателей детской порнографии» и ее «производителей».

I.A. Elliott и A.R. Beech (2009) объединили несколько конструктивных, на их взгляд, классификаций и выделили следующие типы: «периодически распутные» (которые имеют доступ к детской порнографии от случая к случаю, импульсивно), «только фантазирующие» (которые проявляют сексуальный интерес к детям, но не совершали контактных правонарушений), «с прямой виктимизацией» (такие правонарушители используют интернет-технологии в рамках более широкого спектра противоправного поведения, включающего как просмотр детской порнографии, так и контактные действия с несовершеннолетними) и «с коммерческой эксплуатацией» (в таком случае Интернет используется для того, чтобы заработать деньги на продаже детской порнографии или организации проституции с участием несовершеннолетних).

O. Henry с коллегами (2010), используя ряд самоотчетов, выделили три отдельные группы интернет-правонарушителей в выборке из 422 мужчин (две из трех групп совершили правонарушения, связанные с детской порнографией): «условно нормальные» (близкие или находящиеся в пределах нормы по всем тестам), «неадекватные» (испытывающие значительные проблемы в социальной и эмоциональной сферах, такие как одиночество и недостаточная уверенность в себе, без серьезных проблем с агрессивными установками и убеждениями, черствостью или эмоциональной идентификацией с детьми) и «девиантные» (характеризующиеся дефицитом в социальной и эмоциональной сферах, а также очень низкой эмпатией к жертвам, наличием установок и убеждений, поддерживающих противоправное поведение).

S. Webster с коллегами (2012) провели различие между «грумерами», определяя их как преступников, ищущих интимной близости (убеждены в том, что они находятся в романтических отношениях с ребенком по обоюдному согласию, проводят много времени, общаясь и знакомясь с ним, прежде чем

пробуют договориться о личной встрече); «*гиперсексуальными*» преступниками (в высшей степени сексуализированы, без особого желания встретиться оффлайн, проявляют малый интерес к жизни ребенка и преимущественно обсуждают с ним сексуальные темы); «*адаптируемыми*» преступниками (используют несколько различных идентичностей в сети, адаптируя свое поведение в соответствии с ребенком, с которым общаются, но без мотивации к личной встрече).

Таким образом, в литературе не существует единой классификации лиц, совершивших виртуальные сексуальные правонарушения, а имеющиеся классификации достаточно разнородны и в некотором смысле разноплановы.

1.2. Социально-демографическая характеристика интернет-правонарушителей

Исследование сексуальных онлайн-правонарушителей затруднено в связи с тем, что лица, совершившие сексуальные преступления, не являются однородными (Babchishin K.M., Hanson R., Hermann C.A., 2011; Henshaw M., Ogloff J.R.P., Clough J.A., 2017).

Интернет-правонарушители в среднем моложе, чем контактные правонарушители (Webb L. и др., 2007), а также имеют меньше судимостей. Это может быть результатом связи между молодым возрастом и частотой использования сети Интернет (Babchishin K.M., Hanson R., Hermann C.A., 2011). Согласно имеющимся данным, средний возраст виртуальных правонарушителей в среднем составляет 39 лет, с диапазоном варьирования от 18 до 60 лет (Krueger R.B., Kaplan M.S., First M.B., 2009).

К.М. Babchishin с коллегами (2011) показали, что интернет-правонарушители чаще принадлежат к европеоидной расе, чем контактные правонарушители. Доля европеоидов среди онлайн-преступников выше, чем в населении в целом, что, вероятно, связано с доступностью Интернета. Вместе с тем, монголоиды, которые по статистике используют Интернет чаще других рас, реже представлены среди онлайн-правонарушителей.

Т. Лу с соавторами (2018) указывают, что виртуальные правонарушители в основном обладают просоциальной ориентацией (ведут семейную жизнь, трудоустроены, имеют хорошее образование). А. van Wijk с коллегами (2005) также описывают их как женатых мужчин, имеющих собственных биологических детей. В исследовании А. Frei с соавторами (2005) был проведен анализ 33 осужденных интернет-правонарушителей и изучены их психосоциальные, криминологические и психосексуальные данные. Большинство из этих мужчин были среднего возраста, занимали высокие профессиональные должности; 10 были женаты, однако 11 никогда не имели интимных отношений с женщинами; 13 имели детей; 1 имел соответствующее уголовное прошлое.

По данным R.V. Krueger с соавторами (2009), 36% интернет-правонарушителей состояли в браке, 10% разведены, 3% одиноки и 51% никогда не были женаты. А в исследовании I.A. Elliott с коллегами (2013), проведенном более чем на тысяче правонарушителей (совершивших контактные сексуальные правонарушения, правонарушения сексуального характера в онлайн-среде и смешанной группе), не было обнаружено значимых различий между группами по таким показателям, как возраст, семейное положение или наличие детей.

Согласно M.L. Long с коллегами (2013), у данной когорты испытуемых обнаруживаются стабильная занятость и меньшее количество случаев жестокого обращения с детьми. С другой стороны, как указывают авторы, такие испытуемые чаще одиноки и реже имеют детей.

L. Reijnen, E. Bulten и H. Nijman (2009) обнаружили, что интернет-правонарушители были значительно младше по возрасту, чем контактные правонарушители, чаще являлись одинокими и в большинстве случаев проживали одни, не имели собственных детей.

Согласно данным метаанализа К.М. Babchishin и других (2011), из обобщения результатов девяти исследований следует, что онлайн-преступники значимо реже когда-либо состояли в браке в сравнении с данными по населению в целом. Эта разница может быть также связана с обнаруживаемыми у интернет-правонарушителей одиночеством, проблемами с самооценкой, дефицитами в

межличностном и эмоциональном функционировании (Middleton D. и др., 2006; Webb L., Craissati J., Keen S., 2007).

Интернет-правонарушители в среднем более образованные, чем контактные. Это может отражать тот факт, что использование Интернета положительно коррелирует с уровнем образования, но это различие может исчезнуть по мере увеличения доступности Интернета в мире и развития его интуитивной понятности (Babchishin K.M., Hanson R., Hermann C.A., 2011).

В исследованиях социального статуса правонарушителей было выявлено, что виртуальные преступники значительно чаще получают хорошее образование, работу и имеют высокие доходы, чем контактные правонарушители (Lu T., Murphy L., Fedoroff J.P., 2016). Согласно данным R.B. Krueger с соавторами (2009) 12% их выборки виртуальных правонарушителей были выпускниками средней школы; 28% закончили училища; 20% были выпускниками колледжа и 25% имели дипломы о высшем образовании.

Также имеются данные о том, что контактных сексуальных правонарушителей от виртуальных отличает история сексуального насилия. Лица, совершившие контактные половые преступления, чаще подвергались сексуальному насилию в прошлом, чем лица, не совершавшие сексуальных преступлений (Jespersen A.F., Lalumière M.L., Seto M.C., 2009; Seto M.C., Lalumière M.L., 2010). Согласно литературе, разные формы жестокого обращения предсказывают последующие правонарушения, в том числе сексуальные преступления (Maxfield M.G., Widom C.S., 1996). D. Salter с коллегами (Salter D. и др., 2003) обнаружили, что примерно 10% детей, подвергшихся сексуальному насилию, впоследствии были пойманы за совершение сексуальных преступлений. Эти данные поддерживают представление о том, что сексуальные преступники с высокой вероятностью сами подвергались сексуальному насилию в детском возрасте.

К.М. Babchishin с коллегами (2011) в своем метаанализе обнаружили, что онлайн-правонарушители, также, как и контактные, значимо чаще имели в

прошлом опыт сексуального насилия в сравнении с мужчинами из общей популяции.

Полученные данные нельзя трактовать исключительно как способ самооправдания сексуальных правонарушителей, поскольку существуют исследования, в которых собирались данные из внешних источников (например, из отчетов родителей или учителей, официальных записей), и в них были обнаружены аналогичные групповые различия (Seto M.C., Lalumière M.L., 2010). Одна из возможных причин заключается в том, что сексуальное насилие влияет на психосексуальное развитие.

1.3. Клиническая и психологическая характеристика интернет-правонарушителей

1.3.1. Характерологические особенности

В ранее упомянутом исследовании L. Webb с коллегами (2007) показали, что интернет-правонарушители имеют ряд проблем с сексуальной саморегуляцией, но при этом имеют более низкие показатели по психопатии и когнитивным искажениям (Webb L., Craissati J., Keen S., 2007).

В исследовании K. Sheldon и D. Howitt (2008) в группе испытуемых, совершивших контактные правонарушения, чаще обнаруживались когнитивные искажения. Интернет-правонарушители реже поддерживали когнитивные искажения, за исключением убеждений о детях как сексуальных существах. Это представляется важным, поскольку установки, поддерживающие совершение сексуальных правонарушений, являются центральными для многих современных моделей контактных сексуальных правонарушений (Ward T., Polaschek D., Beech A.R., 2006). Однако K.M. Babchishin с коллегами (2011) в своем метаанализе не обнаружили групповых различий в четырех исследованиях, где затрагивалось изучение установок, поддерживающих противоправные действия, среди интернет-правонарушителей и лиц, совершающих контактные преступления.

Интеллект интернет-правонарушителей, обвиняемых в просмотре и хранении детской порнографии, выше, чем контактных сексуальных

правонарушителей, их средний IQ (коэффициент интеллекта) ближе к общепопуляционному, тогда как интеллект контактных правонарушителей обычно на 10 пунктов ниже среднего показателя по популяции (Blanchard R. и др., 2007). В одном из метаанализов было показано, что правонарушители с педофилией демонстрируют более низкий уровень интеллекта в сравнении с иными правонарушителями (Cantor J.M. и др., 2005).

Некоторые авторы указывают на преобладание у контактных правонарушителей агрессии и враждебности, уверенности в собственной безнаказанности. При этом мотивационные типы личности могут быть самыми разнообразными – от игрового до насильственного, также, как и основания для реализации своих желаний в виде самоощущения себя на желаемом уровне в сексуальной сфере, стремления доминировать над жертвой путем подчинения и унижения, ориентации на получение новых познаний и ощущений вплоть до копирования модели поведения «интересующих» насильника персонажей (Вакуленко Н.А., Брюхнов А.А, 2018).

В метаанализе К.М. Babchishin с соавторами (2011) было показано, что правонарушители, контактировавшие с детьми, набрали более низкие баллы по показателям эмпатии по отношению к жертвам в сравнении с виртуальными правонарушителями.

А. Bates и С. Metcalf (2007) сравнили 39 лиц, совершивших сексуальные преступления через сеть Интернет, с 39 лицами, совершившими контактные сексуальные преступления. Онлайн-правонарушители, набрали наибольшее количество баллов по эмоциональному одиночеству, но у них была меньше выражена эмоциональная идентификация с детьми, обнаруживался меньший дефицит эмпатии к детям и меньше когнитивных искажений. В то же время при анализе когнитивных искажений многими авторами выявляются сходства между виртуальными и контактными преступниками (Семенцова И.А., Фоменко А.И., 2015; Holt T.J., Blevins K.R., Burkert N., 2010; Rosenmann A., Safir M.P., 2006; Sheldon K., Howitt D., 2008).

Эмоциональная идентификация с детьми также рассматривается как важный фактор совершения сексуальных правонарушений в отношении несовершеннолетних (Finkelhor D., 1984). Эмоциональную идентификацию можно рассматривать как коррелят педофилии, когда лицо, испытывающее сексуальное влечение к детям, также обращается к детям эмоционально и психологически. По данным К.М. Babchishin и соавторов (2011), не было обнаружено разницы по эмоциональной идентификации с детьми между группами виртуальных и контактных правонарушителей.

В исследовании J. Neutze с коллегами (2011) было показано, что виртуальные и контактные правонарушители мало чем отличаются по ряду параметров: оказалось, что для обеих групп характерен эмоциональный дефицит, когнитивные искажения, проблемы с регуляцией сексуального поведения.

P.R. Magaletta с соавторами (2014) сравнили 26 контактных сексуальных правонарушителей, совершивших преступление в отношении несовершеннолетних, и 35 онлайн-преступников по опросникам клинического и личностного функционирования. Онлайн-правонарушители оказались схожи с мужской нормой и значительно благополучнее в сравнении с контактными правонарушителями по шкалам, затрагивающим антисоциальность, включая доминирование, агрессию, антисоциальные черты, проблемы с употреблением алкоголя или наркотиков.

I.A. Elliott и другие (2009) сообщили о сравнении 505 лиц, совершивших сексуальные преступления в Интернете, и 526 лиц, совершивших контактные сексуальные преступления, по показателям эмоциональной саморегуляции, когнитивных нарушений, эмпатии и межличностного функционирования. По таким показателям, как когнитивные нарушения и дефицит эмпатии к жертве, большее количество баллов набрали представители второй группы, тогда как по показателям когнитивной импульсивности и внешнего контроля превалировала первая группа. В целом контактные правонарушители в исследовании показали более высокие показатели по выраженности психологических проблем.

Таким образом, несмотря на некоторую мотивацию к совершению сексуальных действий в отношении детей (например, при наличии педофилии), преступники, которые ограничивают свои действия Интернетом, вероятно, имеют более серьезные барьеры для контактных правонарушений, менее выраженные асоциальные тенденции (Long M.L., Alison L.A., McManus M.A., 2013), более высокую эмпатию к жертвам и больший самоконтроль (Elliott I.A., Beech A.R., Mandeville-Norden R., 2013).

1.3.2. Психопатологические особенности

В выборке P. Briggs, W.T. Simon и S. Simonsen (2011) у трех четвертей из 51 правонарушителя, совершивших домогательства в сети Интернет, были диагностированы психические расстройства, чаще всего депрессия, расстройство адаптации или расстройство, связанное со злоупотреблением психоактивными веществами. Однако эти клинические проблемы могут быть следствием онлайн-правонарушений, а не предшествовать им. У половины выборки были диагностированы расстройства личности, и такие диагнозы уже трудно объяснить последствиями онлайн-правонарушений, однако вероятно, что сам факт совершения правонарушения мог способствовать постановке диагноза. Наиболее часто среди диагнозов расстройств личности обнаруживались избегающее и нарциссическое, при этом антисоциальное расстройство личности встречалось редко, отражая типичное отсутствие антисоциального или криминального прошлого среди онлайн-правонарушителей (Burgess A.W., Carretta C.M., Burgess A.G., 2012). По другим данным интернет-правонарушители часто имеют нарциссическое расстройство личности, в то время как у контактных правонарушителей чаще диагностируются тревожное и антисоциальное расстройство личности (Briggs P., Simon W.T., Simonsen S., 2011).

R.B. Krueger, M.S. Kaplan и M.B. First (2009) сравнили по частоте встречаемости психиатрических диагнозов 22 преступника, совершивших сексуальные домогательства в Интернете, и 38 правонарушителей, просматривавших детскую порнографию. Эти две группы были относительно

небольшими, вероятно поэтому не было обнаружено значимых различий в распространенности диагнозов парафилии, тревожного расстройства, расстройства настроения или расстройств, связанных со злоупотреблением психоактивными веществами.

Высказывалась и такая точка зрения, что интернет-правонарушители должны иметь более высокий риск совершения повторных правонарушений, поскольку чаще имеют педофилию, чем контактные сексуальные правонарушители (Seto M.C., Cantor J.M., Blanchard R., 2006).

Весьма правдоподобно, что некоторые люди, которые проявляли сексуальный интерес к детям, то есть находились на инициальном этапе формирования педофилии, начали выражать этот интерес в поисках детской порнографии в период полового созревания, а затем продолжали выражать этот аномальный интерес, просматривая детскую порнографию в подростковом и/или взрослом возрасте (Seto M.C., 2012).

Большинство правонарушителей, использующих детскую порнографию, - педофилы или гебефилы (Seto M.C., Cantor J.M., Blanchard R., 2006; Seto M.C., Reeves L., Jung S., 2010), в то время как большинство правонарушителей, встречающихся или пытающихся встретиться с несовершеннолетними, реже педофилы, поскольку чаще предпочитают подростков в возрасте 13-15 лет (Wolak J., Finkelhor D., Mitchell K., 2008). Согласно данным P. Briggs с коллегами, только у 10% их выборки была диагностирована парафилия (Briggs P., Simon W.T., Simonsen S., 2011).

M.C. Seto с коллегами (2006) утверждали, что лица, которые неоднократно просматривали порнографию, и те, кто находил ее сексуально возбуждающей, высоко вероятно педофилы. В исследовании 685 мужчин, использовавших детскую порнографию, и мужчин с диагнозом педофилия авторы обнаружили, что испытуемые в их выборке испытывали большее возбуждение к детям, чем ко взрослым, а просмотр детской порнографии является лучшим диагностическим показателем педофилии, чем контактное сексуальное правонарушение в отношении ребенка. Исследователи пришли к выводу, что просмотр детской

порнографии может быть более сильным диагностическим признаком педофилии, чем сексуальное преступление против ребенка.

Эти результаты были подтверждены еще в одном исследовании (Blanchard R. и др., 2007), показывающем, что некоторые мужчины, не являющиеся педофилами, совершают правонарушения в отношении детей не вследствие аномальной сексуальности, а, например, потому что антисоциальны и ищут сексуального удовлетворения.

Использование детской порнографии так диагностически важно, поскольку люди могут свободно выбирать вид порнографии, а легальной и доступной порнографии со взрослыми очень много, и при таком изобилии лишь немногие сексуально здоровые индивиды выбрали бы нелегальную детскую порнографию, если бы у них не было личных смыслов, связанных с содержанием детской порнографии.

По данным M.C. Seto, J.M. Wood, K.M. Babchishin и S. Flynn (2012), правонарушители, просматривающие детскую порнографию, чаще демонстрировали гебефильный сексуальный интерес, а также имели больше проблем с сексуальной саморегуляцией.

Согласно данным K.M. Babchishin, R. Hanson и C.A. Hermann (2011), интернет-правонарушители чаще имеют сексуальное влечение к детям (как по фаллометрической оценке, так и по самоотчету, и по оценкам врачей).

Таким образом, совершение сексуального правонарушения в отношении несовершеннолетних в сети Интернет само по себе свидетельствует о некотором сексуальном интересе к детям, то есть о повышенном риске формирования педофилии. В контексте этой позиции утверждается, что изучение интернет-правонарушений расширяет наши знания о распространенности сексуального влечения к детям, поскольку даже использование детской порнографии позволяет говорить о некотором интересе к несовершеннолетним (Seto M.C., Cantor J.M., Blanchard R., 2006).

В другом исследовании K. Sheldon и D. Howitt (2008) сравнивали 16 интернет-правонарушителей, 25 контактных правонарушителей и 10 двойных

(совершивших действия как онлайн, так и контактные правонарушения) по частоте встречаемости различных сексуальных фантазий. Онлайн и «двойные» правонарушители чаще сообщали о сексуальных фантазиях о девочках моложе 15 лет, чем контактные правонарушители. Контактные правонарушители, напротив, чаще сообщали о сексуальных фантазиях, связанных с непристойными звонками, эксгибиционизмом, чем онлайн-правонарушители.

D.L. Riegel (2004) обнаружил, что большинство из 290 опрошенных в рамках его анонимного онлайн-опроса указали, что испытывают сексуальное влечение к мальчикам. 95% респондентов также сообщили о просмотре детской порнографии в Интернете, причем большинство (59%) просматривает ее «часто», а две трети признались, что мастурбировали при просмотре порнографии с участием детей. Только 5% из выборки этих лиц, испытывающих влечение к мальчикам, никогда не смотрели детскую порнографию.

При изучении интернет-правонарушителей в одной из работ было выявлено, что только у 10% из них обнаруживаются расстройства сексуального предпочтения, среди которых не было выявлено педофилии (Briggs P., Simon W.T., Simonsen S., 2011). Полученные данные можно объяснить тем, что для виртуальных преступников, в своем большинстве, выбор жертвы не зависит собственно от их сексуальных предпочтений, а является результатом построения идеальной футуристической фантазийной модели, в которой обыгрываются все варианты достижения цели в получении удовлетворения (Sheldon K., Howitt D., 2008).

В исследовании R.V. Krueger с соавторами (2009) было показано, что достаточно большой процент виртуальных сексуальных преступников имеет сексуальные расстройства: оказалось, что у 40% из них отмечались клинические признаки половых девиаций, среди которых наиболее часто встречались гиперсексуальность, педофилия, фетишизм, садомазохизм и, реже, эксгибиционизм. Само же поведение таких лиц в Интернете было разнородным. Попытки встретиться с детьми наблюдались в 60% случаев. Однако, контактное сексуальное преступление как результат онлайн-общения было зарегистрировано

только в 8% случаев. Продолжительность общения с жертвами в виртуальных сетях зачастую была длительной и варьировалась от 1 до 180 дней (в среднем – 19,71 дня). Из всей выборки 40% имели диагноз парафилии, 31% педофилии, а 18% испытывали сексуальное влечение к подросткам. Только одному испытуемому был выставлен диагноз другой парафилии (эксгибиционизм). У 33% была выявлена сопутствующая гиперсексуальность. Анализ показал, что гиперсексуальность не была связана с парафилией.

Было предложено добавить использование детской порнографии в качестве критерия для диагностики педофильного расстройства (First M.V., 2011). Однако, исходя из имеющейся информации, большинство правонарушителей, занимающихся детской порнографией, склонны искать ее по причинам, не связанным с педофилией. В некоторых исследованиях педофилия встречалась чаще у смешанных правонарушителей, чем у онлайн-преступников (Babchishin K.M., Hanson R.K., VanZuylen H., 2015). Так, J.A. McCarthy (2010) сравнил 56 правонарушителей только с детской порнографией и 51 двойных правонарушителей (использование детской порнографии и контактные правонарушения). У двойных правонарушителей чаще диагностировалась педофилия.

1.3.3. Действия в Интернете как стратегия совладания со стрессом

Целый ряд моделей, объясняющих совершение сексуальных правонарушений, предполагает наличие у таких преступников эмоциональных проблем (Finkelhor D., 1984; Hall G.C.N., Hirschman R., 1991; Ward T., Polaschek D., Beech A.R., 2006); существуют исследования, показывающие связь нарушений настроения и компульсивного или эксцессивного сексуального поведения (Kafka M.P., Hennen J., 2003).

F. Cortoni и W.L. Marshall (2001) предположили, что одиночество и другие негативные эмоциональные состояния могут способствовать совершению сексуальных правонарушений. Они утверждают, что растлители детей чаще используют секс как способ справиться с негативными переживаниями, чем лица,

совершающие изнасилования или другие виды сексуальных правонарушений. При невозможности установить отношения с соответствующими по возрасту партнерами, некоторые лица могут прибегнуть к замене. Этот фактор может быть более существенным для интернет-правонарушителей, поскольку кто-то из них проводит очень много времени в Интернете и не может выйти в реальную жизнь, другие выходят в сеть именно из-за одиночества, социальной изоляции или социальной тревожности (Taylor M., Quayle E., 2003).

Однако в метаанализе К.М. Babchishin с соавторами (2011) не было обнаружено разницы в одиночестве между сравниваемыми группами. G.K. Wall с коллегами (2011) в своей работе не обнаружили различий в показателях одиночества или эмоционального избегания между 15 интернет-правонарушителями, 18 контактными правонарушителями, 25 несексуальными правонарушителями и 25 испытуемыми контрольной группы, не совершавших правонарушений.

Другая модель, связанная как с проблемным использованием Интернета, так и с моделями сексуальной зависимости и компульсивности, рассматривает секс как средство борьбы с негативными эмоциями и состояниями, такими как одиночество, грусть, гнев и стресс (Serran G.A., Marshall L.E., 2006). Фантазирование и мастурбаторная активность под онлайн-порнографию отвлекают и могут временно заставить человека чувствовать себя лучше.

R.A. Davis (2001) предложил когнитивно-поведенческую модель проблемного использования Интернета, в рамках которой выделяет специфические проблемы (использование онлайн-порнографии, азартные игры в Интернете) и обобщенные проблемы (чрезмерное или бесцельное использование Интернета). Он предположил, что существующая психопатология, такая как депрессия или социальная тревога, является необходимым условием, в конечном итоге приводящим к чрезмерному использованию Интернета. Эту модель можно сравнить с представлениями о том, что сексуальные преступники используют секс как способ справиться с негативным настроением, подобно тому, как наркоманы

обращаются для этого к определенным веществам (Cortoni F., Marshall W.L., 2001).

Существуют и другие исследования, рассматривающие идею о том, что сексуальное поведение может использоваться как средство борьбы с негативным аффектом. W.D. Pithers с коллегами (1983) изучили предшествующие сексуальные преступления в рамках фундаментального исследования модели предотвращения рецидива при лечении сексуальных преступников и обнаружили, что испытуемые ретроспективно сообщали, что негативное воздействие предшествовало трем четвертям их преступлений. R.K. Hanson и A.J.R. Harris (2000) обнаружили, что острые изменения в сторону негативного аффекта были связаны с большей вероятностью повторного правонарушения. Эта связь может быть опосредована и девиантными сексуальными фантазиями. Так, J. Proulx, A. McKibben и R. Lusignan (1996) обнаружили, что опыт негативного аффекта был связан с возникновением более девиантных сексуальных фантазий, что, в свою очередь, могло привести к девиантному сексуальному поведению.

P. Briggs с соавторами (2011) предположили, что попытки домогательств со стороны интернет-правонарушителей можно объяснить социальной изоляцией и дисфорическим настроением, что приводит к разнообразию сексуального поведения в интернете. Вопросы для будущих исследований включают в себя изучение степени, в которой социальная изоляция и дисфорическое настроение может быть причинным фактором, а не коррелятом личностных черт, а также рассмотреть другие индивидуальные различия тех, кто склонен совершать онлайн домогательства. К настоящему времени идея о том, что сниженное настроение приводит к реализации сексуальных действий в качестве стратегии совладания, пока не получила достаточного эмпирического внимания (Cortoni F., Marshall W.L., 2001).

Таким образом, Интернет предоставляет социально изолированному взрослому человеку безличный способ социального взаимодействия, а также возможность сексуального удовлетворения без риска столкнуться лицом к лицу с отторжением.

1.4. Механизмы интернет-правонарушений

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что для объяснения сексуальных интернет-правонарушений в отношении несовершеннолетних необходимо привлекать различные этиологические модели (Seto M.C., 2015).

Такие модели подразделяются на четыре подхода, три из которых далее будут рассмотрены. Согласно четвертому подходу, интернет-правонарушения представляют собой совершенно новый подвид правонарушений с неизвестными механизмами, о чем было сказано выше.

1.4.1. Подтип контактных правонарушений

В рамках первого подхода предполагается, что к интернет-правонарушениям приводят те же факторы, которые приводят и к совершению контактных преступлений. С этой точки зрения интернет-правонарушители – это обычные сексуальные правонарушители, просто с доступом к Интернету, и смысла в их разделении не больше, чем в разделении преступников на тех, кто использовал или не использовал для реализации своих преступных намерений технические устройства (например, телефон). В таком случае Интернет используется просто как средство.

Предпринимались попытки переложения уже существующих типологий, разработанных для контактных правонарушителей, на правонарушения, которые были совершены посредством сети Интернет. Особенности интернет-правонарушителей, рассмотренные в блоках характерологических и клинических нарушений, являются факторами разных моделей сексуального злоупотребления детьми, разрабатываемыми для контактных правонарушителей (Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В., 2014), и используются для объяснения противоправных сексуальных действий, совершенных в сети Интернет. Например, D. Middleton с коллегами (2006) изучили применимость модели путей T. Ward и R.J. Siegert (2002), разработанную для контактных правонарушителей, для объяснения сексуальных интернет-правонарушений.

Основная предпосылка модели заключается в том, что правонарушители, как правило, следуют одному из нескольких распространенных путей к совершению сексуальных преступлений, с характерными для них дефицитами: (1) дефицит близости; (2) искаженные сексуальные сценарии; (3) эмоциональная дисрегуляция; (4) антисоциальные установки и убеждения; (5) множественные дисфункции.

D. Middleton с коллегами (2006) получили данные в поддержку путей эмоциональной дисрегуляции и дефицита близости у онлайн-правонарушителей, однако поведение примерно половины изученных ими правонарушителей не укладывалось в модель.

В рамках дополнительной проверки D. Middleton (2009) были собраны данные на большей выборке из 213 интернет-правонарушителей, которые сравнивались с выборкой из 191 контактного сексуального преступника, совершивших сексуальные действия в отношении детей. Был обнаружен ряд сходств между группами контактных и онлайн-правонарушителей: наибольшее число лиц в обеих группах характеризовалось путями дефицита близости и эмоциональной дисрегуляции, но и в этом исследовании многим онлайн-правонарушителям не удалось определить ни один из пяти путей.

1.4.2. Проблемное использование Интернета и интернет-зависимость

Еще одна точка зрения заключается в том, что интернет-правонарушения представляют собой крайнюю форму проблемного использования Интернета, выражающегося в спектре проблемного поведения: от траты слишком большого количества времени или денег в сети до противоправных действий.

S. Laulik, J. Allam и L. Sheridan (2007) изучили 30 правонарушителей, использующих детскую порнографию и проводивших в среднем 12 часов в неделю в поисках таких материалов в Интернете (это время не включало часы, проведенные онлайн для других целей). Стандартное отклонение времени составило 7 часов. Таким образом, некоторые из правонарушителей могли тратить 20 и более часов в неделю на поиск детской порнографии. Кроме того,

время, затраченное на просмотр детской порнографии, было обратно связано с уровнем личностного функционирования. Эта связь не обязательно означает причинно-следственные отношения, потому что может оказаться так, что люди с большими трудностями проводят больше времени в Интернете, а не наоборот.

R.A. Prentky с коллегами (2010) обнаружили, что чрезмерная увлеченность Интернетом напрямую не связана с проблемами в межличностном взаимодействии таких лиц, но отличает тех, кто совершил правонарушения только с использованием детской порнографии, от других интернет-правонарушителей, которые выходили на общение с детьми.

S. Stack, I. Wasserman и R. Kern (2004) проанализировали данные социального опроса 2000 года и обнаружили, что счастливые супружеские пары гораздо реже используют интернет-порнографию, чем респонденты, которые несчастливы в браке. J.P. Schneider (2000) опросил 94 партнера лиц с интернет-зависимостью и обнаружил, что снижение частоты сексуальной близости совпало с началом сексуальной поведенческой активности в Интернете. Однако этот результат не говорит о причинно-следственной связи: латентные переменные могут приводить как к проблемному сексуальному поведению в Интернете, так и к проблемам в отношениях с партнером.

1.4.3. Сексуальная зависимость или компульсивность

Согласно третьему подходу, интернет-правонарушения являются результатом специфических факторов, связанных с сексуальной зависимостью или компульсивностью.

В литературе освещается роль Интернета и виртуального секса в развитии симптомов сексуальной зависимости (Cooper A., Delmonico D.L., Burg R., 2000). Киберсексуальную зависимость можно понимать, как сочетание интернет-зависимости и сексуальной зависимости. В онлайн-опросе 9265 интернет-пользователей А. Соопер и соавторы (2000) установили, что примерно 1% имеют навязчивую зависимость от сексуальных действий в Интернете. Объяснение через механизм компульсивности часто используется при объяснении избыточного сексуального поведения в Интернете (Miner M.H. и др., 2007).

Сравнительные исследования показывают, что правонарушители, испытывающие трудности в контроле над своими сексуальными желаниями или сексуальными влечениями, чаще совершают повторные правонарушения, чем те, кто не испытывает таких трудностей (Hanson R.K., Harris A.J.R., 2000).

К. Young (2005) утверждает, что у некоторых интернет-правонарушителей могут обнаруживаться признаки сексуальной зависимости, тогда как другие используют аномальное сексуальное фантазирование как дезадаптивный способ совладения с такими проблемами, как одиночество, трудности в отношениях, или дисфория (о чем говорилось ранее). Все правонарушители, которых наблюдала К. Young, утверждали, что они случайно обнаружили чаты на тему педофилии и что это открытие определялось любопытством. Однако непонятно, почему случайное любопытство привело этих субъектов именно к поиску информации о педофилии или инцесте, а не к поиску более распространенного сексуального контента.

R.B. Krueger, M.S. Kaplan и M.B. First (2009) сообщили, что 30% из их выборки в 60 правонарушителей пытались ограничить использование компьютера и тем самым контролировать свое сексуальное поведение в Интернете, вследствие чего авторы высказали предположение, что эта подгруппа испытывает компульсивное сексуальное влечение и обеспокоена своим поведением в Интернете или способностью контролировать его. Также были получены данные, что около трети из обследованных ими правонарушителей имели гиперсексуальность и характеризовались зависимостью от детской порнографии и от виртуального секса.

Общая феноменология в моделях зависимости и компульсивности связана с тем, насколько человек чувствует, что вынужден участвовать в проблемном сексуальном поведении. H.J. Shaffer (1994) указывает, что зависимость является эго-синтонической, если в процессе поведения субъект чувствует себя хорошо, и поэтому испытывает искушение и должен активно сопротивляться желанию действовать, чтобы воздерживаться от поведения (хотя многие могут испытывать стыд или вину после своих действий). Напротив, обсессивно-компульсивное поведение является эго-дистоническим: человек не хочет участвовать в

поведении, но чувствует себя вынужденным. Иными словами, первые воздерживаются из-за закона, рационально, хотя эмоционально не видят в таких действиях ничего плохого. Вторые воздерживаются из-за эмоций и сами считают подобное поведение неприемлемым. В мире без всяких ограничений истинно зависимый занимался бы желаемой деятельностью, не испытывая негативных переживаний; в таком же абстрактном мире компульсивный индивид все равно старался бы воздерживаться от реализации возникающих аномальных желаний.

Сексуальная зависимость или компульсивность подпитываются легким доступом к порнографии и другими возможностями Интернета, включая сексуальные чаты, коммерческий секс и случайные сексуальные контакты (Carnes P. и др., 2007).

M.P. Kafka и J. Hennen (2003) предположили, что компульсивность и гиперсексуальность играют большую роль в поведении, напоминающее парафильное, но не соответствующее диагностическим критериям расстройств сексуального предпочтения. Примером расстройства, связанного с парафилией, является навязчивое использование онлайн-порнографии, несмотря на ее негативное влияние на финансы, занятость и отношения.

J. Winters с соавторами (2010) задавались вопросом, существуют ли значимые различия между сексуальной зависимостью, сексуальной компульсивностью и импульсивным сексуальным поведением. Они провели интернет-опрос людей, обеспокоенных своим сексуальным поведением, и обнаружили, что трудности регуляции сексуального поведения сильно коррелируют с высоким сексуальным желанием.

M.C. Seto с коллегами (2012) также обнаружили, что виртуальные правонарушители, имели более сильное половое влечение и сексуальную озабоченность по сравнению с контактными.

Попытка зафиксировать неконтролируемое сексуальное поведение как расстройство предпринимается и в классификациях болезней. Так, на этапе обсуждения DSM-5 (American Psychiatric Association, 2013) предполагалось включить в эту классификацию «расстройство гиперсексуальности» (Reid R.C. и

др., 2012). В МКБ-11 неконтролируемое сексуальное поведение все же зафиксировано в отдельном диагнозе «компульсивного расстройства сексуального поведения» (код МКБ-11: 6С72) (World Health Organization, 2018), которое характеризуется неспособностью контролировать интенсивные, повторяющиеся сексуальные импульсы или побуждения, приводящие к повторяющемуся сексуальному поведению. В таком случае сексуальная активность все чаще становится центральным фокусом в жизни человека, а другие важные области жизни игнорируются. В классификации МКБ-11 использование порнографии упоминается как один из вариантов компульсивного сексуального поведения, наряду с другими. Исследователи отмечают, что использование порнографии является поведением, наиболее часто реализуемым лицами с компульсивным расстройством сексуального поведения (Reid R.C. и др., 2012). Сообщается, что показатели компульсивного расстройства сексуального поведения составляют 4,2–7% у мужчин и 0–5,5% у женщин (Bothe В. и др., 2020; Briken P. и др., 2022).

Подводя итог проведенному анализу литературы, можно обозначить несколько ключевых идей, следующих из обзора:

– Интернет-правонарушители представляют собой очень разнородную группу лиц, и изучаемые характеристики могут существенно меняться в зависимости от того, какая группа попадает в исследование. Так, лица, хранящие и просматривающие порнографию с участием детей, существенно отличаются от тех лиц, которые контактируют с детьми посредством Интернета; лица, контактирующие с детьми посредством Интернета, существенно отличаются от тех лиц, которые пытаются выйти на контакт с ребенком в реальной жизни.

– Согласно литературным данным, с одной стороны, Интернет способствует совершению сексуальных правонарушений в отношении детей даже теми лицами, которые не склонны к совершению таких действий в реальности. С другой стороны, факт совершения сексуального правонарушения в отношении несовершеннолетних посредством сети Интернет свидетельствует о скрытой

предрасположенности таких лиц к совершению сексуальных действий в отношении несовершеннолетних.

– Сексуальные правонарушения, совершенные в Интернете, являются специфическим фактором риска сексуального насилия.

– Не существует единой классификации лиц, совершивших сексуальные правонарушения в отношении несовершеннолетних посредством информационно-телекоммуникационных технологий. Большинство исследователей разделяют идею о важности выделения среди интернет-правонарушителей тех лиц, которые ограничиваются просмотром и хранением детской порнографии, тех, кто стремится к общению на сексуальные темы с детьми в сети, и тех, кто помимо виртуального общения, стремится к контакту в реальной жизни.

– В зарубежных работах у лиц, совершивших сексуальные действия в отношении несовершеннолетних посредством сети Интернет, обнаруживаются противоречивые характеристики. Однако за рубежом интернет-правонарушители изучаются как смешанная когорта, без разделения испытуемых на тех, кто испытывает аномальное сексуальное влечение к детям, и тех, кто не имеет расстройств сексуального предпочтения.

– Несмотря на противоречивость результатов в зарубежных исследованиях, в целом можно сказать, что интернет-правонарушители реже имеют уголовное прошлое, более просоциальны, но чаще одиноки в сравнении с контактными правонарушителями.

– Для объяснения сексуальных правонарушений в настоящее время предложено три основных этиологических модели. Одна из которых предполагает, что интернет-правонарушители по механизмам своих действий ничем не отличаются от лиц, совершающих контактные преступления. Вторая связывает такие правонарушения с проблемным использованием Интернета и интернет-зависимостью. Третья – с сексуальной зависимостью.

ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование было проведено в Лаборатории судебной сексологии Отдела судебно-психиатрической экспертизы в уголовном процессе ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России.

Была исследована выборка из 140 человек мужского пола, среди них 120 подэкспертных, проходивших комплексную стационарную судебную психолого-сексолого-психиатрическую экспертизу в связи с совершением противоправных сексуальных действий в отношении несовершеннолетних. Личные наблюдения составили 80 (67%) случаев, 40 (33%) – были изучены по архивным материалам Центра. Для сравнения по результатам психометрических методик также было обследовано 20 (100% личные наблюдения) психически здоровых добровольцев, составивших контрольную группу. Необходимость обследования психометрическими методиками добровольцев была связана с тем, что некоторые из используемых шкал не имеют данных по нормативным значениям.

Все подэкспертные были разделены на четыре группы.

1. Первую группу составили лица, совершившие сексуальные преступления в отношении детей в виртуальной среде посредством информационно-телекоммуникационных технологий, без расстройств сексуального предпочтения (**первая выборка**, 44 человека).

Отбор подэкспертных в данную группу проводился по следующим критериям:

- характер уголовного правонарушения, связанный с противоправным поведением в виртуальной среде;
- возраст от 18 лет.

2. Вторую группу составили лица, совершившие сексуальные преступления в отношении детей в виртуальной среде посредством информационно-телекоммуникационных технологий и имеющие расстройство сексуального предпочтения (**вторая выборка**, 16 человек).

Отбор подэкспертных в данную группу проводился по следующим критериям:

- характер уголовного правонарушения, связанный с противоправным поведением в виртуальной среде;
- возраст от 18 лет.

3. В **третью группу** вошли подэкспертные, совершившие контактные сексуальные преступления в отношении детей и имеющие расстройство сексуального предпочтения в виде педофилии (**третья выборка**, 30 человек).

Отбор подэкспертных в данную группу проводился по следующим критериям:

- диагноз расстройств сексуального предпочтения в виде педофилии, выставленный в соответствии с критериями МКБ-10;
- исключались подэкспертные с инцестуозными действиями и множественными расстройствами сексуального предпочтения;
- возраст от 18 лет.

4. **Четвертую группу** составили подэкспертные без расстройств сексуального предпочтения, совершившие контактные сексуальные преступления в отношении детей (**четвертая выборка**, 30 человек).

Отбор испытуемых в данную группу проводился по следующим критериям:

- отсутствие сексуального криминального анамнеза;
- однократность сексуального правонарушения;
- возраст от 18 лет.

Для удобства восприятия в таблицах и графиках лица, совершившие сексуальные правонарушения в Интернете, выделены одним цветом, контактные правонарушители – другим. Лица с педофилией (как среди интернет-правонарушителей, так и среди контактных правонарушителей) обведены в черную рамку.

Основные методы исследования:

1) *Клинико-психопатологический метод.*

2) *Сексологический метод*, в ходе которого производилась оценка комплекса признаков, характеризующих сексуальность испытуемых в допубертатном, пубертатном и половозрелом возрастных периодах, с применением клинико-сексологического и антропометрического методов, позволяющих определить характер, своевременность и адекватность сексуальных проявлений, как в соматической, так и в психической сферах (Васильченко Г.С. и др., 1977).

3) *Психометрический метод*, в рамках которого с помощью различных методик изучались выраженность когнитивных искажений, показатели проблемного использования Интернета и диссоциативные проявления:

– Шкала когнитивных искажений *Bumby Molest Scale*, автором которой является К.М. Bumby (1996), наиболее часто применяется для психометрической оценки выраженности когнитивных искажений у сексуальных правонарушителей. Шкала обладает хорошей дискриминативной способностью при оценке выраженности таких искажений среди педофилов, а также при их сравнении с общей популяцией (Knott V. и др., 2016; Pervan S., Hunter M., 2007). Шкала объединяет в себе наиболее конструктивные утверждения из других популярных шкал – *Abel Becker Cognition Scale – ABCS* (Abel G.G., Becker J.V., Cunningham-Rathner J., 1984) и *Adversarial Sexual Beliefs – ASB* (Burt M.R., 1980) – и состоит из нескольких десятков утверждений, касающихся сексуальных контактов с детьми. В предлагаемых утверждениях используются осторожные формулировки, что способствует наиболее адекватной оценке когнитивных искажений. В ходе исследования испытуемому предлагается выразить степень своего согласия с приведенными утверждениями по 4-балльной шкале от «абсолютно не согласен» до «абсолютно согласен». Оценке подвергается суммарный балл.

– Шкала интернет-зависимости Чена (Chen S.H. и др., 2003; Chen Y.F, Peng S.S., 2008; Малыгин В.Л. и др., 2011). Шкала позволяет оценивать по нескольким пунктам компоненты аддикции, среди которых: толерантность, симптом отмены, компульсивность, а также наличие внутриличностных проблем и проблем со здоровьем, и способность управлять временем. По суммарному

баллу методика позволяет оценить факт наличия/отсутствия интернет-зависимого поведения и определить выраженность симптомов, характеризующих паттерн зависимого поведения.

– Опросник установок по отношению к Интернету авторства R.A. Davis (2001). Данный опросник позволяет выявить ряд поведенческих характеристик, связанных с использованием сети Интернет. Опросник включает в себя 36 вопросов, ответы на которые даются с использованием шкалы Ликерта, имеющей 7 градаций (от «полностью не согласен» до «полностью согласен»). Методика содержит 4 шкалы: «Социальный комфорт» (включает вопросы о том, как испытуемый чувствует себя в Интернете, устанавливает ли социальные связи), «Одиночество/депрессия» (включает вопросы о чувстве одиночества в реальной жизни и невозможности существовать без Интернета), «Сниженный самоконтроль» (содержит вопросы о наличии навязчивых мыслей об Интернете, неспособность сократить время использования Интернета), «Отвлечение» (включает вопросы о том, использует ли испытуемый Интернет как средство избегания выполнения более важных и ответственных дел) (Губенко Э.А., 2006). Помимо суммарных баллов по шкалам в опроснике рассчитывается общий суммарный балл.

– Шкала диссоциации – Dissociative Experience Scale, DES (Тарабрина Н.В. и др., 2007). Тестовый практический и исследовательский инструмент для выявления и оценки выраженности диссоциативной симптоматики и переживаний. Шкала представляет собой опросник из 28 вопросов, в котором испытуемого просят оценить, как часто в повседневной жизни он переживает то или иное диссоциативное состояние.

4) *Статистический метод.* Анализ данных проводился с помощью статистического пакета Statistical Package for the Social Sciences, version 17. Для анализа различий в возрасте испытуемых был проведен однофакторный дисперсионный анализ. Для ранговых переменных (шкалы) применялся критерий Краскела-Уоллиса и в дальнейшем (для попарных сравнений) критерий Манна-Уитни. Для оценки качественных показателей использовался критерий χ^2 и при

попарных сравнениях точный критерий Фишера. При применении статистических критериев учитывался эффект множественных сравнений. Для всех используемых критериев применялся уровень значимости $p \leq 0,05$ (в таблицах выделены жирным шрифтом). Поскольку сравнивались малочисленные выборки (группа 2), принимались во внимание и различия на уровне тенденций ($p \leq 0,1$) (в таблицах выделены курсивом).

Полученные в процессе работы данные заносились в оригинальную карту обследования, которая состояла из блоков, включающих следующие показатели:

Социальные и биографические данные: возраст, образовательный уровень, особенности службы в армии, трудовая занятость, семейное положение и взаимоотношения в браке, роль подэкспертного в семье, наличие детей, особенности родительской семьи.

Анамнестические данные: пережитый опыт сексуальных притязаний в детском возрасте; наличие тяжелых соматических и инфекционных заболеваний; наличие криминальной истории, в том числе привлечения к уголовной ответственности за сексуальные деликты.

Предиспозиционные факторы: наследственная отягощенность психическими заболеваниями, наличие перинатальной патологии, натальные повреждающие воздействия и неблагоприятные факторы раннего постнатального периода, в том числе черепно-мозговые травмы (возраст получения, осложнения); также оценивались особенности воспитания, отношения с родителями и субъективная характеристика родителей испытуемым, длительная регулярная психогенная травматизация (физические наказания, эмоциональная депривация, притеснения со стороны сверстников).

Для оценки особенностей воспитания за основу была взята типология Ц.П. Короленко (Короленко Ц.П., 1991) и В.В. Кришталя с С.Р. Григоряном (Кришталь В.В., Григорян С.Р., 2002), выделявших гипоопеку, доминирующую гиперопеку, садистический и альтруистический типы воспитания. По мнению указанных авторов, определенные типы воспитания могут являться одним из

предиспозиционных социально-психологических факторов в генезе сексуальных расстройств.

Психопатологические характеристики: психопатология пара-, препубертатного и подросткового возрастов; психопатологические синдромы зрелого возраста; длительные и хронические интоксикации алкоголем или другими психоактивными веществами; расстройства восприятия; расстройства мышления; расстройства эмоциональной сферы; расстройства памяти и интеллекта; наличие психиатрического диагноза (в том числе сексологического).

Предиспозиционные факторы сексуальной патологии: партнер по сексуальным играм в детстве; возраст платонического, эротического и сексуального либидо; объект платонического, эротического и сексуального либидо; первый половой контакт (возраст, характеристики объекта, активность, проявления сексуальной дисфункции, субъективная оценка успешности полового акта); динамика половой жизни; функциональные сексуальные расстройства; нарушения половой идентичности; тип дизонтогенеза; оценка становления базовой половой идентичности, полоролевых стереотипов и психосексуальных ориентаций; при наличии самоописания больного квалифицировался характер аномального влечения и отношение к нему.

Криминологические данные: возраст на момент совершения общественно-опасного деяния; предкриминальный, криминальный и посткриминальный этапы при совершении правонарушений.

Сопоставление испытуемых в группах по возрасту и уровню образования приведено в табл. 1. По возрасту и уровню образования сравниваемые группы значимо не отличались друг от друга.

Таблица 1.

Сравнение испытуемых по возрасту и уровню образования

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	p
Возраст M (SD)	32,3 (10,4)	36,1 (8,9)	37,9 (9)	34,8 (10,5)	1,960	0,124
ОБРАЗОВАНИЕ						
Специальная школа для умственно отсталых детей	2 (5%)	-	-	2 (7%)	2,821	0,421
Неполное среднее	3 (7%)	1 (6%)	3 (10%)	4 (13%)	1,105	0,776
Среднее	5 (11%)	1 (6%)	3 (10%)	2 (7%)	0,669	0,881
Среднее специальное	15 (34%)	6 (38%)	12 (40%)	16 (53%)	2,850	0,415
Незаконченное высшее	-	-	1 (3%)	-	3,025	0,388
Высшее	19 (43%)	8 (50%)	11 (37%)	6 (20%)	5,618	0,132

Примечание. Для сравнения групп по возрасту проведен однофакторный дисперсионный анализ; для сравнения по уровню образования – критерий χ^2 . M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; p – вероятность ошибки первого рода.

Отсутствие значимых различий по возрасту показывает, что интернет-правонарушители без педофилии несколько моложе остальных групп, чего, однако, нельзя сказать про группу интернет-правонарушителей с педофилией. Таким образом, выводы зарубежных исследователей о более молодом возрасте лиц, совершающих сексуальные онлайн-правонарушения, частично нашли подтверждение.

Несмотря на отсутствие значимых различий между группами по уровню образования, можно отметить, что высшее образование среди интернет-правонарушителей обеих групп встречается несколько чаще, чем в группах контактных правонарушителей, а среднее специальное образование, напротив, более характерно для контактных правонарушителей.

ГЛАВА 3. АНАЛИЗ ПАТОГЕННЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ИНТЕРНЕТ-ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Сравнение групп по наследственной отягощенности психическими заболеваниями, патогенным факторам воздействия в период внутриутробного развития и первые годы жизни, патогенным воздействиям в онтогенезе, особенностям воспитания в родительской семье, характеристике отношений испытуемых с окружающими в детском возрасте, трудовой занятости испытуемых, особенностям их собственной семьи, криминального анамнеза представлены в табл. 2-8.

Сравнение групп по наследственной отягощенности психическими заболеваниями представлено в табл. 2.

Таблица 2.

Наследственная психопатологическая отягощенность

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	р
Наследственность не отягощена	21 (48%)	6 (38%)	9 (30%)	14 (47%)	2,768	0,429
Деменция	-	-	-	1 (3%)	3,025	0,388
Органическое поражение головного мозга	-	1 (6%)	-	1 (3%)	3,814	0,282
Расстройства личности	1 (2%)	1 (6%)	6 (20%)	4 (13%)	6,873	0,076
Умственная отсталость	-	1 (6%)	-	2 (7%)	4,957	0,175
Расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ	13 (30%)	5 (32%)	15 (50%)	11 (37%)	3,460	0,326
Суициды	5 (11%)	1 (6%)	4 (13%)	2 (7%)	1,082	0,782
Эндогенные заболевания	1 (2%)	2 (13%)	1 (3%)	1 (3%)	3,282	0,350
Аффективные расстройства	1 (2%)	-	1 (3%)	-	1,378	0,709
Неуточненная психическая патология	2 (5%)	1 (6%)	2 (7%)	-	1,964	0,580
Парафилии	-	-	-	-	-	-
Невротические расстройства	-	1 (6%)	-	1 (3%)	3,814	0,282

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; р – вероятность ошибки первого рода.

Согласно полученным результатам, группы значимо не различались между собой по наследственной отягощенности. Однако можно проследить, что на

уровне тенденций у близких родственников контактных правонарушителей (с педофилией и без расстройств сексуального предпочтения) несколько чаще устанавливались расстройства личности, достигая значимого уровня при попарном сравнении третьей группы с первой с использованием точного теста Фишера ($p=0,016$).

Потенциально патогенные факторы воздействия в период внутриутробного развития и первые годы жизни представлены в табл. 3. По указанным показателям не было обнаружено значимых различий.

Таблица 3.

Дизонтогенетические факторы пренатального, натального и раннего постнатального периода

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	p
ФАКТОРЫ, ДЕЙСТВУЮЩИЕ В ПРЕНАТАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (ПЕРИОД БЕРЕМЕННОСТИ МАТЕРИ)						
Патологическое протекание беременности (гестозы, угроза прерывания)	6 (14%)	4 (25%)	8 (27%)	7 (23%)	2,283	0,516
Соматические и инфекционные заболевания	4 (9%)	2 (13%)	1 (3%)	2 (7%)	1,518	0,678
Инттоксикация (алкогольная, лекарственная, гормональная)	1 (2%)	-	1 (3%)	2 (7%)	1,740	0,628
Хроническая стрессовая ситуация	-	1 (6%)	2 (7%)	1 (3%)	2,974	0,396
Физические травмы	1 (2%)	-	1 (3%)	-	1,387	0,709
НАТАЛЬНЫЕ ПОВРЕЖДАЮЩИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ						
Преждевременные роды	2 (5%)	1 (6%)	2 (7%)	-	1,964	0,580
Асфиксия	3 (7%)	2 (13%)	4 (13%)	2 (7%)	1,356	0,716
Родовые травмы, оперативное родоразрешение	4 (9%)	3 (19%)	3 (10%)	4 (13%)	1,224	0,747
Прочие (стремительные, затяжные роды, со стимуляцией)	8 (18%)	2 (13%)	6 (20%)	4 (13%)	0,753	0,861
НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ ФАКТОРЫ РАННЕГО ПОСТНАТАЛЬНОГО ПЕРИОДА						
Низкий вес, выхаживание в кувезе	2 (5%)	2 (13%)	5 (17%)	2 (7%)	3,594	0,309
Инфекционные заболевания, гемолитическая болезнь	-	-	1 (3%)	-	3,025	0,388

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	р
Перинатальная энцефалопатия, зафиксированные неврологические нарушения	11 (25%)	3 (19%)	8 (27%)	4 (13%)	2,038	0,565

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; р – вероятность ошибки первого рода.

Патогенные воздействия в онтогенезе представлены в табл. 4.

Таблица 4.

Патогенные воздействия в онтогенезе

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	р
Черепно-мозговые травмы в возрасте до 5 лет	3 (7%)	1 (6%)	3 (10%)	2 (7%)	0,366	0,947
Черепно-мозговые травмы в возрасте 6-10 лет	4 (9%)	3 (19%)	4 (13%)	5 (17%)	1,380	0,710
Черепно-мозговые травмы в возрасте 11-15 лет	6 (14%)	2 (13%)	5 (17%)	4 (13%)	0,218	0,975
Черепно-мозговые травмы в возрасте старше 18 лет	4 (9%)	3 (19%)	11 (37%)	1 (3%)	14,891	0,002
Последствия черепно-мозговых травм в виде церебрастенической симптоматики	11 (25%)	6 (38%)	13 (43%)	12 (40%)	3,223	0,359
Последствия черепно-мозговых травм в виде психоорганического синдрома	1 (2%)	-	2 (7%)	-	3,326	0,344
Эпилептиформные последствия черепно-мозговых травм	1 (2%)	2 (13%)	1 (3%)	1 (3%)	3,282	0,350
Тяжелые соматические и инфекционные заболевания	15 (34%)	10 (63%)	7 (23%)	5 (17%)	11,357	0,010
Длительная алкогольная интоксикация	8 (18%)	1 (6%)	9 (30%)	12 (40%)	8,091	0,044
Длительная интоксикация психоактивными веществами, лекарственными средствами	4 (9%)	-	1 (3%)	4 (13%)	3,680	0,298

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; р – вероятность ошибки первого рода.

Лица с педофилией чаще имели черепно-мозговые травмы во взрослом возрасте, и для группы контактных правонарушителей с педофилией эти различия достигают значимого уровня – 3-я группа значимо отличается по этому показателю от 1-й и 4-й групп (при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера уровень значимости составил, соответственно, $p=0,007$ и $p=0,002$). Тяжелые соматические и инфекционные заболевания значимо чаще встречались у интернет-правонарушителей с педофилией – 2-я группа по этому показателю значимо отличается от 1-й, 3-й и 4-й групп (при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера уровень значимости составил, соответственно, $p=0,075$, $p=0,012$ и $p=0,003$). Длительная алкогольная интоксикация чаще обнаруживалась у контактных правонарушителей, и для группы контактных правонарушителей без педофилии эти различия достигают значимого уровня – 4-я группа отличается по этому показателю от 1-й и 2-й групп (при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера уровень значимости составил, соответственно, $p=0,061$ и $p=0,018$).

Таблица 5.
Особенности родительской семьи и характер отношений в детском возрасте

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	p
РОДИТЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ И УСЛОВИЯ ВОСПИТАНИЯ						
Воспитывался в полной семье	29 (66%)	7 (44%)	12 (40%)	14 (47%)	5,911	0,116
Воспитывался отцом и мачехой	-	-	-	1 (3%)	3,025	0,388
Воспитывался матерью	6 (14%)	3 (19%)	14 (47%)	7 (23%)	10,919	0,012
Воспитывался матерью и лицом мужского пола (дед, отчим)	3 (7%)	1 (6%)	1 (3%)	2 (7%)	0,462	0,927
Воспитывался только лицами женского пола	1 (2%)	3 (19%)	-	4 (13%)	9,405	0,024
Воспитывался пожилыми лицами	1 (2%)	-	3 (10%)	2 (7%)	3,285	0,350
ТИП ВОСПИТАНИЯ						
Гиперопека	2 (5%)	3 (19%)	4 (13%)	5 (17%)	3,753	0,289
Гипоопека	8 (18%)	1 (6%)	-	2 (7%)	7,711	0,052
Эмоциональное отвержение	2 (5%)	2 (13%)	2 (7%)	3 (10%)	1,431	0,698

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	р
Авторитарное	12 (27%)	5 (31%)	9 (30%)	5 (17%)	1,880	0,598
ОТНОШЕНИЯ С РОДИТЕЛЯМИ (ЛИЦАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ВОСПИТАНИЕ)						
Эмоциональная близость с матерью	24 (55%)	10 (63%)	26 (87%)	17 (57%)	9,130	0,028
Эмоциональная близость с отцом	4 (9%)	3 (19%)	-	4 (13%)	5,418	0,144
Эмоциональная близость с другим лицом женского пола	4 (9%)	2 (13%)	3 (10%)	4 (13%)	0,400	0,940
Эмоциональная близость с другим лицом мужского пола	-	-	1 (3%)	1 (3%)	2,034	0,565
ДЛИТЕЛЬНАЯ ПСИХОГЕННАЯ ТРАВМАТИЗАЦИЯ						
Физические наказания	6 (14%)	2 (13%)	4 (13%)	5 (17%)	0,218	0,975
Эмоциональная депривация в семье	4 (9%)	-	2 (7%)	2 (7%)	1,558	0,669
Невозможность коммуникации со сверстниками (насмешки, притеснения)	15 (34%)	7 (44%)	18 (60%)	8 (27%)	7,956	0,047

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; р – вероятность ошибки первого рода.

Испытуемые из групп лиц с педофилией в сравнении с группами лиц без педофилии значимо чаще воспитывались матерью или иными лицами женского пола. Так, контактные правонарушители с педофилией чаще воспитывались матерью, хотя значимого уровня различия достигают только с первой группой, при сравнении с остальными группами различия близки к тенденции. При попарных сравнениях лиц с педофилией, совершивших контактные действия, с помощью точного теста Фишера значимость различий составила для 1-й, 2-й и 4-й групп, соответственно, $p=0,003$, $p=0,108$ и $p=0,066$. У контактных правонарушителей с педофилией также значимо чаще обнаруживалась эмоциональная близость с матерью (значимость при попарных сравнениях с 1-й, 2-й и 4-й группами с помощью точного теста Фишера составила, соответственно, $p=0,005$, $p=0,074$ и $p=0,020$). Интернет-правонарушители с педофилией чаще воспитывались иными лицами женского пола (при попарных сравнениях с

помощью точного теста Фишера значимость различий с 1-й, 3-й и 4-й группами составила, соответственно, $p=0,054$, $p=0,037$ и $p=0,681$).

Правонарушители с педофилией, особенно контактные, значимо чаще испытывали трудности коммуникации со сверстниками в детском возрасте. Так, при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера у контактных правонарушителей этот показатель отличался от результатов испытуемых 1-й и 4-й групп (соответствующие уровни значимости составили $p=0,034$ и $p=0,011$).

Интернет-правонарушители без педофилии несколько отличались от других групп по частоте встречаемости такого семейного стиля воспитания, как гипоопека, которая в этой группе обнаруживается несколько чаще, чем в остальных (значимость различий со 2-й, 3-й и 4-й группами при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера составила, соответственно, $p=0,422$, $p=0,018$ и $p=0,187$).

Таблица 6.

Трудовая занятость и служба в армии

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	p
ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ						
Не работает	8 (18%)	3 (19%)	4 (13%)	6 (20%)	0,522	0,915
Неквалифицированный физический труд	7 (16%)	3 (19%)	12 (40%)	16 (53%)	13,754	0,004
Квалифицированный физический труд	8 (18%)	4 (25%)	6 (20%)	4 (13%)	1,032	0,793
Умственный труд	21(48%)	6 (38%)	8 (27%)	4 (13%)	10,322	0,016
СРОЧНАЯ СЛУЖБА В АРМИИ						
Освобожден или уволен по психическому заболеванию	8 (18%)	2 (13%)	7 (23%)	5 (17%)	0,921	0,820
Освобожден или уволен по соматическому заболеванию	8 (18%)	8 (50%)	7 (23%)	3 (10%)	10,338	0,016
Не служил из-за судимости	1 (2%)	-	1 (3%)	1 (3%)	0,591	0,899
Уволен в запас	17 (39%)	4 (25%)	10 (33%)	11 (37%)	1,032	0,793

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; p – вероятность ошибки первого рода.

Контактные правонарушители значимо чаще в сравнении с интернет-правонарушителями занимались неквалифицированным физическим трудом.

Значимость различий при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера для группы контактных-правонарушителей педофилов в сравнении с 1-й и 2-й группами составила, соответственно, $p=0,030$ и $p=0,195$. Для контактных правонарушителей без педофилии, соответственно, $p=0,001$ и $p=0,031$.

Интернет-правонарушители, напротив, чаще занимались умственным трудом в сравнении с контактными правонарушителями (значимость различий при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера между 1-й и 3-й группами составила $p=0,091$, между 1-й и 4-й – $p=0,003$, между 2-й и 3-й – $p=0,511$, между 2-й и 4-й $p=0,074$). Среди испытуемых всех групп обнаруживаются лица с разным уровнем образования, занятые на самых разных работах. Таким образом, полученные различия в характере труда связаны, вероятно, не со спецификой интернет-правонарушений как таковых, а с доступностью и понятностью Интернета для разных групп населения.

Интернет-правонарушители с педофилией значимо отличались от других групп, особенно от лиц без педофилии, по такому показателю, как освобождение от службы в армии по соматическому заболеванию. Так, при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера значимость различий между группой интернет-правонарушителей с педофилией и 1-й, 3-й и 4-й группами составила, соответственно, $p=0,021$, $p=0,100$ и $p=0,004$.

Таблица 7.

Наличие и особенности собственной семьи

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	p
БРАК						
Холост	31 (71%)	7 (44%)	13 (43%)	13 (43%)	8,183	0,042
В гражданском партнерстве	-	1 (6%)	3 (10%)	3 (10%)	4,627	0,201
В браке	7 (16%)	3 (19%)	8 (27%)	7 (23%)	1,422	0,701
Разведен	6 (14%)	5 (31%)	6 (20%)	7 (23%)	2,588	0,460
ДЕТИ						
Нет	32 (73%)	8 (50%)	17 (57%)	12 (40%)	8,311	0,040
Есть, но не воспитывает	3 (7%)	2 (13%)	1 (3%)	3 (10%)	1,627	0,653
Воспитывает родных детей	8 (18%)	6 (38%)	12 (40%)	15 (50%)	8,875	0,031
Воспитывает приемных детей	2 (5%)	-	-	1 (3%)	2,020	0,568

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; p – вероятность ошибки первого рода.

Интернет-правонарушители без педофилии чаще являются холостяками в сравнении с остальными группами (значимость различий со 2-й, 3-й и 4-й группами при попарных сравнениях по этому показателю с помощью точного теста Фишера составила, соответственно, $p=0,074$, $p=0,030$ и $p=0,030$). Они же несколько чаще являются бездетными и даже при наличии родных детей реже принимают непосредственное участие в их воспитании, однако значимого уровня различия достигли лишь при сравнении с группой контактных правонарушителей без педофилии (значимость соответствующих различий с 4-й группой по показателям бездетности и участия в воспитании родных детей составила $p=0,008$ и $p=0,005$ соответственно).

Таблица 8.

Криминальный анамнез

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	p
Ранее никогда не привлекался к уголовной ответственности	36 (82%)	12 (75%)	16 (53%)	24 (80%)	8,461	0,037
Привлекался к уголовной ответственности за несексуальные деликты	6 (14%)	-	7 (23%)	6 (20%)	4,826	0,185
Привлекался к уголовной ответственности за однородные сексуальные деликты	2 (5%)	4 (25%)	8 (27%)	-	15,437	0,002
Привлекался к уголовной ответственности за иные сексуальные деликты	1 (2%)	1 (6%)	1 (3%)	-	1,787	0,618

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; p – вероятность ошибки первого рода.

Среди лиц без педофилии чаще встречались лица, которые ранее никогда не привлекались к уголовной ответственности. Так, при попарном сравнении интернет-правонарушителей без педофилии с 3-й группой с помощью точного теста Фишера значимость составила $p=0,011$. При попарном сравнении контактных правонарушителей без педофилии с 3-й группой значимость составила $p=0,053$.

За однородные сексуальные деликты ожидаемо значимо чаще ранее привлекались к уголовной ответственности испытуемые групп с педофилией, как совершившие правонарушения в онлайн-среде, так и контактные действия. А именно, при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера группа интернет-правонарушителей с педофилией отличалась от 1-й и 4-й при уровнях значимости $p=0,038$ и $p=0,011$. Группа контактных правонарушителей с педофилией отличалась от 1-й и 4-й групп при уровнях значимости $p=0,012$ и $p=0,002$ соответственно.

Таким образом, было обнаружено, что более выраженная наследственная отягощенность и подверженность воздействию экзогенных факторов обнаруживаются в группе контактных правонарушителей. Это наследственность, отягощенная расстройствами личности, и воздействие в виде черепно-мозговых травм в возрасте старше 18 лет. Контактные правонарушители отличались склонностью к хронической алкогольной интоксикации.

При сравнении групп по социальным показателям оказывается, что интернет-правонарушителей независимо от наличия педофилии отличает то, что они чаще занимаются умственным трудом, а группы контактных правонарушителей чаще занимаются неквалифицированным физическим трудом. Также интернет-правонарушителей отличает меньшая склонность к совершению противоправных действий, выражающаяся в том, что представители контактных правонарушителей с педофилией значимо чаще ранее привлекались к уголовной ответственности.

Группы лиц с педофилией (как интернет, так и контактных) отличает более частая встречаемость психогенной травматизации со стороны сверстников (что могло стать одним из факторов, способствующих их психосексуальной дезадаптации), также они чаще привлекались к уголовной ответственности за однородные сексуальные деликты (что логично, поскольку подэкспертные групп сопоставления ввиду отсутствия педофилии не склонны к предпочтительному выбору детей в качестве сексуального объекта). Испытуемые из групп с

педофилией чаще воспитывались матерью или иными лицами женского пола, испытывали большую эмоциональную близость с матерью.

Интернет-правонарушители без педофилии по социальным факторам оказались самыми благополучными, поскольку реже привлекались к уголовной ответственности, также не были травмированы сверстниками. Однако они чаще воспитывались в условиях гипоопеки, были холосты и не имели детей, что, учитывая средний возраст этой группы лиц, косвенно свидетельствует о гетеросексуальной дезадаптации.

Была обнаружена бóльшая частота встречаемости тяжелых соматических заболеваний среди группы интернет-правонарушителей с педофилией, что, возможно, отчасти объясняет выбор именно такого дистантного способа совершения правонарушения, как Интернет. Например, подэкспертные имели такие расстройства, как: врожденная деформация грудной клетки, сколиоз 2-3 степени, деформация плечевых суставов, множественные пороки развития, ишемическая болезнь сердца, двусторонняя частичная атрофия зрительных нервов глаз, липоматоз подкожной клетчатки и другие. В целом соматические заболевания существенным образом ограничивали коммуникацию подэкспертных в реальном мире, в том числе в рамках взаимодействия с женщинами, и, вероятно, служили фактором, предрасполагающим к виртуальному общению посредством Интернета.

ГЛАВА 4. ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ИНТЕРНЕТ-ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Было проведено сравнение психопатологических показателей в изучаемых группах для оценки возможного вклада психической патологии в разные способы реализации аномального сексуального поведения. Сравнение групп по нозологическому составу приведено в табл. 9.

Таблица 9.

Нозологический состав исследуемых групп

Диагностическое решение	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	р
F0 Органические психические расстройства	7 (16%)	4 (25%)	9 (30%)	2 (7%)	6,102	0,107
F1 Расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ	4 (9%)	1 (6%)	5 (17%)	6 (20%)	2,822	0,420
F2 Шизофрения, шизотипическое и бредовые расстройства	6 (14%)	1 (6%)	2 (7%)	4 (13%)	1,439	0,696
F6 Расстройства личности и поведения в зрелом возрасте	7 (16%)	5 (31%)	6 (20%)	3 (10%)	3,471	0,325
F63.8 Расстройство привычек и влечений неуточненное	-	1 (6%)	-	-	6,555	0,088
F65.4 Педофилия	-	16 (100%)	30 (100%)	-	-	-
F65.6 Множественные расстройства сексуального предпочтения	-	2 (13%)	-	-	13,220	0,005
F7 Умственная отсталость	2 (5%)	-	-	2 (7%)	2,821	0,420
Z73.1	4 (9%)	2 (13%)	2 (7%)	1 (3%)	1,518	0,678

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; р – вероятность ошибки первого рода.

Сравнение групп по нозологическому составу показывает, что все группы характеризуются разнородным нозологическим составом, поскольку в них встречается разнообразная психическая патология: органические психические

расстройства; синдром зависимости от алкоголя и зависимости от нескольких психоактивных веществ; различные формы шизофрении и шизотипическое расстройство; расстройства зрелой личности, а также умственная отсталость. По частоте представленности конкретных расстройств группы не отличаются друг от друга, позволяя утверждать, что интернет-правонарушения напрямую не связаны с нозологической принадлежностью.

Конкретные нозологии представлены во всех группах незначительным числом лиц, что не позволяет провести сравнительный синдромальный анализ и сравнить по частоте представленности конкретных синдромов группы интернет-правонарушителей с группами контактных правонарушителей. Поэтому на первый план в данной работе выходит транснозологический анализ, и в дальнейшем анализировались клинические проявления независимо от того, результатом каких расстройств они являются.

Сравнение групп по частоте встречаемости психопатологической симптоматики представлено в табл. 10.

Таблица 10.
Частота встречаемости психопатологической симптоматики в группах

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	p
Количественные нарушения восприятия	1 (2%)	2 (13%)	-	-	8,112	0,044
Галлюцинации	3 (7%)	-	2 (7%)	5 (17%)	4,423	0,219
Расстройства сенсорного синтеза	-	1 (6%)	3 (10%)	-	7,112	0,068
Нарушения мышления по форме	26 (59%)	15 (94%)	27 (90%)	24 (80%)	13,376	0,004
<i>Нарушения динамики мышления</i>	<i>15 (34%)</i>	<i>9 (56%)</i>	<i>19 (63%)</i>	<i>17 (57%)</i>	7,371	0,061
Нарушения целенаправленности мышления	7 (16%)	5 (31%)	2 (7%)	8 (27%)	6,074	0,108
Бредовые идеи	4 (9%)	-	2 (7%)	4 (13%)	2,579	0,461
Сверхценные идеи	1 (2%)	2 (13%)	-	-	8,112	0,044
Навязчивые идеи	1 (2%)	3 (19%)	3 (10%)	-	8,682	0,034
Расстройства эмоциональной сферы	29 (66%)	16 (100%)	26 (87%)	25 (83%)	10,502	0,015
Расстройства памяти	5 (11%)	6 (38%)	8 (27%)	9 (30%)	6,251	0,100
Нарушения интеллекта	3 (7%)	1 (6%)	2 (7%)	2 (7%)	0,006	1,000
Неврозоподобные расстройства	9 (21%)	6 (38%)	10 (33%)	5 (17%)	4,040	0,257

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	р
Характеристики личности	25 (56%)	14 (87%)	29 (96%)	24 (80%)	17,634	0,001
Сверхценные образования	4 (9%)	2 (13%)	5 (17%)	2 (7%)	1,780	0,619
Расстройство влечений несексуального круга в пубертате	7 (16%)	1 (6%)	5 (17%)	6 (20%)	1,509	0,608

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; р – вероятность ошибки первого рода.

Для начала рассмотрим нарушения восприятия. Хотя количественные нарушения восприятия на первый взгляд чаще встречались в группах интернет-правонарушителей с педофилией, при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера значимых различий не было выявлено даже на уровне тенденций. По частоте встречаемости галлюцинаций и расстройств сенсорного синтеза группы также значимо не отличались между собой.

Относительно нарушений мышления, в первой группе интернет-правонарушителей без педофилии реже, чем в других группах обнаруживаются нарушения мышления по форме (при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера значимость различий 1-й группы со 2-й, 3-й и 4-й составляет, соответственно: $p=0,012$, $p=0,004$ и $p=0,078$), что отмечалось за счет частоты встречаемости именно конкретного мышления. Конкретное мышление в группе интернет-правонарушителей без педофилии обнаруживается в 46% случаев, в группе интернет-правонарушителей с педофилией – в 81% случаев, в группах контактных правонарушителей с педофилией и без нее, соответственно, в 83% и 67% случаев. Таким образом, мыслительная деятельность интернет-правонарушителей без педофилии менее ограничена, они в большей степени способны к абстрактному (в противоположность конкретному) мышлению, что также позволяет говорить о более высоком интеллектуальном уровне испытуемых этой группы.

Также на уровне тенденций обнаруживаются различия по динамике мышления, нарушения которого реже встречаются у интернет-правонарушителей без педофилии (при попарных сравнениях с помощью теста Фишера значимость различий 1-й группы с 3-й и 4-й составляет $p=0,018$ и $p=0,061$ соответственно), за

счет частоты обстоятельного мышления. Обстоятельное мышление в группе интернет-правонарушителей без педофилии обнаруживается у 18% испытуемых, в группе интернет-правонарушителей с педофилией – у 38%, в группах контактных правонарушителей с педофилией и без нее – у 47% и 40% испытуемых, соответственно.

По частоте встречаемости нарушений целенаправленности мышления, наличию бредовых идей не было различий между группами. Однако были выявлены различия по частоте встречаемости сверхценных идей, которые чаще отмечались у интернет-правонарушителей с педофилией, но при попарных сравнениях по этому признаку с помощью точного теста Фишера значимых различий не было выявлено даже на уровне тенденций. Именно в группе интернет-правонарушителей с педофилией оказались испытуемые, буквально одержимых сексуальными отношениями, в том числе с детьми. Так, например, *подэкспертный Л. (35 лет)* «активно знакомился с девочками 11-14 лет, распространял среди них фото- и видеопорнографию, включая детскую, порнографические изображения в стиле аниме и манга с сексуальными сценами с изображением несовершеннолетних, зоофилию, демонстрировал в онлайн-трансляциях свои половые органы, мастурбацию, использование анальных сексуальных игрушек, пил свою сперму, рассылал аудио-сообщения со звуками процесса мастурбирования <...>» и т.п. Проводил за такими действиями и фантазиями огромное количество времени.

В группах лиц с педофилией обнаруживалась более высокая встречаемость навязчивых идей, которая для интернет-правонарушителей с педофилией достигла значимого уровня (при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера значимость различий 2-й группы с 1-й и 4-й составляет, соответственно, $p=0,054$ и $p=0,037$). Так, например, *подэкспертный К. (44 года)*, постоянно делал монотонные движения: качал головой, сжимал руки, поводил плечами, и ему необходимо было «часто перебирать одежду и покряхтывать», так как приходила навязчивая идея, что ему мешает одежда.

Нарушения эмоциональной сферы реже обнаруживались в группе интернет-правонарушителей без педофилии и в целом были более характерны для испытуемых с педофилией (при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера значимость различий 1-й группы со 2-й и 3-й составила, соответственно, $p=0,006$ и $p=0,059$). Такая тенденция отмечается за счет частоты встречаемости эмоциональной лабильности в группах, которая у правонарушителей без педофилии, совершивших действия в Интернете или в реальности, составляет, соответственно, 50% и 23%, а у испытуемых с педофилией, совершивших действия в Интернете или в реальности, - 75% и 77%, соответственно. Так, например, у *подэкспертного М. (38 лет)*, обнаружилось следующее: эмоциональные проявления у *М.* характеризовались лабильностью, для него были свойственны легкость актуализации реакций раздражения с внешнеобвиняющей направленностью реакций и высказываний, а также защитный тип реагирования с нивелированием значимости последствий собственных действий. *Подэкспертный К. (30 лет)*: у обследуемого выявлялись эмоциональная лабильность, при этом несколько повышенная чувствительность к средовым воздействиям, склонность к проявлению тревоги и некоторой драматизации негативных обстоятельств, что сочеталось с проявлением повышенной обидчивости на фоне истощаемости в проблемных ситуациях.

Группы не отличались друг от друга по частоте встречаемости расстройств памяти, нарушений интеллекта и невротоподобных расстройств. В детском и подростковом возрасте в целом группы не выделялись по частоте расстройств влечений несексуального круга или сверхценных образований. Однако обнаружилось различия по частоте встречаемости характеристик личности, по которым интернет-правонарушители без педофилии отличаются от остальных групп испытуемых (при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера значимость различий 1-й группы со 2-й, 3-й и 4-й составила, соответственно, $p=0,034$, $p=0,0001$ и $p=0,047$). Это происходит за счет частоты встречаемости эпилептоидных черт, которые существенно чаще обнаруживались у испытуемых групп с педофилией (соответствующий процент в 1-й, 2-й, 3-й и 4-й группах

составил, соответственно, 14%, 31%, 47% и 17%). Так, например, у *подэкспертного Ц.* (33 года) обнаруживались ригидность, склонность к фиксации на препятствиях, как при внешнем отрицании их значимости для себя, так и формированием аффективно заряженных построений с ожиданием угрозы и опасности извне. Актуальное состояние *Ц.* характеризовалось неустойчивостью, при этом повышение тревоги и напряжения сочетались протестными реакциями, раздражительностью и возбудимостью, с одной стороны, и сензитивностью в отношении собственной личности – с другой, при завышении притязаний, в том числе на собственную исключительность. Таким образом, интернет-правонарушители без педофилии в сравнении со всеми остальными группами оказались самыми благополучными по выраженности психопатологических проявлений. Наибольшие психопатологические проявления обнаруживаются в группах испытуемых с педофилией (независимо от того, совершали они контактные или онлайн-правонарушения): это нарушения мышления по форме и динамике, навязчивые идеи, эмоциональная лабильность, эпилептоидные черты.

Результаты сравнения групп по психологическим особенностям на основе результатов патопсихологического исследования представлены в табл. 11.

Таблица 11.

Психологические особенности (по результатам патопсихологического исследования)

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	р
Инертность мышления	4 (9%)	2 (13%)	6 (20%)	3 (10%)	2,182	0,536
Вязкость мышления	9 (21%)	6 (38%)	15 (50%)	4 (13%)	12,267	0,007
Ригидность мышления	14 (32%)	8 (50%)	20 (67%)	16 (53%)	9,162	0,027
Истощаемость психических процессов	14 (32%)	6 (38%)	7 (23%)	12 (40%)	2,110	0,550
Склонность к стереотипии	1 (2%)	3 (19%)	-	-	14,024	0,003
Снижение памяти	5 (11%)	6 (38%)	8 (27%)	8 (27%)	5,791	0,122
Эгоцентризм	33 (75%)	14 (88%)	25 (83%)	18 (60%)	6,044	0,109
Низкая критичность	14 (32%)	4 (25%)	18 (60%)	8 (27%)	9,709	0,021
Импульсивность	19 (43%)	12 (75%)	28 (93%)	9 (30%)	30,561	0,000
Замкнутость	25 (57%)	11 (69%)	22 (73%)	11 (37%)	9,243	0,026

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; p – вероятность ошибки первого рода.

Данные, представленные в табл. 11, показывают, что контактных правонарушителей с диагнозом педофилии от групп лиц без педофилии отличает целый ряд показателей, выделенных из результатов патопсихологического исследования. Группу контактных правонарушителей с педофилией (3-я группа) от интернет-правонарушителей без педофилии (1-я группа) отличает большая частота встречаемости вязкости мышления (значимость при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера составила $p=0,011$), ригидности мышления ($p=0,004$), низкой критичности ($p=0,019$), импульсивности ($p=0,000$). Аналогичные различия обнаруживаются при сравнении контактных правонарушителей с педофилией (3-я группа) и контактных правонарушителей без педофилии (4-я группа): у контактных лиц с педофилией значимо чаще встречается вязкость мышления ($p=0,003$), низкая критичность ($p=0,011$), импульсивность ($p=0,000$) и замкнутость ($p=0,005$). Так, например, у *подэкспертного М. (26 лет)* были выявлены инертность психических процессов, обстоятельность мышления, некоторое снижение памяти, неустойчивость внимания, невысокий интеллектуальный уровень, признаки психического инфантилизма в виде примитивности, легковесности и незрелости суждений, узкого кругозора, незрелости эмоциональных реакций, наряду с их невыразительностью, лабильностью от эйфории до тревоги, такие черты личности, как зависимость от значимого окружения, ощущение собственной неполноценности, подверженность фрустрирующим обстоятельствам со сложностью поддержания социальных контактов, а также незрелость волевой регуляции поведения в виде внушаемости, подчиняемости, пассивности, наряду с импульсивностью, снижение прогностических и критических способностей.

Контактные правонарушители с педофилией (3-я группа) практически не отличались от интернет-правонарушителей с педофилией (2-я группа): значимо чаще у контактных правонарушителей встречалась лишь низкая критичность (при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера значимость составила

$p=0,032$), а у интернет-правонарушителей с педофилией чаще встречалась склонность к стереотипии ($p=0,037$).

Сравнение по особенностям, выделенным в результате патопсихологического эксперимента, показывает некоторую специфику именно у лиц с педофилией (независимо от того, совершено правонарушение посредством Интернета или контактное). В группах лиц с педофилией значимо чаще обнаруживались замкнутость, ригидность и вязкость мышления, импульсивность.

По результатам большинства психометрических методик (табл. 12) между группами не было обнаружено различий. При попарных сравнениях выраженности когнитивных искажений с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни было обнаружено, что по частоте выраженности когнитивных искажений именно испытуемые с педофилией отличаются от остальных групп. Так, при попарных сравнениях с помощью критерия Манна-Уитни интернет-правонарушители с педофилией (2-я группа) обладают большей выраженностью когнитивных искажений и значимо отличаются от остальных групп: с 1-й $U=6$, $p=0,003$; 4-й $U=16$, $p=0,007$; контрольной группой $U=13,5$, $p=0,005$.

Таблица 12.

Сравнение групп по результатам психометрических методик

Показатель	1 группа Me (Q2; Q3)	2 группа Me (Q2; Q3)	3 группа Me (Q2; Q3)	4 группа Me (Q2; Q3)	Контрольная группа	Значение критерия	p
Шкала когнитивных искажений	52,5 (39,5; 63,8)	90,5 (76,3; 109)	93,5 (75,5; 99,8)	57,5 (43,5; 78,8)	65 (51,8; 72)	32,933	0,000
Шкала диссоциации	22,5 (2,4; 36,7)	13,6 (7,5; 30,7)	9,8 (5,9; 17,9)	9,1 (2,2; 24)	5,9 (3,9; 11,4)	6,728	0,151
УКИ социальный комфорт	24 (17,3; 46)	32 (18; 52,3)	26 (18,3; 32,5)	23 (18; 41,3)	23 (15,5; 28,8)	2,110	0,715
УКИ одиночество, депрессия	24,5 (18; 43)	23 (16,5; 43,8)	19,5 (17,3; 23,5)	20 (11,3; 32,3)	18,5 (13; 23,5)	3,913	0,418
УКИ сниженный самоконтроль	18 (17,3; 37,3)	24,5 (17,5; 40,5)	24,5 (18,3; 32,3)	20,5 (11,3; 31)	21 (19,3; 28)	1,219	0,875
УКИ отвлечения	23,5 (17,3; 35)	26,5 (16,5; 47)	29 (20,3; 34)	21,5 (12,8; 37)	27,5 (20,3; 34)	1,194	0,879
УКИ суммарный балл	99,5 (69; 150)	102 (70,5; 184)	103,5 (78; 115)	87,5 (53,3; 137)	85,5 (80; 111)	0,890	0,926
ЧЕН компульсивные симптомы	7 (5; 11,8)	8,5 (5; 19,3)	8 (6,3; 10,8)	7 (5; 10,8)	7 (6,3; 10)	0,851	0,932

Показатель	1 группа Me (Q2; Q3)	2 группа Me (Q2; Q3)	3 группа Me (Q2; Q3)	4 группа Me (Q2; Q3)	Контрольная группа	Значение критерия	p
ЧЕН симптомы отмены	7,5 (5; 12,3)	8,5 (7; 17,8)	10 (9; 12)	8 (5; 11)	9 (6; 11)	3,950	0,413
ЧЕН толерантность	8 (4; 11,5)	5 (4; 16)	7 (6; 9,5)	4,5 (4; 10,5)	6,5 (5,3; 7,8)	2,301	0,681
ЧЕН проблемы внутриличностные и со здоровьем	10,5 (7; 13,5)	11 (8,5; 17,3)	10,5 (8,3; 13,8)	8,5 (7; 18,8)	9 (8; 12,8)	1,791	0,774
ЧЕН управление временем	9,5 (5; 15)	7 (5; 14,8)	8,5 (6; 10,8)	5 (5; 11,8)	8 (6; 9,8)	2,782	0,595
ЧЕН симптомы интернет-зависимости	23 (14; 34,8)	22 (16; 53,5)	26,5 (21,3; 30,5)	23 (14; 32,5)	22 (19; 28,8)	1,771	0,778
ЧЕН проблемы с интернет-зависимостью	20 (12,8; 29)	20,5 (13,5; 28,3)	19 (15,3; 24)	13,5 (12; 30,8)	17,5 (15; 20)	2,450	0,654
ЧЕН общий балл	43 (30,5; 64,8)	42,5 (29,5; 81,8)	46 (38; 53,5)	35,5 (26; 64,5)	41 (32,3; 47,8)	2,273	0,686

Примечание. Для сравнения групп был использован критерий Краскела-Уоллиса. Me – медиана; Q2 – 25-й процентиль; Q3 – 75-й процентиль; p – вероятность ошибки первого рода. УКИ – опросник Установок по отношению к Интернету. ЧЕН – шкала интернет-зависимости Чена.

Также группа контактных правонарушителей с педофилией (3-я группа) обладает большей выраженностью когнитивных искажений в сравнении с группами: 1-й U=18,5, p=0,000; 4-й U=66, p=0,000; контрольной группой U=44, p=0,000. Группы лиц с педофилией по выраженности когнитивных искажений значимо не различаются между собой, также не различаются между собой и группы лиц без педофилии, независимо от того, было ли совершено контактное правонарушение или правонарушение посредством сети Интернет.

Так, например, *подэкспертный Л. (35 лет)* с некоторым надрывом в голосе говорил: «Ну я же не насильник... Я никого не насиловал. Всё это делал по любви, с душой... искренне. Думал, что это как игра...». Настаивал на том, что он «добрый», «иначе воспитан» и не смог бы причинить девочкам вреда. Отмечал, что в целом с «презрением относился к насильникам» и себя таковым не считал.

Полученные различия вполне ожидаемы, поскольку когнитивные искажения часто выделяются в качестве существенной характеристики лиц с педофилией и могут служить устойчивой базой для формирования позитивных эмоций от совершаемых деликтов и оправдательной концепцией девиантного

поведения. Отсутствие различий между группами по выраженности признаков диссоциации и зависимости от Интернета свидетельствует о том, что эти факторы непосредственно не связаны с совершением правонарушений в виртуальной среде или в реальности.

ГЛАВА 5. ПРЕДИСПОЗИЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ПАРАФИЛИЙ У ИНТЕРНЕТ-ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Выделенные группы также были сопоставлены по целому ряду сексологических показателей и predispositional факторов парафилий. Полученные результаты представлены в табл. 13-18.

Таблица 13.

Особенности сексуального анамнеза

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	р
СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В ДЕТСТВЕ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ						
Однократно являлся жертвой сексуального насилия	-	4 (25%)	5 (17%)	4 (13%)	9,921	0,019
Длительное время являлся жертвой сексуального насилия	2 (5%)	-	6 (20%)	1 (3%)	9,358	0,025

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; р – вероятность ошибки первого рода.

Интернет-правонарушители без педофилии отличались от других групп испытуемых по наличию в прошлом опыта, когда правонарушитель сам выступал жертвой сексуальных посягательств. Интернет-правонарушители без педофилии становились жертвами сексуальных действий со стороны других лиц реже в сравнении с 2-й, 3-й и 4-й группами (значимость различий при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера составила, соответственно, $p=0,004$, $p=0,009$ и $p=0,024$).

Среди лиц, которые все же подвергались сексуальным посягательствам в детстве, именно контактные правонарушители с педофилией чаще выступали жертвами таких действий на протяжении длительного времени: при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера группа контактных правонарушителей с педофилией отличалась по этому показателю от 2-й и 4-й групп на уровне тенденций (уровни значимости составили $p=0,078$ и $p=0,057$ соответственно).

Динамика психосексуального развития

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	p
ПАРТНЕР ПО ИГРАМ В ДЕТСТВЕ						
<i>Лица своего пола</i>	6 (14%)	6 (38%)	8 (27%)	12 (40%)	7,508	0,057
Лица противоположного пола	33 (75%)	7 (44%)	6 (20%)	22 (73%)	26,929	0,000
ПЛАТОНИЧЕСКОЕ ЛИБИДО						
<i>До 6 лет</i>	-	1 (6%)	-	-	6,555	0,088
7-11 лет	31 (71%)	3 (19%)	4 (13%)	8 (27%)	31,460	0,000
12-16 лет	12 (27%)	12 (75%)	25 (83%)	22 (73%)	29,930	0,000
Старше 17 лет	-	-	1 (3%)	-	3,025	0,388
Отсутствие платонической фазы	1 (2%)	-	-	-	1,742	0,628
Гетеросексуальный объект	43 (98%)	16 (100%)	27 (90%)	30 (100%)	5,878	0,118
Гомосексуальный объект	-	-	5 (17%)	-	15,652	0,002
ЭРОТИЧЕСКОЕ ЛИБИДО						
<i>До 6 лет</i>	-	1 (6%)	-	-	6,555	0,088
7-11 лет	-	1 (6%)	-	1 (3%)	3,814	0,282
12-16 лет	43 (98%)	13 (81%)	29 (97%)	27 (90%)	6,191	0,103
Старше 17 лет	-	1 (6%)	1 (3%)	2 (7%)	2,974	0,396
Отсутствие эротической фазы	1 (2%)	-	-	-	1,742	0,628
Гетеросексуальный объект	43(98%)	15 (94%)	25 (83%)	30 (100%)	9,289	0,026
<i>Гомосексуальный объект</i>	-	1 (6%)	5 (17%)	-	12,544	0,006
СЕКСУАЛЬНОЕ ЛИБИДО						
До 6 лет	-	-	1 (3%)	-	3,025	0,388
7-11 лет	1 (2%)	1 (6%)	2 (7%)	2 (7%)	1,093	0,779
12-16 лет	42 (96%)	12 (75%)	26 (87%)	24 (80%)	5,979	0,113
Старше 17 лет	-	2 (13%)	1 (3%)	3 (10%)	5,965	0,113
Отсутствие сексуальной фазы	1 (2%)	1(6%)	-	1 (3%)	1,787	0,618
<i>Гетеросексуальный объект</i>	43 (98%)	14 (88%)	25 (83%)	29 (97%)	6,694	0,082
<i>Гомосексуальный объект</i>	-	1 (6%)	5 (17%)	-	12,544	0,006

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; p – вероятность ошибки первого рода.

Интернет-правонарушители без педофилии (1-я группа) отличаются от трех других групп по возрасту, когда происходило формирование платонического либидо. При попарном сравнении с помощью точного теста Фишера обнаружилось, что в группе интернет-правонарушителей без педофилии

платоническое либидо чаще формировалось в возрасте 7-11 лет в сравнении со 2-й, 3-й и 4-й группами (соответствующие уровни значимости составили $p=0,001$, $p=0,000$ и $p=0,000$), и значимо реже, соответственно, его формирование проходило в возрасте 12-16 лет (соответствующие уровни значимости составили $p=0,002$, $p=0,000$ и $p=0,000$).

В целом интернет-правонарушители без педофилии в процессе своего психосексуального развития чаще взаимодействовали с гетеросексуальными объектами и значимо реже с гомосексуальными. Правонарушители с педофилией, особенно контактные, напротив, в процессе своего психосексуального развития чаще взаимодействовали с лицами своего пола и значимо реже с гетеросексуальными. Более частое наличие гетеросексуального объекта платонического, эротического и сексуального либидо отличает группу контактных правонарушителей без педофилии (4-ю группу) от контактных правонарушителей с диагнозом педофилии (3-й группы) (для всех попарных сравнений с помощью точного теста Фишера значимость различий составила, соответственно, $p=0,119$, $p=0,026$ и $p=0,109$), а наличие гетеросексуального партнера по играм в детстве на уровне тенденций отличает группу контактных правонарушителей без педофилии от интернет-правонарушителей педофилов (соответствующий уровень значимости различий составил 0,061).

Таблица 15.

Дизонтогенетические проявления

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	p
ПРИЗНАКИ ОПЕРЕЖЕНИЯ ПСИХОСЕКСУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ						
Ранняя допубертатная мастурбация с психическим оргазмом	4 (9%)	8 (50%)	8 (27%)	3 (3%)	15,417	0,002
Ранняя (до 7 лет) сексуализация поведения	3 (7%)	5 (31%)	5 (17%)	2 (7%)	7,851	0,050
Раннее (до 12 лет) начало нормативных сексуальных контактов	3 (7%)	3 (19%)	5 (17%)	1 (3%)	4,819	0,186
Раннее (до 12 лет) начало половой жизни с ненормативных контактов	-	2 (13%)	1 (3%)	-	8,547	0,036
Опережение сексуальной фазой либидо других фаз	1 (2%)	1 (6%)	3 (10%)	2 (7%)	2,007	0,572

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	p
Редукция или отсутствие платонической и эротической фаз либидо	1 (2%)	-	-	-	1,742	0,628
ПРИЗНАКИ ЗАДЕРЖКИ ПСИХОСЕКСУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ						
Отсутствие любопытства, направленного на половые признаки, до 7 лет	2 (5%)	2 (13%)	2 (7%)	1 (3%)	1,807	0,614
Отсутствие периода проявлений межполовой агрессии	3 (7%)	2 (13%)	1 (3%)	1 (3%)	2,055	0,562
Гипертрофия платонической фазы либидо	1 (2%)	-	1 (3%)	-	1,387	0,709
Редукция или отсутствие эротической и сексуальной фаз либидо	1 (2%)	1 (6%)	-	1 (3%)	1,787	0,618
ТИП ДИЗОНТОГЕНЕЗА						
Задержка сочетанная	2 (5%)	1 (6%)	1 (3%)	-	1,658	0,646
Опережение сочетанное	-	1 (6%)	1 (3%)	-	3,814	0,282
Сложная дисгармония развития	-	-	1 (3%)	-	3,025	0,388
Опережение психосексуального развития	4 (9%)	4 (25%)	5 (17%)	1 (3%)	5,793	0,122
Задержка психосексуального развития	-	1 (6%)	-	1 (3%)	3,814	0,282
Дизонтогенеза нет	38(86%)	9 (56%)	22 (73%)	28 (93%)	11,224	0,011

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; p – вероятность ошибки первого рода.

Результаты, представленные в табл. 15, свидетельствуют о том, что у испытуемых групп правонарушителей без педофилии чаще, чем у испытуемых групп с педофилией сексуальный онтогенез может быть охарактеризован как гармоничный. Различия по отсутствию дизонтогенетических проявлений между контактными правонарушителями без педофилии (4-й группой) и группами испытуемых с педофилией (2-й и 3-й) при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера составили, соответственно, $p=0,005$ и $p=0,046$. Аналогичные показатели при сравнении интернет-правонарушителей без педофилии (1-й группой) и группами испытуемых с педофилией (2-й и 3-й) составили, соответственно, $p=0,029$ и $p=0,227$.

Наиболее выраженные дизонтогенетические проявления обнаружились в группе интернет-правонарушителей с педофилией, у которых чаще в сравнении с

1-й и 4-й группами обнаруживается ранняя допубертатная мастурбация с психическим оргазмом (при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера значимость различий составила, соответственно, $p=0,001$ и $p=0,004$), ранняя сексуализация поведения ($p=0,026$ и $p=0,040$ соответственно) и несколько чаще раннее начало половой жизни с ненормативных контактов ($p=0,068$ и $p=0,116$ соответственно).

Таблица 16.

Нарушения сексуальной сферы и половой идентичности

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	p
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАССТРОЙСТВА						
В нормативных контактах	6 (14%)	4 (25%)	5 (17%)	1 (3%)	4,773	0,189
Нарушения эрекции	5 (11%)	3 (19%)	3 (10%)	3 (10%)	0,945	0,815
Эякуляция задержанная или отсутствие	3 (7%)	1 (6%)	3 (10%)	1 (3%)	1,078	0,783
Преждевременная эякуляция	1 (2%)	-	-	-	1,742	0,628
СОМАТОСЕКСУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ						
Опережение	-	1 (6%)	1 (3%)	-	3,814	0,282
Задержка	2 (5%)	1 (6%)	1 (3%)	-	1,658	0,646
НАРУШЕНИЯ ПОЛОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ						
Нарушения на этапе формирования полового самосознания						
Предпочтение игровой деятельности в группе противоположного пола	2 (5%)	1 (6%)	3 (10%)	1 (3%)	1,427	0,699
Смешанный или не соответствующий полу характер игровой деятельности	-	1 (6%)	1 (3%)	-	3,814	0,282
Отождествление с персонажами противоположного пола	3 (7%)	-	-	-	5,315	0,150
Предпочтение внешних атрибутов другого пола	1 (2%)	-	-	-	1,742	0,628
Негативное восприятие собственного телесного облика	2 (5%)	-	3 (10%)	1 (3%)	2,616	0,455
Нарушения на этапе полоролевого поведения						
Переживание психологического дискомфорта и непонимания сверстников своего пола	2 (5%)	2 (13%)	2 (7%)	-	3,668	0,300
Предпочтение интересов и увлечений, более свойственных другой роли	1 (2%)	-	-	-	1,742	0,628
Элементы гиперролевого поведения	3 (7%)	-	1 (3%)	2 (7%)	1,499	0,682
Негативное восприятие физиологических	3 (7%)	-	1 (3%)	-	3,245	0,355

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	р
проявлений собственного пола						
Стремление физически походить на противоположный пол или фобия этого	1 (2%)	-	-	-	1,742	0,628
Невербальная фемининность	-	1 (6%)	-	-	6,555	0,088
Нарушения на этапе психосексуальных ориентаций						
Негативное или амбивалентное отношение к противоположному полу	1 (2%)	-	1 (3%)	1 (3%)	0,591	0,899
Предпочтение общения с женщинами	1 (2%)	1 (6%)	1 (3%)	-	1,787	0,618
Неудовлетворенность в сексуальных контактах с партнером противоположного пола	-	-	1 (3%)	-	3,025	0,388
Выбор социальной роли, более характерной для противоположного пола	-	-	1 (3%)	1 (3%)	2,034	0,565

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; р – вероятность ошибки первого рода.

При сравнении испытуемых всех групп по функциональным сексуальным расстройствам и целому ряду показателей нарушений половой идентичности таковые были выявлены в единичных случаях и не было обнаружено значимых различий.

Таблица 17.

Частота аномального сексуального поведения

Показатель	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	Значение критерия	р
1 раз в неделю	6 (14%)	-	5 (17%)	-	7,725	0,053
Более 1 раза в неделю	20 (45%)	14 (88%)	14 (46%)	-	36,143	0,001
1 раз в месяц	1 (2%)	-	6 (20%)	-	14,826	0,002
Более 1 раза в месяц	8(18%)	2(12%)	5(17%)	-	6,061	0,109
1 эпизод	9(21%)	-	-	30(100%)	87,366	0,001

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; р – вероятность ошибки первого рода.

Группа интернет-правонарушителей с педофилией (2-я группа) значимо отличалась от других групп по частоте поведенческого паттерна, который

интернет-правонарушители с сексуальным расстройством реализовывали чаще 1 раза в неделю (значимость различий при попарных сравнениях с 3-й и 4-й группами при помощи точного теста Фишера составила $p < 0,05$). Напротив, контактные правонарушители с педофилией (3-я группа), несмотря на наличие расстройства, в меньшем количестве случаев реализовывали свои фантазии с указанной выше частотой (значимость различий при попарных сравнениях с помощью точного теста Фишера с 1-й, 2-й и 4-й группами составила $p = 1,000$, $p = 0,010$ и $p = 0,000$ соответственно).

Таблица 18.

Характеристика аномального сексуального влечения

Показатель	2 группа	3 группа	Значение критерия	p
ХАРАКТЕР ВЛЕЧЕНИЯ				
Обсессивно-компульсивное	2 (13%)	1 (3%)	1,438	0,274
Компульсивное	-	2 (7%)	1,115	0,536

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; p – вероятность ошибки первого рода, указана с учетом точного теста Фишера.

Согласно результатам, представленным в табл. 18, по частоте встречаемости характера аномального сексуального влечения между группами лиц с педофилией не было обнаружено значимых различий.

Таким образом, результаты, полученные при сравнении выделенных групп по сексологическим параметрам и predispositional факторам парафилий показывают, что испытуемые с педофилией, независимо от того, совершили они действия в Интернете или контактное правонарушение, обнаруживают целый ряд дизонтогенетических факторов – это и сексуальные притязания в детском возрасте, и ранняя сексуализация поведения, и раннее начало половой жизни с ненормативного контакта, и ранняя допубертатная мастурбация с психическим оргазмом.

Интернет-правонарушители без педофилии оказываются самыми благополучными среди всех групп сравнения. Наряду с контактными правонарушителями без педофилии, они значимо реже обнаруживают признаки сексуального дизонтогенеза.

ГЛАВА 6. МЕХАНИЗМЫ СОВЕРШЕНИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ИХ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

6.1 Поведенческие характеристики интернет-правонарушителей

Прежде чем перейти к обсуждению механизмов совершения противоправных сексуальных действий посредством сети Интернет, представляется важным остановиться еще на некоторых показателях, характеризующих особенности поведения интернет-правонарушителей, представленных в табл. 19-20.

Таблица 19.

Поведение онлайн-правонарушителей

Показатель	1 группа	2 группа	Значение критерия	р
Демонстрация гениталий	18 (41%)	10 (63%)	2,198	0,157
Мастурбация в присутствии ребенка	-	3 (19%)	8,684	0,016
Обучение мастурбации	2 (5%)	9 (56%)	20,950	0,000
Принуждал к личному контакту	8 (18%)	6 (38%)	2,448	0,168
Описание петтинга	5 (11%)	5 (31%)	3,341	0,112
<i>Описание орально-генитального контакта</i>	7 (16%)	6 (38%)	3,223	0,088
Описание анально-генитального контакта	4 (9%)	2 (13%)	0,152	0,653
Описание садистических действий	1 (2%)	-	0,370	1,000
Уролагния	-	1 (6%)	2,797	0,267

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; р – вероятность ошибки первого рода, указана с учетом точного теста Фишера.

Результаты, представленные в табл. 19, свидетельствуют о том, что поведение сексуального правонарушителя в процессе взаимодействия с ребенком посредством сети Интернет может являться диагностически информативным для квалификации педофилии. Так, мастурбация в присутствии ребенка и обучение мастурбации значительно чаще встречаются именно у интернет-правонарушителей с педофилией.

Таблица 20.

Правонарушитель и Потерпевший при взаимодействии в сети Интернет

Показатель	1 группа	2 группа	Значение критерия	p
КАКОЙ ВОЗРАСТ НАЗЫВАЛ ПОТЕРПЕВШИМ				
До 18 лет	17 (39%)	10 (63%)	2,700	0,144
18-30 лет	16 (36%)	2 (13%)	3,182	0,112
31-44 лет	2 (5%)	1 (6%)	0,072	1,000
45-59 лет	2 (5%)	-	0,752	1,000
КАКОЙ АВАТАР ИСПОЛЬЗОВАЛ				
Не использовал	2 (5%)	2 (13%)	1,193	0,287
Личное фото	8 (18%)	1 (6%)	1,310	0,422
Индиферентный образ (любая картинка)	16 (36%)	3 (19%)	1,682	0,228
Мужчина	8 (18%)	3 (19%)	0,003	1,000
Женщина	2 (5%)	2 (13%)	1,193	0,287
Девочка	1 (2%)	2 (13%)	2,584	0,171
Мальчик	8 (18%)	4 (25%)	0,341	0,716
ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ПЛАТФОРМА				
Вконтакте	33 (75%)	11 (69%)	0,234	0,743
WhatsApp	3 (7%)	1 (6%)	0,006	1,000
Viber	2 (5%)	1 (6%)	0,072	1,000
Telegram	1 (2%)	3 (19%)	5,120	0,054
Одноклассники	1 (2%)	1 (6%)	0,576	0,466
Skype	2 (5%)	2 (13%)	1,193	0,287
Mail.ru	2 (5%)	1 (6%)	0,072	1,000
ОБЪЕКТ В ДЕЛИКТЕ				
Гетеросексуальный педофильный	33 (75%)	14 (88%)	1,080	0,481
Гетеросексуальный эфебофильный	12 (27%)	4 (25%)	0,031	1,000
Гомосексуальный педофильный	4 (9%)	3 (19%)	1,062	0,370
Гомосексуальный эфебофильный	1 (2%)	-	0,370	1,000
ВОЗРАСТ, УКАЗАННЫЙ ПОТЕРПЕВШИМИ В АККАУНТЕ				
Допубертатный (до 11 лет)	3 (7%)	4 (25%)	3,764	0,074
Ранний пубертат (11-13 лет)	9 (21%)	8 (50%)	5,044	0,049
Средний пубертат (13-15 лет)	30 (68%)	6 (38%)	4,602	0,041
Поздний пубертат (16-18 лет)	2 (5%)	-	0,752	1,000
Взрослый (старше 18 лет)	2 (5%)	-	0,752	1,000
ВОЗРАСТ, НАЗВАННЫЙ ПОТЕРПЕВШИМ В ХОДЕ ПЕРЕПИСКИ				
Допубертатный (до 11 лет)	9 (21%)	9 (56%)	7,159	0,012
Ранний пубертат (11-13 лет)	29 (66%)	6 (38%)	3,896	0,075
Средний пубертат (13-15 лет)	7 (16%)	-	2,882	0,173
Поздний пубертат (16-18 лет)	-	-	-	-
Взрослый (старше 18 лет)	-	-	-	-

Примечание. Для сравнения использовался критерий χ^2 ; p – вероятность ошибки первого рода, указана с учетом точного теста Фишера.

Согласно полученным данным, интернет-правонарушители с педофилией значимо чаще для общения в Интернете выбирают детей более юного возраста – возраст, указанный на страничке потерпевших и названный потерпевшими в переписке, меньше в сравнении с возрастом потерпевших от действий интернет-правонарушителей без педофилии. В целом различия, представленные в табл. 20, показывают, что по большинству поведенческих показателей интернет-правонарушители с педофилией и без нее не отличаются друг от друга.

6.2 Факторы, связанные с совершением сексуальных интернет-правонарушений

На рис. 1 схематично изображены основные результаты, полученные в проведенном исследовании. Подытоживая полученные данные, можно утверждать, что само по себе совершение сексуального правонарушения посредством сети Интернет не играет решающей роли, значимым представляется именно наличие или отсутствие педофилии.

Правонарушителей без педофилии (как совершивших действия посредством сети Интернет, так и совершивших контактные правонарушения) отличает более редкая встречаемость дизонтогенетических проявлений, они более благополучны характерологически и психопатологически в сравнении с обеими группами педофилов. Однако для контактных правонарушителей в сравнении с интернет-правонарушителями характерна некоторая наследственная отягощенность по расстройствам личности, подверженность экзогенным воздействиям (в виде хронического злоупотребления алкоголем, более частой встречаемости черепно-мозговых травм во взрослом возрасте), трудовая занятость неквалифицированным физическим трудом. Все это позволяет сделать вывод, что совершению контактных правонарушений способствует скорее общая асоциальность таких лиц, их меньшая ориентация на социальные нормы.

Напротив, группы лиц с педофилией (независимо от того, было ли правонарушение совершено онлайн или в реальности) имеют много общего, что позволяет говорить о ведущей роли именно педофилии в совершении ими

криминальных действий. Интернет, вероятнее всего, в таком случае выступает лишь как средство.

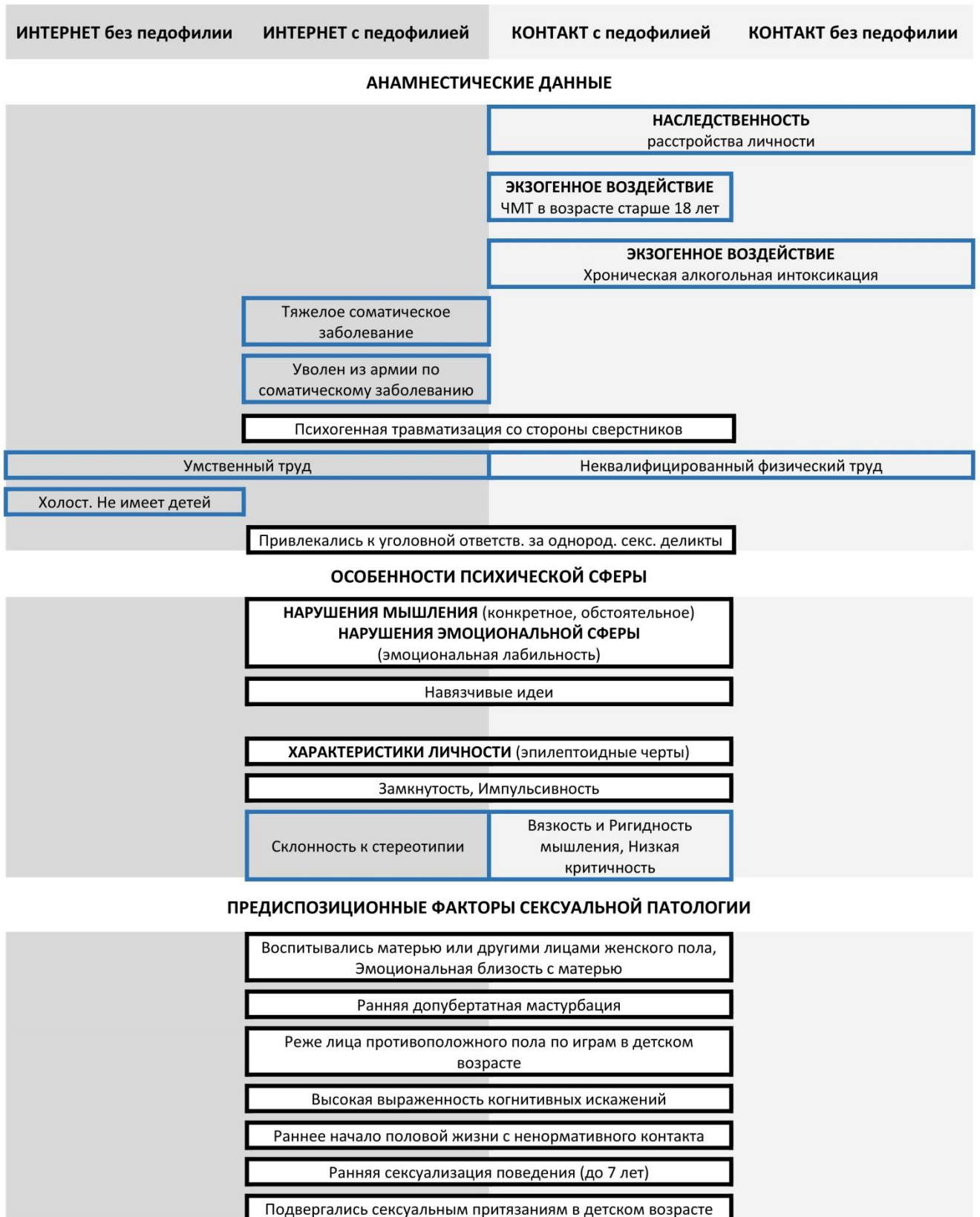

Рисунок 1. Схематичное изображение основных результатов

Вместе с тем, контактные правонарушители с педофилией также отличаются большей асоциальностью, чаще злоупотребляют алкоголем и обнаруживают более низкие критические способности, чем интернет-правонарушители с педофилией. Также у них чаще встречаются экзогенные повреждающие воздействия.

Сделанное предположение о ведущей роли педофилии, а не Интернета, подтверждается и тем фактом, что при сравнении педофилов, совершивших свои действия посредством Интернета или контактные правонарушения, по целому ряду сексологических параметров не было обнаружено значимых различий, кроме частоты аномального поведенческого паттерна.

6.3 Критерии судебно-психиатрической оценки интернет-правонарушителей

В целом, учитывая уже представленные различия, а также разнородность нозологического состава каждой из групп, можно говорить о том, что совершение интернет-правонарушений может быть обусловлено разными механизмами – психопатологическими, аномально-личностными, патосексуальными или индивидуально-психологическими. Факт совершения правонарушения с помощью ИТТ не связан со специфическими психопатологическими особенностями.

Результаты показывают, что лица с педофилией, независимо от способа совершения правонарушения (посредством Интернета или контактно), психопатологически и по predispositional факторам парафилий очень схожи между собой. И это значит, что при оценке интернет-правонарушителей патосексуальный механизм играет одну из ведущих ролей. Других клинических факторов, связанных с совершением именно интернет-правонарушений, в результате проведенной работы выявлено не было. Нозологический состав групп показывает, что группы не отличаются друг от друга по частоте встречаемости

такого диагноза, как интернет-зависимость (другие расстройства привычек и влечений – F63.8), который был установлен лишь одному подэкспертному.

Также в рамках психометрического исследования по шкалам, связанным с проблемным использованием Интернета, не было обнаружено значимых различий как между группами подэкспертных, так и при их сравнении с контрольной группой. Таким образом, нет никаких свидетельств в пользу того, что сексуальное правонарушение в Интернете может быть лишь результатом проблемного использования Интернета или интернет-аддикции.

Предположение о том, что интернет-правонарушения являются результатом сексуальной аддикции или компульсивности, не нашло подтверждения в полученных данных, поскольку не было выявлено соответствующих различий по частоте встречаемости компульсивного или обсессивно-компульсивного характера влечения (для групп лиц с педофилией). В то же время было обнаружено, что подавляющее большинство интернет-правонарушителей с педофилией реализуют свои аномальные фантазии гораздо чаще, чем контактные правонарушители, то есть некоторая аддиктивность этой группе, возможно, все же присуща.

Таким образом, полученные данные говорят о том, что уже существующие подходы к оценке аномального сексуального поведения вполне могут быть применены и к оценке интернет-правонарушителей. Поскольку у интернет-правонарушителей можно встретить целый ряд разнородных психических расстройств и вне сексологического спектра, для судебно-психиатрической оценки аномального сексуального поведения интернет-правонарушителей необходимо обращаться также к анализу психопатологических и аномально-личностных механизмов, помимо уже обозначенного патосексуального.

Модель судебно-психиатрической оценки интернет-правонарушителей с точки зрения классических представлений была выстроена в опоре на три теоретических подхода.

Первый из них – это концепция Ф.В. Кондратьева (1977, 1981, 1984, 2010) о триаде «синдром – личность – ситуация», определяющей общественно опасные

деяния лиц с психическими расстройствами. Как указывает автор этой концепции, поведение всегда разворачивается во взаимодействии личностных и ситуационных факторов. Любые события субъект трактует через призму своей личности, своих смыслов, что обеспечивает смысловое видение ситуации субъектом. Однако при наличии психической патологии в эту диаду включается фактор «синдрома», в результате чего составляющие фактора «личность» могут поражаться в различной степени. При наличии глубоко выраженной патологии синдром становится ведущим и может практически полностью нивелировать личностную, смысловую сторону поведения, что обуславливает возможность экскульпации обвиняемого. В таком случае «синдром» является основным и определяет судебно-психиатрическое решение. Если же уровень поражения не столь глубок, судебно-психиатрическая оценка требует более дифференцированного подхода, подразумевающего тщательный анализ взаимодействия факторов «личность» и «ситуация».

Судебно-психиатрическая оценка психопатологических механизмов общественно опасных действий психически больных с тяжелыми психическими расстройствами (при ведущей роли именно синдрома в обозначенной ранее триаде) наиболее полно была разработана В.П. Котовым и М.М. Мальцевой (Котов В.П., Мальцева М.М., 2004; Мальцева М.М. 2004). В рамках этой концепции выделяются два основных варианта психопатологических механизмов – продуктивно-психотические (с бредовой мотивацией или без нее) и негативно-личностные (ситуационно-спровоцированные или инициативные).

Судебно-психиатрическая оценка механизмов общественно опасных действий психически больных с умеренно выраженной психической патологией (пограничными нарушениями, расстройствами непсихотического уровня) при наибольшем влиянии аномально-личностных механизмов и необходимости оценивать личностно-ситуативное взаимодействие была разработана А.В. Хрящевым (2005). Автором выделяются четыре регистра оценки расстройств непсихотического уровня: клинические, адаптационные, ситуационные и мотивационные. Суть концепции сводится к тому, что при отсутствии глубокого

поражения личности судебно-психиатрическая оценка должна основываться не только на анализе тяжести существующего расстройства, но и на особенностях появления мотивации субъекта в конкретной ситуации. При формировании мотивации субъекта независимо от наличной ситуации можно говорить о мотивации, которую автор называет *независимо-осознанной* – в таком случае решение принимается человеком независимо от влияния механизмов его аномальной личности. Однако нередко мотивация лиц с расстройствами непсихотического уровня напрямую вытекает из имеющегося расстройства и возникает в конкретной ситуации не в полной мере произвольно, под непосредственным влиянием этой ситуации, что является основанием для экспертного решения об ограниченной вменяемости. Автором представлены различные виды такой *ситуационной* мотивации.

На рис. 2 схематично изображен алгоритм принятия судебно-психиатрического экспертного решения в зависимости от наличия или отсутствия у подэкспертного психопатологии той или иной степени выраженности.

При отсутствии психической патологии поведение интернет-правонарушителей определяется индивидуально-психологическими механизмами, изучение которых является предметом судебной психологии, а не психиатрии. Тем не менее, по полученным данным такие индивидуально-психологические особенности проявляются в психологически понятных ситуационных обстоятельствах, вытекающих из образа жизни интернет-правонарушителей без педофилии, которые чаще проживают в одиночестве (холосты, без постоянной партнерши, не имеют детей, а даже если имеют, то не принимают непосредственного участия в их воспитании), то есть у них гораздо меньше бытовых задач.

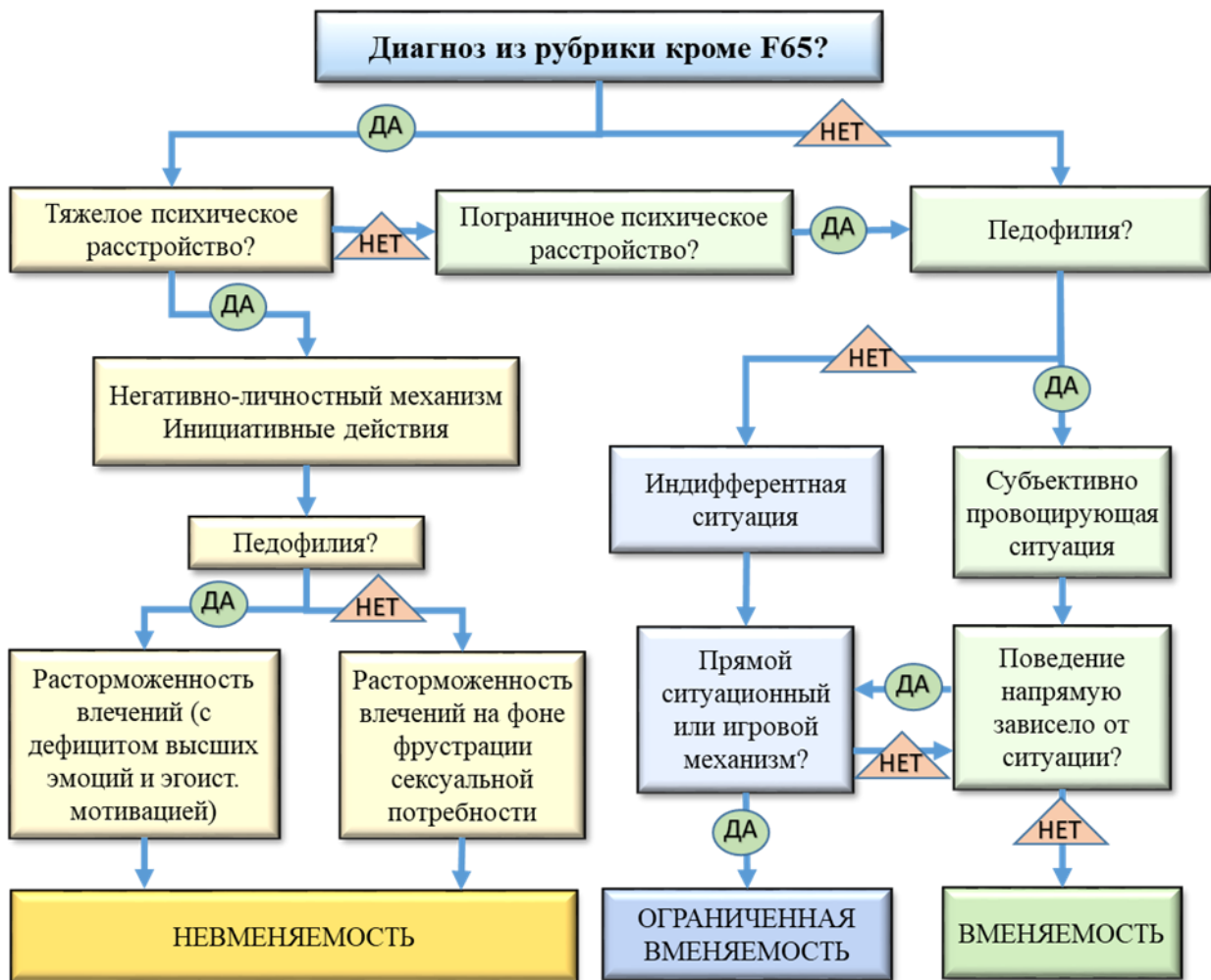

Рисунок 2. Алгоритм принятия экспертного решения при судебно-психиатрической оценке сексуальных интернет-правонарушителей, имеющих психическое расстройство

При наличии тяжелого психического расстройства в исследованной выборке у обеих групп интернет-правонарушителей (как с педофилией, так и без нее), признанных невменяемыми, обнаруживался негативно-личностный **психопатологический** механизм совершения общественно-опасных действий. Даже при наличии у подэкспертного параноидной шизофрении, продуктивная симптоматика не играла ведущей роли. Такие больные сами создавали обстоятельства, облегчающие совершение деликта, а не действовали под воздействием неожиданно возникшей для них ситуации; механизм их действий был именно инициативный. Наличие педофилии в случае грубых нарушений психотического уровня вторично.

У всех таких подэкспертных обнаруживаются элементы расторможенности влечений, которые при отсутствии педофилии обычно выражались именно в

необходимости реализации сексуальной потребности хотя бы с каким-то объектом (отношения с женщинами были дисгармоничными, вплоть до полной дезадаптации). У четверти подэкспертных можно было отметить и дефицит высших эмоций с эгоистической мотивацией, убежденностью в собственной вседозволенности. Под влиянием расстроенных влечений меняется весь образ жизни таких больных и центральное место в их жизни занимает виртуальное общение.

КЛИНИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ 1. Подэкспертный Б., 27 лет. Обвиняемый по ст. 132 ч. 4 п. «б» и ст. 135, ч. 1 УК РФ

Анамнез. Наследственность психопатологически не отягощена. Беременность у матери протекала без патологии, роды в срок. Ранее развитие проходило своевременно. Посещал детский сад. По характеру формировался необщительным, любил проводить время в одиночестве. Родители работали программистами. Воспитанием подэкспертного преимущественно занималась мать. Ее Б. характеризует «доброй, хорошей и отзывчивой», об отце коротко отзывается – «такой же».

Окончил 9 классов общеобразовательной школы, при обучении в которой успевал хорошо. Окончив 9 классов, по настоянию родителей поступил в музыкальное училище, хотя не испытывал «особенного интереса» к данной сфере и вынужден был прекратить спортивные тренировки, которые «очень нравились», но на которые «стало не хватать времени». После окончания музыкального училища поступил в институт музыки, а затем устроился работать музыкантом в народном ансамбле.

На учете в психоневрологическом диспансере не состоит. За время жизни около 5 раз употреблял наркотические средства.

Сексуальный анамнез. Сообщает, что в дошкольном возрасте, при игре с младшей сестрой в «пациента и врача», узнал о различиях в строении половых органов мужчин и женщин. При другой клинической беседе, настаивает на том, что в указанную игру стал играть с сестрой с 10-11 лет (ей на тот период было 8-9 лет). Сообщает, что в процессе игровой деятельности они, втайне от родственников, обнажались, «осматривали и ощупывали» друг друга, порой касались гениталий. При этом упоминает, что испытывал сексуальное возбуждение, а также обращал внимание на то, что появлялась эрекция. В последующем «время от времени» играли в эту игру вплоть до 13-летнего возраста подэкспертного, и прекратили ее после того, как он попробовал коснуться гениталий сестры языком, а она «испугалась этого». С 12-13 лет испытывал чувство влюбленности по отношению к однокласснице, оказывал ей знаки внимания: помогал выполнять задания, писал записки, провожал после школы, – однако она не отвечала взаимностью и порой сторонилась его («стеснялась, наверное»). Сообщает, что «был влюблен» в нее на протяжении

всего обучения в школе, однако при другой клинической беседе указывает, что «влюблялся во многих» в школьном периоде. Также упоминает, что, начиная со школьного возраста, «разделял тех, кто нравились, и тех, кого хотел... никогда не испытывал никаких чувств к тем, с кем хотел близости... и не думал о сексе с теми, кто нравился». Поясняет, что для него «это разные вещи... там – чувства, а там – желания». В 13-14 лет из разговоров со сверстниками и ребятами старше по возрасту, а также из фильмов порнографического содержания, узнал о том, как происходит половой контакт, о процессе мастурбации. С того же периода времени стал прибегать к онанизму, при этом около полугода мастурбировал без достижения эякуляции и оргазма: «Специально не доводил до конца... было страшно, что при семяизвержении что-то произойдет... будет больно». При мастурбации представлял сцены из просмотренных фильмов, а также девушек, «которых хотел». Упоминает, что всегда больше нравилось представлять сцены орального секса. В 15 лет знакомая его друга, по просьбе последнего, в подъезде многоэтажного дома намеревалась вступить в оральный половой контакт с подэкспертным. Однако у него не появилась эрекция и фелляция не была осуществлена. Указывает что «было стыдно» и «хотелось, чтобы все закончилось побыстрее». К произошедшему отнесся спокойно и «решил, что, когда придет время – все получится». С 15-16 лет стали отмечаться сновидения сексуального характера, которые сопровождались семяизвержением. В 16 лет, после участия в международном музыкальном конкурсе, во время совместного праздника с друзьями, вступил в сексуальную близость с «девушкой легкого поведения», которая была на 8-9 лет старше него. Половой контакт прошел успешно, оценивает его «хорошо». С 16-17 лет стал пользоваться на мобильном телефоне услугами «знакомств» посредством переписки. В дальнейшем, когда появился доступ к интернет-сети, подэкспертный стал знакомиться с девушками посредством «сайтов знакомств» и вести с ними «откровенную переписку». Имел непродолжительные отношения с 15-20 партнершами, отмечая, что при сексуальной близости могла не появиться эрекция, «если испытывал чувства к партнерше». В 21 год стал работать вместе с женщиной, которая была старше него на 5 лет. Первое время поддерживал с ней дружеские отношения и вскоре после знакомства, «играячи», стали вступать в сексуальную близость. При этом указывает, что на тот момент к партнерше «не испытывал никаких чувств», в связи с чем не было и нарушений эрекции. Спустя 1,5 года стали поддерживать постоянные отношения, «начал любить ее», при этом поясняет, что именно благодаря такой последовательности развития отношений «сумел сочетать сексуальное желание и чувства» к избраннице. С того периода времени половые контакты были ежедневными, с эксцессами до 7-8 раз за сутки, при сочетании – до 10 раз.

Уголовное дело. Б. посредством социальных сетей познакомился с потерпевшей П., которая информировала его о своем несовершеннолетнем (13 лет) возрасте. Подэкспертный представился потерпевшей менеджером модельного агентства. Подэкспертный предлагал П. встречу, чтобы та обнажила грудь за 500 рублей. В дальнейшем общение посредством Интернета

продолжилось, подэкспертный неоднократно во время видеозвонков предлагал потерпевшей, чтобы он продемонстрировал ей свой половой член, неоднократно просил потерпевшую показать грудь и половые органы. В дальнейшем потерпевшая познакомила подэкспертного со своей подругой В. (12 лет), и Б. уже их обеих просил показать грудь и половые органы для того, чтобы оценить, подходят ли они ему для работы в агентстве.

При осмотре автомобиля и квартиры Б. были обнаружены любительские и профессиональные фотоизображения женщин в обнаженном и полубнаженном виде, некоторые из которых находятся в позах, имитирующих сексуальные. Также среди фотографий отмечались изображения, демонстрирующие гетеросексуальные половые контакты в оральной, вагинальной и анальной формах, а также фотографии, изображающие введение пальца во влагалище. Также присутствовали видеозаписи, в сюжете которых женщины мастурбируют перед камерой. Кроме того, имеются фотоизображения, сделанные подэкспертным перед зеркалом и демонстрирующие его в обнаженном и полубнаженном виде.

В своем объяснении Б. сообщил, что общение в сети Интернет – это его «вторая жизнь», отличная от реальной, в которой он общается со многими незнакомыми девушками на сексуальные темы. Сообщил, что знал о возрасте потерпевших. В Интернете зарегистрировался под другим именем, указал, что является представителем модельного агентства для того, чтобы привлечь внимание девушек. Общался с потерпевшими на тему секса. Сообщает, что с помощью программы «Скайп» потерпевшая П. показала ему обнаженную грудь. Уверяет, что свой половой член он ей не показывал. Утверждает, что потерпевшая В. не показывала ему грудь и половые органы.

При настоящем обследовании. Волосы взъерошены, небрит, походка несколько скована. Ориентирован формально правильно, цель обследования понимает формально верно. Считает, что его направили на обследование для того, чтобы помочь «разобраться в себе» и объяснить, что с ним происходит. Мимические реакции несколько неадекватные, в начале беседы отмечается однообразная улыбка, затем при расспросе о его семье наворачиваются слезы, сдержать их не может. Заявляет, что его судьба ему безразлична, больше переживает, что находится вдали от родственников. В беседу вступает охотно, подробно рассказывает о своих переживаниях, ищет помощи. На вопросы отвечает многословно. Анамнестические сведения сообщает последовательно, старается вспомнить все детали, не упустить важных событий жизни. Сообщает, что с подросткового возраста увлекался спортом, бегом, посещал множество секций, кружков. Обращает внимание, что всегда достигал намеченных целей. Характеризует себя как активного, деятельного, волевого. Говорит, что наряду со всеми занятиями не было свободного времени, не успевал встречаться с друзьями. Затем добавляет, что общению предпочитал уединение с самим собой и занятие музыкой. О друзьях говорит формально. Признается, что его лучшим другом был телефон, а впоследствии стал компьютер. При этом не мог себя заставить отойти от него усилием воли. Сообщает, что все время уделял общению в Интернете с девушками разных

возрастов. При этом сообщает, что заходил на сайт знакомств и параллельно переписывался с разными женщинами. Общался на сексуальные темы, при этом испытывал половое возбуждение, оргазм, не мог в эти периоды контролировать себя и прекратить процесс общения. Признается, что от данных переписок испытывал большее половое возбуждение, чем от секса с девушкой. Обращает внимание, что его «затягивало», ему нравился сам процесс переписки и попытки уговорить девушек о встрече. Говорит, что на указанные встречи не являлся, так как терял интерес. Параллельно мог назначить встречу одновременно с несколькими девушками, не приходил на них, ему было безразлично, что они его ждут. Называет общение в Интернете «второй жизнью», хотя переписки мешали ему работать, из-за них он отменял встречи, пропускал работу, придумывая нелепые отговорки своему руководству. Переписки путали его мысли, постоянно думал только о них, придумывал новые темы для общения. Подолгу сидел за компьютером, общаясь на различных сайтах с девушками. Говорит, что мог, не прерываясь, просидеть целые сутки и даже неделю за компьютером, только немного ел и ходил в туалет. Говорит, что его «двойную» жизнь могла заподозрить девушка, с которой серьезно встречался. С грустью сообщает, что по этой причине не мог уделять должного внимания, обманывал ее, придумывал нелепые объяснения времяпрепровождению за компьютером. Сообщает, что после переписок резко снижалось настроение, считал, что не должен этим заниматься, это не соотносится с его морально-нравственными принципами. Так, сообщает, что однажды был сильно подавлен, возникла апатия, пытался совершить суицид (броситься с крыши), но его остановила его девушка. Отмечает, что настроение часто, без внешней причины меняется и он не может его контролировать. Говорит, что в течение 1,5 лет слышит голоса лиц, с которыми переписывается. Они возникают в виде гула, шума, шепота. Сообщает, что иногда может различить отдельные слова, свое имя. Эти голоса слышал внутри головы около 1 р./месяц. Затем уточняет, что это возникало и раньше. Они давали ему советы и выражали свое отношение к происходящим событиям, одобряли или опровергали его занятия. Говорит, что однажды голос сказал, чтобы ударил человека. В последующем стали возникать видения, видел тексты переписок. Отмечает, что возникают ощущения, что в голове много мыслей, они идут «поток», путаются, а на выходе возникает каша, «фарш», в котором невозможно разобраться. Это мешало ему в повседневной жизни, не мог сосредоточиться на работе. Говорит, что возникало ощущение, что сходит с ума, находился на грани «истерики», иногда хотелось одновременно и плакать, и кричать. Периодически возникают ощущения чуждости мыслей. Иногда «видит» и тех, с кем вступал в переписку, но «нечетко», «расплывчато, как привидения в мультиках», а также слышит их как «шум», «гул» и «смех». Говорит, что эти состояния тягостны для него, он обращался к врачу, который направил его в клинику, однако в последующем он так и не госпитализировался. Подчеркивает, что впервые голос услышал в детстве, когда заблудился в лесу. Голос подсказал, как найти выход. Считает, что эти события связаны. Говорит, что в последнее время изменился (стал писать стихи, возникает ощущение замедления времени). О правонарушении сообщил, что общался в

Интернете с потерпевшими на сексуальные темы. Потом помнит только то, как его задерживали сотрудники полиции. В отделении был малообщителен, большую часть времени проводил в пределах постели, режим соблюдал. Мышление непоследовательное, нецеленаправленное, аморфное. Суждения амбивалентны. Эмоционально монотонен, маловыразителен, неадекватен. Интеллект без признаков снижения. Критические способности грубо нарушены.

При переходе беседы к обсуждению сексуальных тем и обстоятельств правонарушения краснеет, становится неусидчив и начинает ерзать на стуле. Чаще смотрит в сторону. Жестикуляция становится быстрее и шире, порой переплетает пальцы в плотный «замок», разминает их, что сопровождается щелкающими звуками в суставах. Прикрывает рот рукой, гладит подбородок и висок, потирает ладони и гладит себя по коленям и бедрам. Ноги скрещивает и убирает под сиденье стула. Голос становится громче, речь – сбивчивой, нередко запинаясь и не сразу продолжает рассказ. На вопросы отвечает после пауз, акцентирует внимание на том, что «никогда никому не рассказывал обо всем». Порой с трудом подбирает слова и говорит: «это сложно описать», «не знаю, как сказать», «никогда раньше не задумывался об этом». Отвечает непоследовательно, противореча собственным высказываниям, как в рамках одной клинической беседы, так и разных, дает двойные ответы. Нередко ссылается на запоминание некоторых событий, использует неопределенные формы ответов – «наверное», «скорее всего», «вроде, так». Упоминает, что не раз «ощущал провалы во времени», которые зачастую были связаны с «повышенным напряжением и тревогой». О переписке с девушками посредством интернет-сети рассказывает, что заходил на соответствующие сайты и сразу начинал писать всем, кто был в режиме «онлайн», «мог за раз написать сообщения 50-100 женщинам... из них отвечали 20-30... из которых около 5 были готовы обсуждать» сексуальные темы и делиться своими фантазиями. Больше нравились те из женщин, которые были на несколько лет старше. В то же время указывает, что «было все равно, кому писать» и с кем «заниматься виртуальным сексом». «По возможности... если возникали сомнения о том, кто по другую сторону монитора», подэкспертный созванивался с партнершами по переписке, просил, чтобы они выслали ему фотографии или, связывался с ними посредством видеосвязи «Скайп» или интернет-звонков. При «знакомстве» с женщинами зачастую представлялся вымышленным именем, в свою очередь, также, не запоминая их имен и данных. Рассказывает, что нравилось писать «всякие пошлости и гадости... то, что в реальной жизни никогда бы не сказал... а написать можно было все», «если что-то не понравилось – послал и забыл». Нравилось при переписке, обсуждать различные сексуальные предпочтения и фантазии, во что одета партнерша и то, как они через обоюдные ласки переходят к половому контакту. По мере моделирования сцены полового контакта, которое могло занимать от 20 минут до 1 часа, ощущал нарастающее сексуальное возбуждение, которое «постепенно все тяжелее было сдерживать», и начинал мастурбировать. После онанизма и достижения оргазма испытывал «чувство тоски», «глубокий дискомфорт», «было невыносимо плохо», «хотелось умереть», «понимал, что не нужно все это».

Пытался больше не заниматься «все́м этим», однако спустя 20-30 минут вновь возвращался в «онлайн» для продолжения общения. Порой мастурбаторные эксцессы достигали 4-5 раз, «не замечал, как течет время... сколько прошло часов». Вплоть до 19-20 лет подэкспертный встречался с женщинами, с которыми вел переписку, и вступал с ними в сексуальную близость. Однако в последующем «осознал», что, в сравнении с сексуальной близостью, испытывал большее удовольствие при переписке с последующей мастурбацией. После этого, договорившись о встрече, стал не приезжать на нее, так как «уже помастурбировал и получил удовольствие... для чего с ними встречаться?». Пытался ограничивать время пребывания в Интернете, однако вновь заходил, чтобы проверить почту, после чего «незаметно» переходил на сайты знакомств, где мог увидеть полученные сообщения или написать сам. Становился конфликтным и раздражительным, когда из-за присутствия рядом людей не мог «заняться перепиской». Сообщает, что тратил на электронную переписку «все свободное время», мог не поехать на репетицию или выступление. 1-2 года назад стал испытывать «угрызения совести» в связи с тем, что «стремление к переписке» могло повредить работе и личной жизни, «требовалось много усилий», чтобы скрывать происходящее от близких. Иногда «не контролировал себя» и продолжал переписываться, находясь рядом с постоянной партнершей. Упоминает, что во время секса с ней порой вспоминал темы, которые фигурировали в переписке, или «представлял текст», содержащий обсуждение сексуальных сцен. Имели место случаи, когда его партнерша находила в памяти компьютера или в мобильном телефоне подэкспертного номера женщин, с которыми он созванивался, или адреса интернет-страниц, которые посещал, и в результате между ними возникали ссоры. Упоминает, что стал слышать «голоса» девушек, с которыми общался через Интернет, они попеременно «ласкали слух и ругали». «Последнее время» перестал различать их и стал слышать «большую серую массу голосов женского пола». Все вышеперечисленное послужило причиной к тому, что за год до инкриминируемых действий подэкспертный в частном порядке обращался к «какому-то врачу», который, в свою очередь, порекомендовал ему посетить сексолога. Однако он не выполнил полученных рекомендаций, и «снова окунулся в переписку». При беседе неоднократно спрашивает, есть ли возможность «избавиться от стремления к переписке», а также высказывает опасения, что позже, «когда все это закончится... забудет обо всем» и снова начнет «губить свою жизнь», возобновив виртуальное общение на сексуальные темы. Относительно инкриминируемых действий рассказывает, что начал переписываться с П. около 1-1,5 года назад, «точно уже не вспомнить». Несколько раз «мог отправить ей сообщения», когда рассылал их всем, находящимся «онлайн». Упоминает, что потерпевшая нередко бывала на одном из сайтов знакомств, однако «видимо, не находилась за компьютером», так как отвечала после продолжительных промежутков времени. В связи с этим их переписка «тянулась очень долго», около 2-3 месяцев, после чего несколько месяцев они вовсе не общались. В последующем их интернет-общение продолжилось, и они стали «общаться на общие темы», чем раньше подэкспертный не занимался – обсуждали фильмы,

книги и текущие события. Относительно демонстрации груди потерпевшей, указывает, что «не помнит такого». Отмечает, что она настаивала на общении, а также «уговорила его», чтобы он поддерживал общение и с ее подругой (В.), что ему «интересным совершенно не было... так как та выглядела существенно младше» П. Категорически отрицает сексуальное влечение к несовершеннолетним и указывает, что «никогда не хотел общаться с малолетками». Относительно такого расстройства, как педофилия, сообщает, что «это неправильно... так не должно быть», так как действия сексуального характера в отношении детей «портят их психику».

Заключение: *Параноидная шизофрения с непрерывным типом течения (F20.0). Индивидуальная особенность в виде преждевременного психосексуального развития.*

На примере данного случая можно продемонстрировать, что в случае шизофрении имеет место нарастание аутизации в силу имеющегося шизофренического процесса, сужается круг интересов. Все внимание субъекта оказывается сосредоточено исключительно на проведении времени в Интернете. Ведение переписки в Интернете может становиться для таких субъектов основным занятием в течение дня. Интернет превращается в особый мир, привлекающий их гораздо больше, чем реальность. Вместо реальной коммуникации, они прибегают к виртуальной, учитывая, что у них имеются функциональные сексуальные расстройства и сексуальная дезадаптация, то они реализуют свое половое влечение через Интернет, через общение с разными потерпевшими, общаясь не только с девочками, но и с женщинами на разные сексуальные темы. Среди потерпевших чаще всего в таком случае будут девочки раннего пубертатного возраста, у которых уже имеются признаки полового созревания. Лица с шизофренией и шизоидным складом личности имеют ограниченный круг общения, ведут себя отстраненно, у них нарушены коммуникативные навыки и полноценное межличностное общение, дружеское или романтическое общение для таких лиц оказывается затрудненным или даже невозможным. Все это способствует гетеросексуальной дезадаптации, которая в приведенном примере вылилась в постоянную смену партнерш, расщепление сексуального и платонического компонентов в общении с женщинами. Однако у лиц с шизоидным складом личности могут и вовсе отсутствовать длительные

отношения с женщинами, а их сексуальное поведение может сводиться преимущественно к мастурбации (что отчасти имело место и в описанном случае). При попытках реализации нормативного сексуального поведения могут обнаруживаться функциональные расстройства, такие как эректильная дисфункция, задержка эякуляции и оргазма.

При наличии психической патологии непсихотического уровня поведение интернет-правонарушителей определяется **аномально-личностным** и/или **патосексуальным** (при наличии педофилии) механизмами, или же и тем, и другим. Оба эти механизма определяют нарушения именно на личностном уровне и требуют анализа взаимодействия личности и ситуации при осуществлении конкретных противоправных действий.

Ситуация в таком случае носит характер индифферентной (для лиц без педофилии) или субъективно провоцирующей (для лиц с педофилией), создающей у подэкспертного иллюзию легкости удовлетворения его потребностей.

У пятой части больных с психическими расстройствами непсихотического уровня и/или педофилией обнаруживался низкий уровень социального функционирования и трудности социальной адаптации при сниженной способности к критической оценке своих поступков в ситуации правонарушения. В ситуации конкретного правонарушения при наличии педофилии субъективно провоцирующая ситуация может приводить к формированию прямой ситуационной мотивации (по А.В. Хрящеву). То есть, субъект испытывает влечение к детям, и любая ситуация, способствующая его общению с детьми, предоставляющая возможность для интимного общения с ними, в этом смысле является провоцирующей. Субъективно-провоцирующая ситуация позволяет субъекту достаточно легко удовлетворить возникающие потребности. При описанном снижении критических способностей (когда возможная ответственность за свои действия не предполагается и не усматривается) субъект может действовать непосредственно под влиянием внезапно возникшего у него

стремления и в таком случае может быть признан ограниченно вменяемым. При отсутствии педофилии ситуация взаимодействия с детьми в сети Интернет является индифферентной, однако и в таком случае под прямым влиянием ситуации у субъекта со сниженной критикой может возникать ситуационно спровоцированная игровая мотивация (по А.В. Хрящеву). Игровая мотивация была наиболее характерна для лиц молодого возраста с эмоционально-волевыми нарушениями.

КЛИНИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ 2. Подэкспертный П., 29 лет. Обвиняемый по ст. 135, ч. 2 УК РФ

Анамнез. Наследственность психопатологически не отягощена. Рос и развивался соответственно возрасту. Беременность и роды у матери протекали нормально. Отец был преподавателем и занимался виноградным делом, характеризует его «добрым». Мать тоже была преподавателем и вела биологию в школе, а позже – «методику преподавания биологии» в ВУЗе, ее описывает «строгой» и говорит, что «побаивается» ее. Также указывает, что она играла ведущую роль в семье, наказывала испытуемого при проступках с его стороны и могла ударить ремнем. По характеру рос спокойным, общительным, послушным. В общеобразовательную школу поступил в возрасте 7 лет. В свободное от учебы время посещал воскресную школу, кружки, увлекался художественной деревообработкой. В 7 классе увлекся стрельбой из винтовки. В 9 классе был переведен в другую школу, так как из прошлой школы стали уходить специалисты. В 11 классе во время учебы подрабатывал в школе учителем информатики. После окончания 11 классов, затем поступил в Тимирязевскую академию на факультет учета и финансов. В сентябре 2007 года, когда началась учеба, появились слабость, недомогание, ничего не мог делать. После занятий должен был отдохнуть и только после этого чувствовал себя работоспособным. Снизилось настроение, с трудом стал концентрировать внимание, не усваивал новый материал, перестал общаться с однокурсниками, отказывался от студенческих встреч и вечеринок, запустил занятия, все время проводил за компьютером, а утром родные не могли его заставить встать, стал пропускать занятия, понизилось настроение. С данными жалобами в 20 лет обратился в психиатрическую больницу, где при поступлении в психическом статусе отмечалось, что настроение было снижено, выражение лица грустное. Движения были замедлены, голос тихий. На вопросы отвечал после паузы. Рассказывал, что испытывает резкую слабость, единственное желание - лежать, ничего не делать. Сожалел, что не справляется с учебой, махнул на все рукой - стало легче. Во время беседы иногда улыбался. Беспокоили тяжесть в мышцах, чувство напряжения. Появлялось желание расслабиться. Суицидальные мысли и тенденции отрицал. Устанавливался диагноз: «Депрессивный эпизод средней степени тяжести без соматических нарушений». На фоне

фармакотерапии активизировался, стал общаться, смотреть телевизор. Через две недели был выписан со значительным улучшением. Стал обращаться к частным психотерапевтам. В тот же промежуток времени начал писать новеллы и рассказы (со слов). После выписки был переведен на гуманитарно-педагогический факультет в связи с не сдачей сессии. Учился успешно, после окончания было предложено поступление в аспирантуру и преподавательскую деятельность, но в связи с отсутствием интереса отказался.

В армии не служил, поскольку был признан негодным к военной службе по ст. 15. Был снят с воинского учета по состоянию здоровья. После развода родителей (на момент развода подэкспертному было 24 года) стал проживать с матерью. Переживал уход отца, но иногда общался с ним. Отмечал частое беспричинное снижение настроения, не хотелось ни с кем встречаться, что-либо делать, было желание побыть одному. Думал, что самостоятельно может справиться со своим заболеванием, но нарастало состояние бездеятельности. В 25 лет вновь обратился в психиатрическую больницу. В психическом статусе отмечалось резкое ухудшение состояния с весны, потерю интереса к окружающему, не желание общаться с отцом. Испытывал чувство неуверенности. В беседе на вопросы отвечал после некоторой паузы. Был гипомимичен. Ориентирован правильно в месте и времени пребывания. Настроение было снижено, но в беседу вступал с готовностью, рассказывал о проблемах своего здоровья. Не отрицал, что его мало интересуют окружающие, нет тяготения к общению и есть желание к уединению. Во время беседы на лице появлялась улыбка, которая не соответствовала теме разговора. Эпизодически имела место некоторая настороженность по отношению к окружающим. В результате проведенной фармакотерапии состояние улучшилось, отмечал, что ему стало легче общаться, не было желания к уединению, а наоборот хотелось поговорить, повидаться с матерью, строил реальные планы после выписки из больницы. Через месяц был выписан с диагнозом: «Реккурентное депрессивное расстройство, средней степени тяжести без соматических симптомов».

После выписки устроился работать системным администратором, а позже был взят на должность младшего научного сотрудника (учреждение неизвестно). В 27 лет стал посещать Троицко-Сергиеву Лавру, вместе с другом начали реконструировать скит Иосифа Волоцкого, работал в монастыре. Стал посещать церковный хор.

Согласно показаниям матери П., сын рос очень спокойным, особых проблем с поведением: у него никогда не было. Она характеризовала его, как интроверта, поэтому общение давалось ему с трудом, он всегда прислушивался к ее мнению, помогал материально бабушке и деду, давал деньги на лекарства. Он очень привязан к семье, совершенно домашний ребенок. Однако огромное количество времени проводил за компьютером. После работы продолжал доделывать дела по работе, смотрел фильмы. Однако каких-либо странностей в поведении сына, она не замечала. По месту жительства характеризовался положительно, заявлений или жалоб не поступало.

Сексуальный анамнез. Подэкспертный посещал детский сад, однако затрудняется дать однозначный ответ относительно того, общался ли и играл

с другими детьми в тот период времени. Вслед за этим указывает, что принимал участие в игре «дочки-матери», при которой зачастую выступал в роли «брата». Указывает, что в дошкольном возрасте не испытывал интереса к строению гениталий у лиц противоположного пола и узнал, что у женщин половые органы устроены иначе, позже посредством уроков полового воспитания и разговоров с приятелями.

Говорит, что не проявлял агрессивного поведения по отношению к сверстникам и не подшучивал над ними, так как «был тихим» и «боялся обидеть» их. В свободное от учебы время играл в волейбол и занимался резьбой по дереву, рисовал и гулял с другом, катался на роликах и скейтборде, а также играл в компьютерные игры, отдавая предпочтение стратегиям и «стрелялкам». Также указывает, что больше ему нравилось играть одному, нежели с другими пользователями посредством интернет-сети. Примерно с «13-15 лет» подэкспертный начал прибегать к мастурбации, о которой узнал самостоятельно, и периодичность которой составляла около 2-3 раз в неделю, с эксцессами до 4 раз в течение суток. Указывает, что поначалу около года у него не происходили семяизвержение и оргазм, и он испытывал лишь «удовольствие и расслабление». Наличие поллюций отрицает, однако указывает, что порой отмечал утром следы выделений, определить которые затрудняется. С 14 лет посредством разговоров с приятелями и ребятами старше по возрасту, а также журналов и фильмов порнографического характера, он начал узнавать о том, как происходит сексуальная близость. С 15 лет ему начали «нравиться» ровесницы, некоторым он писал записки, а в последующем – встречался, обнимался и целовался с ними, однако длительных отношений в тот период времени не имел. В 16 лет он стал испытывать «влюбленность» к однокласснице, однако ни коим образом не проявлял своих чувств, и спустя полгода они прошли.

Рассказывает, что примерно с 13 лет был знаком с ровесницей, которая жила по соседству, а в последующем, когда в 18 лет он употреблял алкоголь в одной с ней компании во дворе и попробовал амфетамин, они попытались вступить в сексуальную близость. При этом отмечает, что не испытывал сексуального желания, и у него не возникло возбуждение полового члена, по причине чего близости между ними не произошло, и в дальнейшем каких-либо отношений они не поддерживали. В том же возрасте, но несколько позже, когда подэкспертный начал учиться в институте, он стал поддерживать общение с ровесницей. Не дает однозначного ответа относительно того, испытывал ли к ней какие-либо чувства и ухаживал ли за ней. Они гуляли, взявшись за руки, обнимались и целовались, а вскоре она пригласила его к себе и проявила инициативу к сексуальной близости. Затрудняется оценить половую инициацию и говорит: «Никак... непонятно», – а в ином контексте беседы сообщает, что ему «понравилось». В последующем они поддерживали общение, однако повторных половых контактов между ними не было, причину чего не поясняет, и постепенно их связь прервалась.

Рассказывает, что в последующем имел около 30 партнерш. С 2-3 из них он поддерживал связь продолжительное время, однако виделся с ними непостоянно, не имел желания построить семью и ни к кому из них не испытывал сильных

чувств. Половые контакты происходили нерегулярно, с эксцессами до 3 раз в течение суток, и имели продолжительность до 10-15 минут, последний из них был за 2-4 месяца до привлечения к ответственности по настоящему уголовному делу. Указывает, что имело место несколько эпизодов, когда перед сексуальной близостью у него не возникало возбуждение полового члена, а также что это периодически происходило при алкогольном опьянении. Порой случалось, что при сохраняющейся эрекции у него не наступали семяизвержение и оргазм, что связывает с приемом препаратов психиатрического ряда в тот период времени. До настоящего времени сохранялись утренние эрекции.

Уголовное дело. П. обвиняется в том, что он вел переписку интимного характера в социальной сети «ВКонтакте» под вымышленным именем «А.» с малолетней В. (13 лет), где обменивался с ней фотографиями половых органов. Из показаний родителей В. примерно с того же времени они начали замечать изменения в поведении дочери. Она стала постоянно переписываться с кем-то, при этом стала скрывать от нас переписку, уходила с «айпадом» в ванную комнату. Кроме того, она была полностью зависима от социальной сети, уединялась. Она сообщила, что познакомилась в социальной сети «ВКонтакте» с молодым человеком, при этом переписку с ним отказывалась показать им. Мать решила посмотреть переписку с этим молодым человеком и увидела, что «А.» присылал их дочери фотографии и видео его половых органов. Также он побуждал ее дочь прислать ему фотографии в обнаженном виде, а именно ее половых органов, просил ее трогать свои половые органы, снимать это на видео и присылать ему, что она и делала. Они написали пользователю «А.», чтобы он перестал вести переписку, пояснив, что его действия являются уголовно наказуемыми. После этого пользователь «А.» удалил свой профиль из социальной сети.

Согласно показаниям, несовершеннолетней потерпевшей В., к ней в друзья добавился пользователь «А.», с которым она начала общение, при этом он сообщил ей, что он ее сверстник, ей казалось, что она ему нравится. Через какое-то время он стал присылать ей фотографии своего полового органа. После этого он стал просить ее прислать фотографии ее половых органов, на что она согласилась. Потом он начал присылать ей видеозапись, где он руками трогал свой половой член. Затем он просил ее дотрагиваться до своих половых органов, записывать это на видео и присылать ему, при этом он просил, чтобы она никому не рассказывала об их переписке и не показывала фотографии. В ходе обмена сообщениями потерпевшая сообщала, что ей «13 лет», однако затем – что ей «по возрасту 14 лет», а ее собеседник – что ему «14». Вскоре после начала их общения подэкспертный начинал спрашивать В. о том, есть ли у нее парень. В дальнейшем он прислал ей фотографии полового члена, после чего она отправила ему изображение своих гениталий, на котором имелись признаки их оволосения. В последующей переписке был приведен схожий снимок женских половых органов с признаками оволосения. Затем П. отправил собеседнице видео, на стартовом изображении которого был изображен половой член, а вслед за этим попросил, чтобы потерпевшая сделала аналогичную видеозапись, что она затем и выполнила.

В своих показаниях в качестве подозреваемого и обвиняемого П. сообщал, что он зарегистрирован в социальной сети «ВКонтакте» примерно с 20-летнего возраста. Со своей реальной страницы он вел переписку со своими друзьями и однокурсниками, о волонтерской деятельности, никакой переписки эротического или порнографического содержания на данной странице не вел. Примерно в 27 лет он создал еще одну страницу в социальной сети «ВКонтакте» под именем «А.» с целью знакомства с людьми посредством сети Интернет, он вступил в группы знакомств, оставлял там объявления, иногда писал понравившимся девушкам, но на общении никогда не настаивал. В основном девушкам было от 16 до 18 лет. С некоторыми из них он вел переписку эротического содержания, но достоверно их возраст был не известен, полагал, что им больше 16 лет. Обстоятельств знакомства с пользователем В. в социальной сети «ВКонтакте» он не помнил. При этом они общались только в социальной сети «ВКонтакте», никогда лично не встречались, по телефону не созванивались. Переписку с В. он вел только с работы, в свободное личное время с ней не переписывался. Ему казалось, что переписка в Интернете, это все равно, что виртуальная игра. В. написала о том, что ей 13 лет и скоро исполнится 14 лет, но он продолжил с ней общение. Он считал, что у них схожие интересы. Он просил ее присылать ему фотографии, потому что ему было интересно, как она выглядит. Он не мог объяснить зачем присылал ей свои обнаженные фото и видео, но она в ответ присылала ему тоже. Он просил ее никому не показывать эти фотографии, потому что боялся, что ее младшая сестра их увидит. Подэкспертный помнит, что переписывался с Т., но вспомнить, о чем именно они беседовали, не мог, однако вину свою признавал полностью. Он вел эти переписки ради развлечения, а не с целью развращения малолетних.

Так же П. обвиняется в том, что вел переписку интимного характера через приложение «Вайбер» с малолетней Т. (13 лет). Согласно показаниям, несовершеннолетней потерпевшей Т. она начала общаться в социальной сети «ВКонтакте» с пользователем «Б.», в ходе переписки с которым он сообщил, что ему 15 лет. Затем они начали общаться через приложение «Вайбер», где они начали присылать друг другу фотографии с изображением своих лиц и верхней части туловища в одежде. Далее «Б.» прислал ей фотографии с его половым органом, после чего он просил присылать ему фотографии ее половых органов и видео, где она дотрагивается до своих половых органов.

При настоящем обследовании. Подэкспертный выглядит несколько младше своих лет, при последующей беседе указывает, что ощущает себя примерно на 17-20 лет. Ориентирован формально верно, продуктивному контакту доступен. Встревожен, суетится, сидит в напряженной форме, «бегают» глазами, периодически ни к месту улыбается. Поддерживает зрительный контакт, мимика слабо выразительная, однако вместе с тем подэкспертный порой неуместно шутит и продолжительное время смеется. Говорит, что у него ощущение, что он «должен что-то сделать». Речь несколько замедленная, на вопросы отвечает после пауз, в плане заданного, многословно. Порой отвечает на вопросы не по существу, нередко путает датировку и последовательность событий и часто ссылается на запоминание,

причины которого пояснить затрудняется. Сведения сообщает неохотно и уклончиво, чаще использует общие и неопределенные формы ответов («как все», «как у всех», «наверное», «скорее всего»), а также стремится сократить дистанцию в разговоре и переходит с собеседником на «ты» («знаешь», «понимаешь»).

Себя характеризует несколько замкнутыми, добавляет, что с 17-18 лет стало трудно находить общий язык с другими людьми. В тот период стало тяжело учиться, были проблемы с усвоением материала «были слишком трудоспособные цели, было тяжело себя заставить изучать, углубляться, как будто что-то не так». Сообщает, что часто «мысли как в кашу», испытывал трудности сосредоточения. Говорит, что именно тогда начал много времени проводить в Интернете «читал и не понимал, хотел забыться, переключалось внимание», не мог готовиться к занятиям «казалось странным, что экзамен через две недели, а сам в сети играл». Объясняет, что тогда заметил, как изменился – «стал раздражительным, не думал о будущем, появилась полная апатия». Рассказывает, что у него часто «ни с того ни с сего» меняется настроение, при этом по большей части оно снижено, «тревожно». Характеризует себя малообщительным, говорит, что ему всегда было сложно найти общий язык с другими людьми. Сообщает, что обучался в Тимирязевской академии на экономиста, но после того, как не сдал сессию на 4 курсе, появилась апатия, слабость, «пофигизм», стал залеживаться в постели, часто не умывался неделями, ходил в одной и той же несвежей одежде. По настоянию матери обратился в психиатрическую больницу, где принимал «какие-то таблетки». После выписки восстановился в институте, однако выбрал другой факультет «гуманитарно-педагогический». Затем развелись его родители, при этом данный факт воспринял «очень болезненно, замкнулся в себе», сообщает, что «папа ушел в секту “Содержания Иконы Божьей Матери”», мама говорит, что он «шизофреник». Поясняет, что у самого «с мамой отношения плохие, она считала, что я такой же, а сейчас изменился, одумываться начал: на работу устроился, работал с утра до ночи, а тут такое». Говорит, что «маме не нравится, как я выгляжу в плане общения», потому что «сложно общий язык с людьми найти». Рассказывает, что у него часто в голове «плохие мысли»: «вот если представить комнату, как будто это голова, а мысли обои, то пока не трогаешь их все нормально, а как начинаешь думать, отдирать, то все плохо». Утверждает, что также его часто посещают мысли «поехать жить в одиночестве, подальше от всех», но из-за проблем в семье, постоянно откладывал этот момент. Говорит, что «ухаживал за родственниками только с православной точки зрения, хотел, чтобы они всегда отдыхали, готов был дать денег, чтобы не трогали». Отношения со сверстниками не складывались, не мог сложить с ними взаимоотношения «одни наркоманы, одному комфортнее».

Не отрицает, что сам в возрасте 23 лет примерно полгода употреблял наркотики: «амфетамин, марихуану, экстази, грибы», потому что «хотел расширить свое сознание». Утверждает, что вначале нравилось это состояние «мысли летали, думалось лучше, не спал двое суток, а потом не помнил, тело сковывало», а затем появились «головные боли, нервозность, болезненное

ощущение в целом, как будто сейчас заболеешь». Затем начал бояться, что попадет в тюрьму, казалось, что за ним следят, не мог говорить: «я молчу, а кажется, что говорю». При прекращении употребления были «отмены»: «как не в своей тарелке», «думаешь, что это не ты был».

Отмечает, что периодически у него возникает ощущение, что «успел обидеть всех людей, чувствовал от них негатив, как только начинал разговор по учебе, люди разворачивали его». Сообщает, что иногда казалось, что про него говорят, потому что он выглядел странно «не менял одежду, ходил постоянно в одном и том же, на свитере были локти растянуты». Говорит, что в такие моменты было ощущение, что люди следят за ним из-за окон, но причины их действий объяснить не мог. Периодически возникали мысли, что он скоро умрет, заболеет «с роковым исходом: раком или сердце резко остановиться», закрывал глаза и представлял, что умрет, думал, что так будет лучше для всех, потому что он «проблемный ребенок», «над головой висят мысли от суицида до случайной смерти и ждут, когда на них посмотрю». Утверждает, что никогда не подходил к зеркалу «не нравился себе, хотелось бы быть более активным». Не отрицает, что периодически думал, что кто-то извне вмешивается в его дела «слышал рядом с кладбищем громкие звуки, думал, что там шабаш, казалось, что у одной из могил стоит бабка», боялся, что это что-то «извне», стал убегать и «вглядывался, думал, что за собой ее приведу, взглядывался».

В ходе беседы говорит, что у него часто пропадает интерес к людям и увлечениям. Приводит пример, как занимался аэрографией, но решиться серьезно ей заняться не мог, потому что «это слишком сложно». Сообщает, что «если вижу цель, то не вижу средств ее достижения». Вспоминает, как первый раз общался с психологом, «еще родители не развелись, мы с психологом сидели друг напротив друга, рассказывал ему свою жизнь, а он сказал потом, что я аскет, потому что друзей нет», а все потому, что «долго не могу с людьми, улыбаться им, это как вроде ничего не происходит, а на самом деле происходит». С удовольствием рассказывает о своем хобби: «истории пишу, картины рисую». Говорит, что хотел написать книгу «писал новеллу про всякие видения, нарушения сна», сообщает, что они «помогают прожить жизнь других людей». При расспросе уточняет, что некоторые элементы историй были связаны с ним самим, что может брать что-то из собственного опыта, иногда что-то казалось, «какая-то гримаса страшная, после всего этого было тяжело успокоиться», но появлялось это редко, чаще всего связывал это с недосыпом. Печально сообщает, что «мама говорит, что мои рассказы – это бред». Рассказывает, что поэтому собирался ехать в Черногорию, с целью опубликовать там книгу. Говорит, что там живет его друг «православный психотерапевт», с которым раньше просто беседовал, он давал советы, как общаться с другими людьми. Утверждает, что «после беседы с ним понял, что нужно ложиться в больницу, именно он это и говорил, а после этого жизнь налаживалась».

Рассказывает, что часто посещал церковь «как минимум раз в неделю, иногда чаще». Сообщает, что ездил восстанавливать монастырь, занимался этим примерно около года, там познакомился с монахинями, священниками,

хотел причаститься, но его не допустили. Говорит, что в монастыре ему спокойнее, чем дома, поэтому неоднократно оставался там ночевать, «хотел бы там остаться, но не был готов». Рассказывает, что однажды «священник предложил поступить в духовную семинарию, но сообщил ему, что у меня есть психические проблемы».

При затрагивании темы инкриминируемого ему деяния, сообщает, что «только в Интернете мог найти общий язык», там «писал девочкам что попало, думал, что это никто не увидит, считал игрой, а на возраст даже внимания не обратил», а сейчас «обвиняюсь в покушении на половую неприкосновенность». Не отрицает свою вину, подтверждает, что общался с девочками, при этом сообщает, что это был не единичный эпизод «их было много и разных возрастов». Рассказывает, что, когда был первый раз у следователя и в следственном изоляторе, было ощущение, что «вокруг кино, ничего не ел, открывал рот и не мог слова сказать», тогда «вновь поселились мысли о смерти, думал, что в местах заключения серьезно заболеет, и мама будет теперь работать мне на лекарства». В отделении поведение было упорядоченное, в свободное время рисовал, читал, писал рассказы. Мышление витиеватое, склонен к резонерству. Эмоциональные реакции неустойчивые, маловыразительные, порой неадекватные. Суждения незрелы, поверхностны, часто формальные. Критика к своему состоянию и сложившейся судебной-следственной ситуации несколько снижена.

При обсуждении сексуального развития затрудняется дать однозначный ответ относительно того, имели ли место какие-либо сексуальные действия в отношении него в детские и подростковые годы. Также указывает, что с возникновением интереса к религиозной сфере у него стали появляться мысли о том, чтобы удалить половые органы, чтобы посвятить себя церковному служению, однако сообщает, что стойких намерений к этому у него не было, и каких-либо повреждений гениталиям он наносить не пробовал. Помимо этого, рассказывает, что ему нравилось заниматься литературным творчеством в жанре фантастики и мистики, его работы были наиболее близки к произведениям Кинга и Стругацких, и один из рассказов был связан с сексуальной сферой. Так, посмеиваясь, сумбурно сообщает, что в его сюжете протагонист нашел искусственные женские половые органы, которые после использования их при мастурбации стали исполнять его желания.

Относительно ситуации правонарушения рассказывает, что с начала 2015 г. стал знакомиться посредством социальной сети в Интернете с лицами противоположного пола, поскольку в «реальной жизни» общение с ними не складывалось. Указывает, что поначалу «писал всем», однако ровесницы и женщины старше него зачастую не отвечали, и переписка стала происходить с теми, кто был младше. В ином контексте беседы сообщает, что его привлекали девушки 15-18 лет, и преимущественно он писал им, а спустя некоторое время обследования – что вовсе не обращал внимания на возраст. Говорит, что с указанного времени и до привлечения к уголовной ответственности переписывался с пользователями, количество которых составляло от 100 до 500. Зачастую параллельно он вел общение с 2-3 девушками или женщинами и

прерывал его примерно через 3 дня. Нередко он создавал новые страницы, некоторое время переписывался посредством них, а затем удалял их или «забрасывал» – и переходил к другим. Подэкспертный вел переписку, как на общие темы, что было примерно в половине случаев, так и на сексуальные. Некоторым из собеседниц он высылал фотографии полового члена, а также «мог» попросить у них снимки их гениталий, и порой мастурбировал в ходе общения. Указывает, что сохранял полученные изображения, однако делал это «просто так» и не стремился к их коллекционированию. Относительно обмена видеозаписями дать однозначный ответ затрудняется и ссылается на забывчивость. Также утверждает, что ни с одной из своих собеседниц не пытался общаться посредством видеосвязи и не хотел встретиться. Порой он до 2-3 месяцев не возвращался к интернет-общению, а затем делал это «от скуки».

Указывает, что не помнит, в какой именно период времени переписывался с В. и Т., и в чем состояло общение с ними, однако не исключает того, что оно имело сексуальный характер. Говорит, что затрудняется определить возраст потерпевших, однако высказывает предположение, что им было «около 16 лет», о чем говорила их манера общения, а также фотографии одной из девочек, на которых было видно, что у нее имелись женские формы. Затрудняется дать пояснения, по какой причине при общении с потерпевшими он указывал не свой настоящий возраст, а сообщал, что ему 14-15 лет. Подчеркивает, что «воспринимал все это, как игру... не всерьез, не по-настоящему... иногда вообще думал, что это боты», то есть компьютерные программы, способные к поддержанию общения. Сообщает, что действовал «на автомате» и «ни о чем не задумывался», а также «не думал», что ему может попасться девочка, и общение с ней может быть уголовно наказуемым, и, когда к нему пришли представители правоохранительных органов, он «как в другой поток попал... как будто проснулся». Категорически отрицает сексуальное влечение, а также соответствующие фантазии, в отношении девочек, и настаивает на том, что его привлекали девушки и женщины. Указывает, что не испытывал желания переписываться с детьми на сексуальные темы и не делал этого намеренно. Отмечает, что видел фильмы порнографического характера с их участием, однако это ему «казалось скверным... было неприятно», и он не мастурбировал при их просмотре. Также отрицает желание продемонстрировать посторонним людям свои половые органы.

Заключение: Шизотипическое расстройство личности (F21.8). Клинических признаков расстройств сексуального предпочтения, в том числе педофилии, и аномалий сексуальности не обнаружено.

В данном случае для подэкспертного характерна личностная незрелость в силу имеющегося у него расстройства, обнаруживается недооценка противоправности своих действий (когда пришли представители правоохранительных органов, он «как в другой поток попал... как будто

проснулся»). Подэкспертный писал в Интернете всем без разбора, вел переписки со множеством пользователей. Он не придавал существенного значения тому факту, что в Интернете может попасться несовершеннолетняя, нередко объясняя для себя это неполной реальностью происходящего (тем, что писать могут «боты»). Противоправность деяния не оценивалась им или воспринималась как незначимая. Интернет, став основным способом общения для подэкспертного, превратился для него в своего рода игру, когда страницы регулярно создавались и удалялись, переписки завершались так же неожиданно и быстро, как начинались. Хотя такого рода поведение представляется более характерным для подростков, в данном случае эмоционально-волевые нарушения, эмоциональная незрелость, несформировавшаяся мотивационная сфера сохраняются у подэкспертного уже во взрослом возрасте, а совершенные действия обусловлены аномально-личностным механизмом, что делает самого подэкспертного не в полной мере способным осознавать фактический характер, общественную опасность своих действий и регулировать их.

Однако при наличии психической патологии непсихотического уровня у подэкспертных зачастую обнаруживается достаточно высокий уровень социальной адаптации, сохраненные критические способности. В таком случае, по-прежнему, ситуация при отсутствии у субъекта педофилии преимущественно носит характер индифферентной, при педофилии – субъективно-провоцирующий характер, однако мотивация возникает не под непосредственным влиянием ситуации, а отставлена от нее во времени, независима. При формировании мотивации к действиям, созданной независимо от ситуации, следует оценивать таких лиц как полностью способных осознавать и регулировать свои действия, поскольку в таком случае фактор ситуации не оказывает непосредственного влияния на личность.

КЛИНИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ 3. Подэкспертный Ж., 30 лет. Обвиняемый по ст. 132, ч. 4, п. «б» УК РФ

Анамнез. Наследственность психопатологически не отягощена. Отца своего никогда не знал, сведений про него не имеет. Матери на момент его

рождения было 22 года. Характеризует ее «одновременно требовательной, жесткой и доброй, податливой». В раннем детстве мать «побаивался», так как она могла отругать, наказать за провинность – поставить в угол, накричать. Бабка в присутствии матери защищала его, заступалась, а в случае «общения один на один» демонстрировала те же паттерны поведения, что и мать.

Раннее развитие протекало без особенностей, от сверстников не отставал. Посещал детские дошкольные учреждения. По характеру формировался общительным, спокойным. Обучение в школе начал в 7 лет, успевал удовлетворительно, классы не дублировал. Со слов матери подэкспертного, в школе учился удовлетворительно, лучше успевал по гуманитарным наукам. Нарушений дисциплины не было. Со сверстниками и учителями складывались доброжелательные отношения. Посещал секции фигурного катания, кружок развития речи, бассейн, балльные танцы.

Окончил 9 классов общеобразовательной школы. Обучение продолжил в медицинском училище, однако в связи с конфликтом с директором был отчислен (данные со слов). В то же время в материалах уголовного дела представлена справка о том, что подэкспертный был отчислен с 4-го курса за академическую неуспеваемость. Со слов матери подэкспертного, причиной отчисления с последнего курса послужило то, что сын «влюбился». Затем вновь поступил в медицинское училище, которое окончил, получив специальность – сестринское дело. Параллельно с учебой в училище работал санитаром в городской больнице. С 20 лет работал на подстанции скорой медицинской помощи, а также в должности медицинского брата в детской городской больнице, где проявил себя грамотным специалистом, в отношении к пациентам был внимательным, доброжелательным. В течение года проходил обучение в медицинском училище по специальности фельдшер, после чего работал в Центре медицины катастроф. С 23 лет работал фельдшером в бригаде скорой медицинской помощи в Центре экстренной медицинской помощи. За время работы зарекомендовал себя высококвалифицированным специалистом, имел хорошие организаторские способности, большой практический опыт. Характеризовался дисциплинированным, ответственным, аккуратным, соблюдал субординацию. Принимал участие в ликвидации многих чрезвычайных ситуаций, владеет методиками самостоятельного проведения реанимационных мероприятий, замечаний в работе не имел. В общении был вежлив, корректен, пользовался уважением коллег, поддерживал с ними ровные дружеские отношения.

В 19 лет женился, от брака имеет 2 детей.

Как следует из предоставленной медицинской документации подэкспертный в 24 года, находясь на службе, попал в дорожно-транспортное происшествие, в тяжелом состоянии был госпитализирован с диагнозом: «Сотрясение головного мозга. Открытый перелом костей носа. Растяжение связок шейного отдела позвоночника. Ушиб грудной клетки».

С 27 лет подэкспертного они с женой проживали раздельно, через год официально супруги развелись. Со слов матери подэкспертного, отношения у сына с женой поначалу складывались нормально, однако затем жена ушла от него вместе с детьми. В настоящее время с женой поддерживает дружеские

отношения, видится с детьми по выходным. Бывшая жена подэкспертного характеризовала мужа отзывчивым, любящим отцом, хорошим семьянином. Отмечала, что за время совместного проживания отношения у них были хорошие, он много работал, занимался воспитанием детей, никогда не повышал голос и не применял физическую силу по отношению к своей семье. Отмечала, что подэкспертный алкоголем не злоупотреблял, в свободное время увлекался дайвингом. Сообщала, что муж всегда старался оказывать помощь окружающим, не проходил мимо чужой беды, уточняла, что впоследствии он часто отслеживал судьбы спасенных им людей, переживал за них. Свой развод с Ж. объясняла сложными жилищными проблемами, так как она не хотела жить с его матерью. После развода подэкспертный продолжал общаться с детьми, активно продолжал участвовать в их воспитании. Сообщала, что в сексуальной жизни проблем у них никогда не было, каких-либо отклонений у него она не замечала.

Мать подэкспертного характеризовала сына общительным, добрым, и отзывчивым, всегда ей помогал. Дети подэкспертного характеризовали отца добрым и хорошим. Сообщали, что он никогда не ругал и не бил их. Отмечали, что за последние полтора года виделись мало, так как отец много работал. Во время встреч играли в прятки, смотрели фильмы. Никогда не трогал своих детей за неприличные места и не бил их. Двоюродная сестра подэкспертного характеризовала Ж. спокойным, общительным. Отмечала, что он мог прийти с работы уставшим и «вспылить», но затем быстро отходил. Отмечала, что после дорожно-транспортного происшествия подэкспертный по характеру не изменился. Сообщала, что Ж. тяжело переживал развод с женой, но старался этого не показывать. Также сообщала, что каких-либо склонностей у него не замечала, добавляла, что он всегда сторонился детей. Племянник подэкспертного характеризовал Ж. добрым, отзывчивым, отмечал, что между ними были доверительные, близкие отношения. Рассказывал, что он многому его научил, давал советы в различных жизненных ситуациях, также помогал ему материально. Двоюродная сестра и тетя подэкспертного сообщали, что у Ж. были очень хорошие отношения со своими детьми, однако какого-либо повышенного интереса к другим детям они у него не замечали. Характеризовали его отзывчивым, спокойным, неконфликтным, вдумчивым, исполнительным, говорили, что у него было много друзей, был «душой компании» и прилежным семьянином. Также отмечали, что после аварии брат по характеру не изменился. Знакомая подэкспертного характеризовала Ж. добрым, отзывчивым, готовым всегда прийти на помощь. Сообщала, что никогда не замечала за ним склонности к педофилии, сексуальным извращениям. Отмечала, что подэкспертный никогда не употреблял наркотические и психотропные препараты, алкогольные напитки употреблял в умеренных количествах. Друг подэкспертного сообщал, что знаком с Ж. более 20 лет. Характеризовал Ж. мягким, общительным, увлеченным своей работой, она доставляла ему удовольствие. Отмечал, что подэкспертный никогда не употреблял наркотические и психотропные препараты, не злоупотреблял алкогольными напитками. Рассказывал, что развод Ж. с женой был связан с тем, что они устали друг от друга и постепенно отдалились.

Отмечал, что после развода подэкспертный встречался с двумя или тремя девушками, подробно рассказывал ему о них. Также отмечал, что после перенесенной тяжелой травмы Ж. по характеру не изменился, каких-либо перемен у него не замечал. Уверял, что каких-либо склонностей к детям он у Ж. он также не замечал. Подэкспертный никогда не рассказывал о своем общении с девочками по сети Интернет. На учете в наркологическом диспансере и психоневрологическом диспансере не состоял.

Сексуальный анамнез. В дошкольном возрасте посещал детский сад, где дружил преимущественно с мальчиками. С детьми легко находил общий язык, играл в «пистолетики», «машинки», «войнушку», любил кататься на велосипеде. Интересы к межполовым различиям не проявлял. С 6 лет на протяжении последующих 8 лет занимался бальными танцами. Участвовал в соревнованиях, чемпионатах, занимал призовые места. Прекратил занятия танцами из-за «денежных проблем». В младших классах школы общался преимущественно с мальчиками, вместе с ними «шкодничал против девочек» – прятал портфель в туалете, бил учебником по голове.

В 12-летнем возрасте испытывал симпатию к девушке ровеснице – встречался с ней на протяжении 1,5-2 лет: «обнимались, целовались, танцевали вместе». С этого же возраста обратил внимание, что стал обращать внимание на девушек как на потенциальных сексуальных партнеров – представлял, что совершает половой акт с ними. Мастурбировал с 12 лет с периодичностью 1 раз в 2-3 месяца. Ночных поллюций никогда не было. В 16 лет, обучаясь в медицинском училище, совершил первый половой акт с девушкой однокурсницей на 5 лет старше него. Оценивает его как успешный. В дальнейшем поддерживал половые контакты с партнершей с периодичностью 2 раза в неделю, с максимальным количеством эксцессов до 3-4. Через 1,5 года отношений прервал их, так как «был не готов создать семью».

В 18 лет познакомился со своей будущей женой (ровесницей). Сексуальная жизнь с ней была, с периодичностью 3-4 раза в неделю, с максимальным количеством эксцессов 6-7. Через 8 месяцев отношений оформили брак, чему способствовала незапланированная беременность девушки. В браке родилось двое детей. После долгого периода восстановления подэкспертного после травмы у жены «случился нервный срыв» - поначалу она была раздражительной, затем появилась апатия, отсутствие аппетита, суицидальные мысли. На фоне лечения состояние супруги улучшилось, однако в последующем у нее неоднократно вновь возникали подобные состояния, на фоне которых, а также взаимных измен супруги разошлись. В последующем имел регулярную половую связь (1-2 раза в неделю) последовательно с 2-мя женщинами примерно одного с собой возраста, с одной из них встречался до момента ареста.

Уголовное дело. Ж. обвиняется в том, что в возрасте 27-29 лет многократно связывался посредством социальных сетей в сети Интернет с лицами женского пола, не достигшими 14 лет, предлагая им выслать ему свои фотографии в обнаженном виде, а также использовал видеобщение через «Скайп», где принуждал девочек демонстрировать свои гениталии.

Потерпевшие (на момент правонарушения всем потерпевшим 11-13 лет) в своих показаниях сообщали, что вели переписку с пользователем женского пола в социальной сети «ВКонтакте». Поясняли, что инициатором общения была женщина, которая представлялась менеджером модельного агентства. В ходе общения она предлагала сделать и отправить ей их фото в обнаженном виде. Потерпевшие не отрицали, что совершали видеозвонки через интернет-мессенджер «Скайп» по предложению женщины, где, следуя указаниям обнажались. Одна из потерпевших в своих показаниях сообщала, что вела переписку в социальной сети «ВКонтакте» с женщиной, которая представилась менеджером модельного агентства. В ходе общения женщина предложила отправить ей свои фото в обнаженном виде за денежное вознаграждение, также задавала вопросы интимного характера. Когда потерпевшая отказалась вести дальнейшую переписку, женщина начала угрожать тем, что отправит друзьям потерпевшей сделанные ей ранее фотографии. Еще одна потерпевшая показала, что к ней в друзья в социальной сети «ВКонтакте» добавилась женщина, которая представилась фотографом из агентства и предложила ей сняться для данного фотоагентства. Они начали переписываться. Женщина написала, что она должна посмотреть на потерпевшую через веб-камеру в программе «Скайп», что сделает фотографии и отошлет их ей. Затем они стали переписываться через программу «Скайп», при этом был включен видеозвонок, в результате чего женщина видела и слышала потерпевшую, а та ее не видела, так как у женщины была сломана веб-камера. Женщина заставила потерпевшую перед веб-камерой полностью снять с себя всю одежду, включая нижнее белье, и приблизить камеру к различным частям тела, к половым органам, груди, трогать половые органы руками. Она писала до какой точки на половых органах потерпевшая должна дотронуться, чтобы получить удовольствие, спрашивала потерпевшую про выделения из половых органов, есть ли у нее менструация. Потерпевшая добавила, что она выполняла все указания, которые ей давала женщина, так как верила, что она из фотоагентства. Еще одна потерпевшая сообщала, что в социальной сети «ВКонтакте» начала переписку с той же женщиной по ее инициативе, которая представилась сотрудником модельного агентства, проводящим отбор девочек для работы фотомоделями. При следующем общении женщина просила сделать фотографии, на которых потерпевшая должна была позировать в различных ракурсах только «в белых трусиках». Впоследствии сделав фотографии, потерпевшая отправила их женщине в социальную сеть «ВКонтакте». Через некоторое время та в ответ прислала потерпевшей сообщение, в котором написала, что фотографии «смазаны» и предложила, чтобы ее сфотографировала подруга. При общении с одноклассницей потерпевшая рассказала ей о модельном агентстве и странице. На следующий день одноклассница сообщила, что тоже отправила фотографии, но они не подошли, и предложила сфотографировать друг друга. Получившиеся фотографии, были отправлены. После чего «женщина» предложила обеим девочкам приехать на съемку в Москву, на что они отказались.

Две потерпевшие рассказывали, что они также получили сообщение от пользователя женского пола, которая представилась сотрудником модельного агентства, предложив пройти кастинг, чтобы стать моделью. Потерпевшие отмечали, что в тот момент они находились вместе, и, посоветовавшись, решили согласиться. Тогда «женщина» предложила им сфотографироваться обнаженными, но они отказались. Тогда «женщина» предложила сеанс видеосвязи, поясняя, что, если кастинг будет удачным, они получат по 20-30 тыс. рублей. Однако при установлении видеосвязи девочки увидели, что камера «женщины» была отключена. На вопросы девочек она отвечала, что у нее нет таких приспособлений. Когда девочки стали высказывать сомнения, «женщина» стала угрожать, что приедет к ним и убьет всех родственников, а также что возьмет изображения их лиц и вставит в видеозапись с обнаженными телами и перешлет всем знакомым. После чего девочки согласились и вышли в «Скайп», но у «женщины» вновь были выключены камера и микрофон. При этом в сообщениях она давала подробные указания, что им нужно делать: оголить живот, показать грудь, ягодицы, половые органы. Затем она потребовала сделать фотографии в обнаженном виде, «ничего не скрывая», но они отказались, после чего удалили ее из списка друзей и занесли в «черный список». При последующих показаниях одна из девочек сообщила, что после общения «женщина» сказала, что они подходят для кастинга и прекратила разговор, после чего больше им не писала. Также отмечала, что «женщина» в ходе их общения задавала им вопросы, типа начались ли у них менструации.

Одна из потерпевших отмечала, что помимо самой «женщины» ей писала другая пользовательница женского пола, которая говорила, что лично знает первую и неоднократно участвовала в ее фотосессиях.

В материалах уголовного дела представлена переписка из социальной сети «ВКонтакте» подэкспертного Ж., который под женским псевдонимом переписывался с несовершеннолетними девочками. В данных разговорах подэкспертный, представляясь сотрудником различных модельных агентств, которые набирают молодых девушек на различные кастинги, просил их фотографировать себя обнаженными, при этом демонстрировать различные части тела, половые органы, предлагал им потрогать себя в области половых органов под предлогом выявления у них каких-либо венерических заболеваний, объяснял, как заниматься мастурбацией перед включенной веб-камерой, и т.д. Родителям и знакомым рассказывать об общении запрещал.

Также в материалах уголовного дела представлены данные об обнаруженных у подэкспертного фотографиях и видеофайлах, эротического и порнографического содержания с участием малолетних и несовершеннолетних девочек и мальчиков. При обыске в квартире подэкспертного, а именно при осмотре компьютерной техники были обнаружены фото-, видеоизображения обнаженных несовершеннолетних девочек и мальчиков. Подэкспертный написал чистосердечное признание, в котором сообщал, что зарегистрировался в социальной сети «ВКонтакте» под женским именем как менеджер модельного агентства, для общения с несовершеннолетними лицами с целью получения от них фотографий и видео в обнаженном виде и нижнем белье. Не отрицал, что

при знакомстве предлагал девочкам стать моделями, затем подробно рассказывал сценарий общения с девочками, описанный в показаниях потерпевших. Уверял, что лично с девочками не встречался, фото и видео материалы, полученные от девочек, в Интернет не выкладывал и не продавал. Далее перечислял несколько десятков имен и фамилий девочек и мальчиков, в отношении которых им были совершены действия сексуального характера.

При допросе в качестве подозреваемого и в качестве обвиняемого, а также при последующих показаниях Ж. заявлял, что вид обнаженных девочек его не возбуждал, но у него был к ним интерес. Пояснял, что у несовершеннолетних девочек «совсем другое мировоззрение», он хотел изучить их психологию. Сообщал, что он время от времени скачивал из Интернета порнографические фильмы с участием детей, затем их удалял. Уверял, что во время просмотра не мастурбировал, также этого не делал при общении по сети Интернет. Рассказывал, что он стал общаться по Интернету с мужчиной, который предложил ему встречаться с малолетними девочками с целью их фотографирования и видеосъемки, но он отказался. Через некоторое время мужчина предложил ему обмениваться фото и видеоматериалами обнаженных девочек. Ж. ответил, что у него таких материалов нет, тогда мужчина рассказал ему, где их можно взять, направив его на файлообменник. Через него подэкспертный скачал несколько роликов и отправил собеседнику. Отмечал, что те фотографии и видеоролики с обнаженными девочками и мальчиками, обнаруженные у него при обыске, были присланы собеседником. Затем мужчина предложил ему создать страничку под видом девочки 14-ти лет для общения с девочками этого же возраста. С данной странички, созданной им под чужим именем, подэкспертный начал общаться с девочками, они разговаривали на различные темы, о хобби, о личных проблемах. Затем мужчина посоветовал ему создать страницу менеджера модельного агентства, чтобы получать от девочек фотографии в нижнем белье, после чего Ж. создал соответствующую страницу и начал общаться с девочками 11-16 лет. Не отрицал, что при общении через «Скайп» и «Вконтакте» просил девочек обнажаться, показывать гениталии, дотрагиваться до них, некоторым девочкам объяснял, как мастурбировать. Сообщал, что он совершил такие действия в отношении 250-300 девочек. При этом не мог пояснить, зачем просил девочек позировать перед камерой, присылать ему фотографии, уверял, что удовольствия от того, что они выполняли все его указания и требования не получал. В своих показаниях подэкспертный сообщал о травме головы, после которой появились повышенная утомляемость, головные боли, забывчивость, также иногда у него случались провалы в памяти.

При настоящем обследовании. Подэкспертный ориентирован всесторонне верно. Цель обследования понимает правильно, однако считает, что в обследовании не нуждается, так как «психически здоров». Настроение ровное. Контакт доступен. В беседу вступает охотно, приветлив, улыбчив, старается держаться уверенно, расковано, однако выявляется некоторая напряженность, волнение. На вопросы отвечает в плане заданного, по существу, несколько обстоятельно, склонен к рассуждательству. Себя характеризует гордым,

упрямым, настойчивым, самолюбивым, при этом отмечает, что он стеснительный, обидчивый. Не отрицает, что бывает вспыльчивым, но отходчивым. Добавляет, что склонен анализировать свои поступки, жизненные ситуации. Также с улыбкой отмечает, что он человек «рисковый», любит экстрим.

Жалоб на психическое здоровье активно не предъявляет. Однако при беседе о полученной им травме в дорожно-транспортном происшествии начинает многословно рассказывать, что травма была «очень тяжелая», после этого долго не мог восстановиться, стремится преувеличить имеющиеся у него расстройства. Сообщает, что его стали беспокоить головные боли, повышенная утомляемость, стал чувствителен на перемену погоды, ухудшилась память. Уверяет, что стал более вспыльчивым.

Анамнестические сведения сообщает подробно, последовательно, четко датируя основные события своей жизни. Охотно, многословно рассказывает о своей работе, говорит, что всегда хотел помогать людям.

При расспросах о его семье, причинах развода уверяет, что сам выгнал жену из дома. Поясняет, что жена перестала уделять внимание ему, детям, не убирала, не готовила, целыми днями проводила время за компьютером, в Интернете. Рассказывает, что в дальнейшем жена просила принять ее обратно, восстановить семью, но он отказался. При этом добавляет, что также хотел, чтобы они вернулись, но «гордость не позволила».

При расспросах об инкриминируемом ему деянии становится напряженным, в то же время старается держаться также уверенно. Не отрицает, что стал переписываться с девочками 11-14 лет. Однако какое-либо сексуальное влечение к ним, мастурбацию во время общения категорически отрицает. Рассказывает, что по сети Интернет стал общаться с женщиной, в беседе с которым у них зашел разговор о том, что подростки сейчас очень «развращенные» и ради денег и карьеры готовы пойти на многое, при этом мужчина предложил ему самому это проверить. Говорит, что пару раз пытался со своей страницы в социальной сети «ВКонтакте» заговорить с девочками 13-14 лет, однако они ему ответили, что со взрослыми мужчинами не общаются, после чего он забыл об этом. Сообщает, что через несколько месяцев снова встретился с этой женщиной «в сети», тот опять завел разговор о девочках. Когда подэкспертный рассказал о своих неудачных попытках, мужчина объяснил, что он пошел неправильным путем и рассказал, что нужно сделать. Уверяет, что мысль представиться сотрудником модельного агентства принадлежала мужчине. При этом не может объяснить, почему последовал его совету. Поясняет, что хотел сам убедиться в его словах. Уверяет, что большую часть времени просто общался с девочками на различные темы. Не отрицает, что получал удовольствие от общения с ними, что помогал им советом, ему льстило, что девочкам с ним интересно. В то же время не отрицает, что иногда разговоры были интимного характера. Поясняет, что с родителями о таких вещах дети не могут поговорить, а со взрослой опытной женщиной поделиться некоторыми вещами легче, добавляет, что всегда старался дать правильный совет. Дальнейшие свои действия, а именно требования от них фотографий в

обнаженном виде, общения по «Скайпу» не отрицает, поясняет, что это был «психологический эксперимент». При этом обвиняет самих девочек, указывая на их «распущенность». Также винит их родителей, которые не контролируют своих детей, когда они находятся в Интернете, и, вообще, не научили их, как вести себя с незнакомыми людьми. С гордостью отмечает, что его дети знают, что, если им придет сообщение от незнакомого человека, нужно немедленно показать это родителям. Также добавляет, что время нахождения за компьютером у его детей строго регламентировано.

В настоящее время осознает противоправность своих действий, однако уверяет, что в тот момент не понимал, что делает что-то противозаконное. В дальнейшей беседе неожиданно заявляет, что в момент общения с девочками находился, «как в тумане», не понимал, что делает. При указании на огромный архив фото- и видеоматериалов порнографического содержания с участием детей на его компьютере, становится грустным, затрудняется пояснить причины, говорит, что основную часть ему присылал тот мужчина, который и предложил ему общение с девочками. Высказывает обеспокоенность тем, что его могут признать «педофилом», поясняя, что таковым себя не считает, так как с девочками не встречался, влечения к ним не имеет.

В отделении поведение спокойное, упорядоченное. Режим не нарушает. С другими подэкспертными общается охотно. С персоналом вежлив, корректен. Мышление логичное. Суждения последовательные, несколько поверхностные, облегченные. Интеллектуально-мнестические способности не нарушены. Эмоциональные реакции в целом адекватные, несколько демонстративные, также выявляется некоторая напряженность. Обманов восприятия, бредовых идей не выявляется. Критика к своему состоянию и сложившейся судебно-следственной ситуации сохранена.

В начале беседы с сексологом по поводу инкриминируемого деяния держится все также уверенно, сообщая, что «тяги, сексуального влечения к детям никогда не было». Указывает, что впервые задумался о возможности вести переписку в социальных сетях с девочками по рекомендации «одного из знакомых по Интернету». Обнаружив, что девочки не согласны переписываться с взрослым мужчиной, придумал «легенду про модельное агентство» и, представившись женщиной, на протяжении нескольких лет вел переписку с девочками в возрасте 11-14 лет, просил их высылать фотографии с собственным изображением в купальнике или в обнаженном виде; в случае, если девочка указывала на затруднения пересылки фотографий, предлагал ей «показать себя по Скайпу». Утверждает, что никогда не мастурбировал при просмотре фото и видеоматериалов с изображением обнаженных девочек, также никогда не испытывал сексуального возбуждения при этом. Указывает, что в обычной жизни, «на улице» этих девочек даже не замечал, никогда их не расценивал как потенциальный сексуальный объект, подчеркивает, что интерес к ним был только «виртуальный» – при общении через Интернет. Рассказывает, что мысль в очередной раз зайти на свою «женскую страничку» приходила спонтанно, никогда этому желанию не сопротивлялся, так как не видел ничего плохого в своих действиях: «Я же с ними в реальной жизни не встречался, до них

не дотрагивался». Отмечает, что «делал это только из любопытства – как далеко они могут пойти ради карьеры». В беседе указывает, что виноваты в происшедшем были сами девочки, а также их родители, что не научили своих детей не доверять незнакомым людям, не рассказали, что «Интернет – это зло» и с информацией из него ребенку нужно быть очень осторожным. Считает, что не страдает педофилией, так как «никогда не стремился с этими девочками встретиться, не трогал их физически, вообще не имел к этому тяги, а получив 2-3 фотографии, прекращал всякой общение». При указании на то, что в его компьютере был найден огромный архив фото и видеопroduкций педофильного содержания, который не может быть у человека, не имеющего явного сексуального интереса к детям, заметно грустнеет, сникает, соглашается с этим высказыванием, однако настаивает на том, что не считает себя «педофилом», так как «в реальной жизни» с девочками никогда не встречался.

Заключение: *Расстройство сексуального предпочтения в виде гетеросексуальной педофилии (F65.4).*

Обозначенный диагноз был выставлен подэкспертному в опоре на данные психофизиологического обследования, где были получены статистически значимые реакции на стимул гетеросексуального педофильного характера, и на данные направленного экспериментально-психологического исследования. В данном случае виртуальное общение стало для подэкспертного единственным и достаточным способом удовлетворения парафильного влечения через активное взаимодействие посредством сети Интернет. Подэкспертный планировал свое поведение, последовательно «совершенствуя» свою стратегию общения с потерпевшими, чтобы облегчить себе получение желаемых материалов. Планирование поведения происходило под прямым влиянием собственной мотивации подэкспертного, который руководствовался своими внутренними потребностями и интересами. Подэкспертный стремился к достижению своей цели (получению желаемого контента), гибко подстраиваясь под обстоятельства (при нежелании потерпевших общаться одним способом, легко предлагал им альтернативные варианты). Имеющееся у подэкспертного расстройство сексуального предпочтения хотя и играло роль в выборе потерпевших, напрямую не привело его к совершению противоправных действий. То есть патосексуальный механизм правонарушения в данном случае не оказал существенного влияния на осознанно-волевою регуляцию поведения, кроме того,

что определил сексуальную направленность деяния. Подэкспертный планомерно реализовывал свою цель, создавая все необходимые для этого условия. В данном случае не ситуация поспособствовала формированию поведения, а сам субъект сформировал условия, наиболее благоприятствующие реализации его намерений. Таким образом, речь идет о полной способности субъекта осознавать фактический характер, общественную опасность своих действий и регулировать их.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе впервые в нашей стране был проведен анализ лиц, совершивших сексуальные правонарушения в отношении несовершеннолетних посредством информационно-телекоммуникационных технологий (а именно в сети Интернет), и рассмотрено значение такого способа совершения правонарушения для клинической и судебно-психиатрической экспертной оценки.

Проведенный обзор литературы показывает, что состав группы сексуальных интернет-правонарушителей крайне неоднороден. Вероятно, что среди таких лиц встречаются субъекты, по всем изучаемым в исследованиях параметрам приближенные к нормативной группе тех, кто никогда не совершал сексуальных правонарушений. В данном исследовании были получены схожие данные.

Группа лиц, совершивших сексуальные правонарушения в отношении несовершеннолетних посредством сети Интернет, при отсутствии какого-либо расстройства сексуального предпочтения, по целому ряду параметров оказалась наиболее благополучной в сравнении с другими группами сопоставления. У лиц этой группы в наименьшей степени выражена психопатологическая симптоматика, характерологически они также выглядят более гармоничными. Кроме того, изучение predispositional факторов парафилий свидетельствует в пользу их нормального сексуального развития.

Эта группа, вероятно, представляет наибольший интерес для дальнейших исследований, в том числе судебно-психологических, поскольку зачастую остается неясным, какие именно механизмы привели субъекта к совершению правонарушения. Часть механизмов, которые связаны с наличием психической патологии (помимо сексуальной) была рассмотрена в данной работе, однако они не раскрывают, почему лица с той или иной нозологией совершили именно сексуальное правонарушение, и именно посредством Интернета. Анализ подобного рода требует изучения строго отобранных, нозологически однородных выборок правонарушителей, совершивших разные типы деликтов, и сравнение их клинико-психопатологических и патопсихологических особенностей.

Представляют интерес и индивидуально-психологические механизмы, приведшие лиц, вовсе не имеющих психических и сексуальных отклонений, к совершению именно такого правонарушения.

В диссертационной работе разрешен ряд противоречий, отмечающихся в зарубежных исследованиях при изучении сексуальных интернет-правонарушителей. Показано, что противоречивость данных, получаемых зарубежными авторами, связана с не очень корректным анализом сексуальных интернет-правонарушителей как единой группы, независимо от их нозологической принадлежности. В данной работе показана ведущая роль патосексуального механизма совершения сексуальных правонарушений посредством сети Интернет у лиц, страдающих педофилией. Интернет-правонарушители с педофилией по целому ряду параметров не отличаются от группы контактных правонарушителей с таким диагнозом. У них обнаруживается сходство не только в диспозиционных факторах парафилий, но и в характерологических особенностях, в некоторых психопатологических проявлениях. Таким образом, к совершению сексуальных правонарушений в отношении несовершеннолетних посредством сети Интернет приводят те же патосексуальные механизмы, что и к совершению контактных сексуальных правонарушений.

Полученные результаты показывают, что контактные правонарушения совершают те лица, у которых чаще встречаются наследственная отягощенность по расстройствам личности, экзогенные повреждающие воздействия вследствие черепно-мозговой травмы и/или хронической алкогольной интоксикации, в целом более низкие умственные способности, выражающиеся в том, что контактные правонарушители чаще по роду деятельности занимаются неквалифицированным физическим трудом, обладают низкой критичностью, большей ригидностью мышления. Виртуальные правонарушители с педофилией, напротив, благополучны по этим характеристикам, однако у них чаще встречаются серьезные соматические проблемы, которые, возможно, способствуют отсутствию у многих из них стремления к взаимодействию с детьми в реальной жизни.

В целом можно говорить, что совершение сексуальных правонарушений посредством сети Интернет напрямую не связано с какой-либо конкретной психической патологией. Совершение интернет-правонарушений как в случае педофилии, так и при ее отсутствии, может быть обусловлено разными механизмами, от психопатологических до индивидуально-психологических. Наиболее часто, однако, приходится иметь дело с аномально-личностным или патосексуальным механизмами.

В данной работе был разработан алгоритм принятия судебно-психиатрического решения при оценке сексуальных интернет-правонарушителей, имеющих психическое расстройство, в зависимости от наличия или отсутствия у подэкспертного тяжелой либо пограничной психической патологии с выделением педофилии как значимого диагноза, способного самостоятельно приводить к ограничению способности субъекта к осознанию фактического характера, общественной опасности и регуляции своих действий.

В случае психопатологического механизма совершения сексуальных интернет-правонарушений действия таких лиц обуславливаются именно негативно-личностными проявлениями при расторможенности влечений. Наличие диагноза педофилии в таком случае оказывается вторичным.

При наличии психической патологии непсихотического уровня поведение сексуальных интернет-правонарушителей может определяться аномально-личностным и/или патосексуальным механизмами. Однако оценка влияния психической патологии на совершение правонарушения в таком случае требует отдельного внимания, поскольку здесь возможны все варианты судебно-психиатрических решений.

Необходимо оценить, насколько поведение субъекта зависело от конкретной ситуации, возникло ли под непосредственным ее влиянием. Хотя для лиц без педофилии ситуация в большинстве случаев носила характер индифферентной, у подэкспертных имела место личностная незрелость, обусловленная имеющимся психическим расстройством, эмоционально-волевыми нарушениями. Для лиц с педофилией при снижении их критических способностей

столкновение с детьми в сети Интернет нередко оказывалось субъективно-провоцирующей ситуацией, способствующей легкому удовлетворению имеющейся потребности, и также могло приводить к неполной способности осознавать и регулировать свои действия.

Однако при хорошей сохранности критических способностей, даже если ситуация носила субъективно-провоцирующий характер (для лиц с педофилией), возникающая мотивация на совершение правонарушения зачастую была отставлена во времени, независима от ситуации. Поведение планировалось и планомерно реализовывалось, условия реализации аномального поведения создавались самим подэкспертным, а не возникали для него неожиданно.

ВЫВОДЫ

1. Совершение сексуального правонарушения в отношении несовершеннолетних посредством сети Интернет не связано с наличием каких-либо клиничко-психопатологических особенностей. У интернет-правонарушителей в сравнении с контактными правонарушителями реже обнаруживаются психопатологическая наследственная отягощенность и экзогенные повреждающие воздействия во взрослом возрасте.

2. Лица, совершившие противоправные действия с применением ИТТ, отличаются от контактных правонарушителей по уровню умственного развития, семейному положению и соматическому здоровью. Они чаще занимаются умственным трудом, холосты и имеют тяжелые соматические заболевания.

3. Интернет-правонарушители с педофилией и контактные правонарушители с педофилией по личностным и дизонтогенетическим проявлениям схожи между собой, поэтому именно педофилия играет существенную роль в совершении сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних независимо от того, является ли способ совершения правонарушения контактным или дистантным (виртуальным).

4. При наличии тяжелой психической патологии действия интернет-правонарушителей определяются преимущественным влиянием негативно-личностного механизма. Поведение характеризуется нарастающей аутизацией, поглощенностью общением в Интернете при выраженной гетеросексуальной дезадаптации и говорит о неспособности субъекта к осознанию фактического характера, общественной опасности и регуляции своих действий.

5. При преимущественном влиянии аномально-личностного механизма поведение интернет-правонарушителя определяется ситуативно возникающей игровой мотивацией субъекта, критические способности которого снижены в силу эмоционально-волевой незрелости, что приводит к ограничению способности

осознавать фактический характер, общественную опасность своих действий и регулировать их.

6. При преимущественном влиянии патосексуального механизма поведение определяется ситуативно обусловленной потребностью субъекта в сиюминутном удовлетворении своих аномальных побуждений при снижении способности к критической оценке своих действий, что приводит к ограничению способности осознавать фактический характер, общественную опасность своих действий и регулировать их.

7. При независимо-осознанном механизме поведение интернет-правонарушителя напрямую не зависит от имеющейся психической патологии, мотивация отставлена во времени от ситуации правонарушения, поведение планируется и реализуется, а условия для его реализации создаются самим субъектом, и такие лица полностью способны осознавать фактический характер, общественную опасность своих действий и регулировать их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вакуленко Н.А., Брюхнов А.А. Характеристика преступника, совершающего сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних // Юрист-Правоведь. 2018. Т. 3. № 86. С. 52–58.
2. Васильченко Г.С., Ботнева И.Л., Нохуров А., Решетняк Ю.А., Овсянников С.А. Общая сексопатология / под ред. Г. С. Васильченко. Москва: Медицина, 1977. 488 с.
3. Губенко Э.А. Опросник установок по отношению к интернету [Электронный ресурс]. URL: https://flogiston.ru/articles/netpsy/internet_questionary (дата обращения: 10.10.2020).
4. Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В. Типологические и интегративные модели сексуального злоупотребления // Психолого-педагогические исследования. 2014. Т. 6. № 3. С. 82–92. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060309>
5. Кондратьев Ф.В. Судебно-психиатрическое значение особенностей личности психически больных // Теоретические и организационные вопросы судебной психиатрии. – М., 1977. С. 17-28.
6. Кондратьев Ф.В. Анализ структуры личности больных шизофренией в плане их социальной опасности // Клинико-социальные аспекты профилактики общественно опасных действий психически больных. М., 1981. С. 17-27.
7. Кондратьев Ф.В. Роль личности в опасном поведении психически больных // Вопросы соотношения биологического и социального в психиатрии. М., 1984, с. 83-93.
8. Кондратьев Ф.В. Концепция многофакторного анализа социального поведения психически больных // Российский психиатрический журнал. 2010. № 2. С. 36-41.
9. Короленко Ц.П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1991. № 1. С. 8–15.

10. Котов В.П., Мальцева М.М. Опасные действия психически больных: генез, принципы дифференциации, риск совершения // В кн. Руководство по судебной психиатрии / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича, А.А. Ткаченко. – М.: Медицина, 2004. С. 428-433

11. Кришталь В.В., Григорян С.Р. Сексология. Учебное пособие. Москва: ПЕР СЭ, 2002. 879 с.

12. Кузнецова А.Ю. Доклад о деятельности уполномоченного при президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2020 году, 2020. 188 с.

13. Львова-Белова М.А. Доклад о деятельности уполномоченного при президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2021 году, 2021. 481 с.

14. Малыгин В.Л., Феклисов К.А. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики. – М.: МГМСУ, 2011. С. 4-32.

15. Мальцева М.М. Психопатологические механизмы общественно опасных действий больных с психическими расстройствами // В кн. Руководство по судебной психиатрии / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича, А.А. Ткаченко. – М.: Медицина, 2004. С. 433-443.

16. Министерство внутренних дел. Состояние преступности (архивные данные) [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 26.03.2023).

17. Семенцова И.А., Фоменко А.И. Актуальные вопросы предупреждения преступлений, совершаемых лицами с расстройствами сексуального предпочтения (педофилией) посредством сети Интернет // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 90–93.

18. Тарабрина Н.В., Агарков В.А., Быховец Ю.В., Калмыкова Е.С., Макачук А.В., Падун М.А., Удачина Е.Г., Химчян З.Г., Шаталова Н.Е., Щепина А.И. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. Москва: Изд-во «Когито-Центр», 2007. 208 с.

19. Хрящев А.В. Опасные действия лиц с психическими расстройствами непсихотического характера (структура, механизмы, экспертная оценка).

Диссертация на соискание ученой степени доктора медицинских наук. Москва, 2004. 474 с.

20. Шпорт С.В., Каменсков М.Ю., Введенский Г.Е., Демидова Л.Ю., Васильев Н.Г., Ткаченко А.А. Педофилия: социально-правовые и медицинские аспекты // Общественное здоровье. 2022. Т. 2. № 4. С. 45–57. <https://doi.org/10.21045/2782-1676-2022-2-4-45-57>

21. Abel G.G., Becker J.V, Cunningham-Rathner J. Complications, Consent, and Cognitions in Sex Between Children and Adults // International Journal of Law and Psychiatry. 1984. Т. 7. № 1. С. 69–103. [https://doi.org/10.1016/0160-2527\(84\)90008-6](https://doi.org/10.1016/0160-2527(84)90008-6)

22. American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5. Arlington, VA: American Psychiatric Association, 2013. 943 с. <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425596>

23. Babchishin K.M., Hanson R.K., VanZuylen H. Online child pornography offenders are different: a meta-analysis of the characteristics of online and offline sex offenders against children // Archives of Sexual Behavior. 2015. Т. 44. № 1. С. 45–66. <https://doi.org/10.1007/S10508-014-0270-X>

24. Babchishin K.M., Hanson R., Hermann C.A. The characteristics of online sex offenders: a meta-analysis // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. 2011. Т. 23. № 1. С. 92–123. <https://doi.org/10.1177/1079063210370708>

25. Banakou D., Groten R., Slater M. Illusory ownership of a virtual child body causes overestimation of object sizes and implicit attitude changes // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2013. Т. 110. № 31. С. 12846–12851. <https://doi.org/10.1073/pnas.1306779110>

26. Bates A., Metcalf C. A psychometric comparison of internet and non-internet sex offenders from a community treatment sample // Journal of Sexual Aggression. 2007. Т.13. № 1. С. 11–20. <https://doi.org/10.1080/13552600701365654>

27. Bernard F. Paedophilia: A factual report. Rotterdam, The Netherlands: Enclave Press, 1985. 101 с.

28. Berson I.R. Grooming cybervictims: The psychosocial effects of online exploitation for youth // *Journal of School Violence*. 2003. T. 2. № 1. C. 5–18. https://doi.org/10.1300/J202V02N01_02
29. Blanchard R., Kolla N.J., Cantor J.M., Klassen P.E., Dickey R., Kuban M.E., Blak T. IQ, handedness, and pedophilia in adult male patients stratified by referral source // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2007. T. 19. № 3. C. 285–309. <https://doi.org/10.1177/107906320701900307>
30. Bogaert A.F. Personality, individual differences, and preferences for the sexual media // *Archives of Sexual Behavior*. 2001. T. 30. № 1. C. 29–53. <https://doi.org/10.1023/A:1026416723291>
31. Bothe B., Potenza M.N., Griffiths M.D., Kraus S.W., Klein V., Fuss J., Demetrovics Z. The development of the Compulsive Sexual Behavior Disorder Scale (CSBD-19): An ICD-11 based screening measure across three languages // *Journal of Behavioral Addictions*. 2020. T. 9. № 2. C. 247–258. <https://doi.org/10.1556/2006.2020.00034>
32. Bourke M.L., Hernandez A.E. The «butner study» redux: A report of the incidence of hands-on child victimization by child pornography offenders // *Journal of Family Violence*. 2009. T. 24. № 3. C. 183–191. <https://doi.org/10.1007/S10896-008-9219-Y>
33. Briggs P., Simon W.T., Simonsen S. An exploratory study of Internet-initiated sexual offenses and the chat room sex offender: has the Internet enabled a new typology of sex offender? // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2011. T. 23. № 1. C. 72–91. <https://doi.org/10.1177/1079063210384275>
34. Briken P., Wiessner C., Štulhofer A., Klein V., Fuß J., Reed G.M., Dekker A. Who feels affected by «out of control» sexual behavior? Prevalence and correlates of indicators for ICD-11 Compulsive Sexual Behavior Disorder in the German Health and Sexuality Survey (GeSiD) // *Journal of Behavioral Addictions*. 2022. T. 11. № 3. C. 900–911. <https://doi.org/10.1556/2006.2022.00060>
35. Bumby K.M. Assessing the cognitive distortions of child molesters and rapists: Development and validation of the MOLEST and RAPE scales // *Sexual Abuse:*

Journal of Research and Treatment. 1996. T. 8. № 1. C. 37–54.
<https://doi.org/10.1177/107906329600800105>

36. Burgess A.W., Carretta C.M., Burgess A.G. Patterns of federal Internet offenders: a pilot study // Journal of Forensic Nursing. 2012. T. 8. № 3. C. 112–121.
<https://doi.org/10.1111/J.1939-3938.2011.01132.X>

37. Burt M.R. Cultural myths and supports for rape // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. T. 38. № 2. C. 217–230. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.38.2.217>

38. Cantor J.M., Robichaud L.K., Blanchard R., Christensen B.K. Quantitative reanalysis of aggregate data on IQ in sexual offenders // Psychological Bulletin. 2005. T. 131. № 4. C. 555–568. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.131.4.555>

39. Carnes P., Delmonico D., Griffin E., Moriarty J. In the shadows of the Net. Center City, MN: Hazelden, 2007. 264 c.

40. Chen S.-H., Weng L.-J., Su Y.-J., Wu H.-M., Yang P.-F. Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study // Chinese Journal of Psychology. 2003. T. 45. № 3. C. 279–294. <https://doi.org/10.1037/t44491-000>

41. Chen Y.F., Peng S.S. University students Internet use and its relationships with academic performance, interpersonal relationships, psychosocial adjustment, and self-evaluation // Cyberpsychology & Behavior: The Impact of the Internet, Multimedia and Virtual Reality on Behavior and Society. 2008. T. 11. № 4. C. 467–469. <https://doi.org/10.1089/CPB.2007.0128>

42. Clevenger S.L., Navarro J.N., Jasinski J.L. A Matter of Low Self-Control? Exploring Differences Between Child Pornography Possessors and Child Pornography Producers/Distributors Using Self-Control Theory // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. 2016. T. 28. № 6. C. 555–571. <https://doi.org/10.1177/1079063214557173>

43. Cohen L.E., Felson M. Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activity Approach // American Sociological Review. 1979. T. 44. № 4. C. 588–608. <https://doi.org/10.2307/2094589>

44. Cooper A., Delmonico D.L., Griffin-Shelley E., Mathy R.M. Online Sexual Activity: An Examination of Potentially Problematic Behaviors // *Sexual Addiction & Compulsivity*. 2004. T. 11. № 3. C. 129–143. <https://doi.org/10.1080/10720160490882642>
45. Cooper A., Delmonico D.L., Burg R. Cybersex users, abusers, and compulsives: New findings and implications // *Sex Addict Compulsivity*. 2000. T. 7. № 1–2. C. 5–29. <https://doi.org/10.1080/10720160008400205>
46. Cortoni F., Marshall W.L. Sex As a Coping Strategy and Its Relationship to Juvenile Sexual History and Intimacy in Sexual Offenders // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2001. T. 13. № 1. C. 27–43. <https://doi.org/10.1177/107906320101300104>
47. Davis R.A. A cognitive-behavioral model of pathological Internet use // *Computers in Human Behavior*. 2001. T. 17. № 2. C. 187–195. [https://doi.org/10.1016/S0747-5632\(00\)00041-8](https://doi.org/10.1016/S0747-5632(00)00041-8)
48. Elliott I.A., Beech A.R., Mandeville-Norden R., Hayes E. Psychological profiles of internet sexual offenders: comparisons with contact sexual offenders // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2009. T. 21. № 1. C. 76–92. <https://doi.org/10.1177/1079063208326929>
49. Elliott I.A., Beech A.R. Understanding online child pornography use: Applying sexual offense theory to internet offenders // *Aggression and Violent Behavior*. 2009. T. 14. № 3. C. 180–193. <https://doi.org/10.1016/J.AVB.2009.03.002>
50. Elliott I.A., Beech A.R., Mandeville-Norden R. The psychological profiles of internet, contact, and mixed internet/contact sex offenders // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2013. T. 25. № 1. C. 3–20. <https://doi.org/10.1177/1079063212439426>
51. Ferraro M.M., Casey E., McGrath M. Investigating child exploitation and pornography: the Internet, the law and forensic science. USA: Elsevier Academic Pres, 2005. 320 c.
52. Finkelhor D. Child sexual abuse. New York, NY: Free Press, 1984. 304 c.

53. First M.B. The inclusion of child pornography in the DSM-5 diagnostic criteria for pedophilia: conceptual and practical problems // *The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 2011. T. 39. № 2. C. 250–254. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21653274/>
54. Frei A., Erenay N., Dittmann V., Graf M. Paedophilia on the Internet - a study of 33 convicted offenders in the Canton of Lucerne // *Swiss Medical Weekly*. 2005. T. 135. № 33–34. C. 488–494. <https://doi.org/10.4414/SMW.2005.11095>
55. Hall G.C.N., Hirschman R. Toward a theory of sexual aggression: a quadripartite model // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1991. T. 59. № 5. C. 662–669. <https://doi.org/10.1037//0022-006X.59.5.662>
56. Hanson R.K., Harris A.J.R. Where should we intervene?: Dynamic predictors of sexual offense recidivism // *Criminal Justice and Behavior*. 2000. T. 27. № 1. C. 6–35. <https://doi.org/10.1177/0093854800027001002>
57. Hartman C.R., Burgess A.W., Lanning K.V. Typology of collectors // *Child pornography and sex rings* / под ред. А. W. Burgess, М. L. Clark. Toronto: Lexington, 1984. C. 93–109.
58. Henry O., Mandeville-Norden R., Hayes E., Egan V. Do internet-based sexual offenders reduce to normal, inadequate and deviant groups? // *Journal of Sexual Aggression*. 2010. T. 16. № 1. C. 33–46. <https://doi.org/10.1080/13552600903454132>
59. Henshaw M., Ogloff J.R.P., Clough J.A. Looking Beyond the Screen: A Critical Review of the Literature on the Online Child Pornography Offender // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2017. T. 29. № 5. C. 416–445. <https://doi.org/10.1177/1079063215603690>
60. Hill A., Briken P., Berner W. Pornographie im Internet - Ersatz oder Anreiz fuer sexuelle Gewalt? // *Stiftung Deutsches Forum fuer Kriminalpraevention: Internet-Devianz*. Berlin: Bundesverwaltungsamt, 2006. C. 113–134.
61. Holt T.J., Blevins K.R., Burkert N. Considering the pedophile subculture online // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2010. T. 22. № 1. C. 3–24. <https://doi.org/10.1177/1079063209344979>

62. Jenkins P. Beyond tolerance: Child pornography on the Internet. New York: New York University Press, 2001. 260 c.
63. Jespersen A.F., Lalumière M.L., Seto M.C. Sexual abuse history among adult sex offenders and non-sex offenders: a meta-analysis // *Child Abuse & Neglect*. 2009. T. 33. № 3. C. 179–192. <https://doi.org/10.1016/J.CHIABU.2008.07.004>
64. Jung S., Ennis L., Stein S., Choy A.L., Hook T. Child pornography possessors: Comparisons and contrasts with contact- and non-contact sex offenders // *Journal of Sexual Aggression*. 2013. T. 19. № 3. C. 295–310. <https://doi.org/10.1080/13552600.2012.741267>
65. Jung S., Ennis L., Malesky L.A. Child Pornography Offending Seen Through Three Theoretical Lenses // *Deviant Behavior*. 2012. T. 33. № 8. C. 655–673. <https://doi.org/10.1080/01639625.2011.636726>
66. Kafka M.P., Hennen J. Hypersexual desire in males: are males with paraphilias different from males with paraphilia-related disorders? // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2003. T. 15. № 4. C. 307–321. <https://doi.org/10.1177/107906320301500407>
67. Kingston D.A., Fedoroff P., Firestone P., Curry S., Bradford J.M. Pornography use and sexual aggression: the impact of frequency and type of pornography use on recidivism among sexual offenders // *Aggressive Behavior*. 2008. T. 34. № 4. C. 341–351. <https://doi.org/10.1002/AB.20250>
68. Knott V., Impey D., Fisher D., Delpero E., Fedoroff P. Pedophilic brain potential responses to adult erotic stimuli // *Brain Research*. 2016. T. 1632. C. 127–140. <https://doi.org/10.1016/J.BRAINRES.2015.12.004>
69. Krueger R.B., Kaplan M.S., First M.B. Sexual and other axis I diagnoses of 60 males arrested for crimes against children involving the Internet // *CNS Spectrums*. 2009. T. 14. № 11. C. 623–631. <https://doi.org/10.1017/S1092852900023865>
70. Lamb M. Cybersex: Research notes on the characteristics of the visitors to online chat rooms // *Deviant Behavior*. 1998. T. 19. № 2. C. 121–135. <https://doi.org/10.1080/01639625.1998.9968079>

71. Lambert S., O'Halloran E. Deductive thematic analysis of a female paedophilia website // *Psychiatry, Psychology and Law*. 2008. T. 15. № 2. C. 284–300. <https://doi.org/10.1080/13218710802014469>
72. Langevin R., Curnoe S. The use of pornography during the commission of sexual offenses // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2004. T. 48. № 5. C. 572–586. <https://doi.org/10.1177/0306624X03262518>
73. Laulik S., Allam J., Sheridan L. An investigation into maladaptive personality functioning in Internet sex offenders // *Psychology, Crime and Law*. 2007. T. 13. № 5. C. 523–535. <https://doi.org/10.1080/10683160701340577>
74. Lee A.F., Li N.C., Lamade R., Schuler A., Prentky R.A. Predicting hands-on child sexual offenses among possessors of internet child pornography // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2012. T. 18. № 4. C. 644–672. <https://doi.org/10.1037/A0027517>
75. Long M.L., Alison L.A., McManus M.A. Child pornography and likelihood of contact abuse: a comparison between contact child sexual offenders and noncontact offenders // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2013. T. 25. № 4. C. 370–395. <https://doi.org/10.1177/1079063212464398>
76. Ly T., Dwyer R.G., Fedoroff J.P. Characteristics and treatment of internet child pornography offenders // *Behavioral Sciences & the Law*. 2018. T. 36. № 2. C. 216–234. <https://doi.org/10.1002/BSL.2340>
77. Ly T., Murphy L., Fedoroff J.P. Understanding Online Child Sexual Exploitation Offenses // *Current Psychiatry Reports*. 2016. T. 18. № 8. <https://doi.org/10.1007/S11920-016-0707-0>
78. Magaletta P.R., Faust E., Bickart W., McLearn A.M. Exploring clinical and personality characteristics of adult male internet-only child pornography offenders // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2014. T. 58. № 2. C. 137–153. <https://doi.org/10.1177/0306624X12465271>
79. Malamuth N.M., Linz D., Heavey C.L., Barnes G. et al. Using the confluence model of sexual aggression to predict men's conflict with women: a 10-year follow-up

study // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. T. 69. № 2. C. 353–369.
<https://doi.org/10.1037//0022-3514.69.2.353>

80. Malesky L.A. Predatory online behavior: modus operandi of convicted sex offenders in identifying potential victims and contacting minors over the internet // *Journal of Child Sexual Abuse*. 2007. T. 16. № 2. C. 23–32.
https://doi.org/10.1300/J070V16N02_02

81. Maxfield M.G., Widom C.S. The cycle of violence. Revisited 6 years later // *Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine*. 1996. T. 150. № 4. C. 390–395.
<https://doi.org/10.1001/ARCHPEDI.1996.02170290056009>

82. McCarthy J.A. Internet sexual activity: A comparison between contact and non-contact child pornography offenders // *Journal of Sexual Aggression*. 2010. T. 16. № 2. C. 181–195. <https://doi.org/10.1080/13552601003760006>

83. McLaughlin J.F. *Cyber child sex offender typology*. Knight Stick: , 2000.

84. McManus M., Long M.L., Alison L. *Child pornography offenders: Towards an evidence-based approach to prioritizing the investigation of indecent image offenses* // *Professionalizing offender profiling: Forensic and investigative psychology in practice* / под ред. L. Alison, L. Rainbow. Abingdon, UK: Routledge, 2011. C. 178–188.

85. Merdian H.L., Curtis C., Thakker J., Wilson N., Boer D.P. The three dimensions of online child pornography offending // *Journal of Sexual Aggression*. 2011. T. 19. № 1. C. 121–132. <https://doi.org/10.1080/13552600.2011.611898>

86. Middleton D., Elliott I.A., Mandeville-Norden R., Beech A.R. An investigation into the applicability of the Ward and Siegert Pathways Model of child sexual abuse with Internet offenders // *Psychology Crime and Law*. 2006. T. 12. № 6. C. 589–603. <https://doi.org/10.1080/10683160600558352>

87. Middleton D. *Internet sex offenders* // *Assessment and treatment of sex offenders: A handbook* / под ред. A. Beech, L. Craig, K. Browne. London, England: Wiley, 2009. C. 199–215.

88. Miner M.H., Coleman E., Center B.A., Ross M., Rosser B.R.S. The compulsive sexual behavior inventory: psychometric properties // *Archives of Sexual Behavior*. 2007. T. 36. № 4. C. 579–587. <https://doi.org/10.1007/S10508-006-9127-2>
89. Mitchell K.J., Finkelhor D., Wolak J. Risk factors for and impact of online sexual solicitation of youth // *JAMA*. 2001. T. 285. № 23. C. 3011–3014. <https://doi.org/10.1001/JAMA.285.23.3011>
90. Mitchell K.J., Wolak J., Finkelhor D. Trends in youth reports of sexual solicitations, harassment and unwanted exposure to pornography on the Internet // *The Journal of Adolescent Health: Official Publication of the Society for Adolescent Medicine*. 2007. T. 40. № 2. C. 116–126. <https://doi.org/10.1016/J.JADOHEALTH.2006.05.021>
91. Nagel E. van der. Fluids on Pictures on Screens: Pseudonymous Affect on Reddit's TributeMe // *Social Media and Society*. 2020. T. 6. № 1. <https://doi.org/10.1177/2056305120905644>
92. Navarro J.N., Jasinski J.L. Demographic and Motivation Differences Among Online Sex Offenders by Type of Offense: An Exploration of Routine Activities Theories // *Journal of Child Sexual Abuse*. 2015. T. 24. № 7. C. 753–771. <https://doi.org/10.1080/10538712.2015.1077363>
93. Neutze J., Seto M.C., Schaefer G.A., Mundt I.A., Beier K.M. Predictors of child pornography offenses and child sexual abuse in a community sample of pedophiles and hebephiles // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2011. T. 23. № 2. C. 212–242. <https://doi.org/10.1177/1079063210382043>
94. Pervan S., Hunter M. Cognitive distortions and social self-esteem in sexual offenders // *Appl Psychol Crim Justice*. 2007. T. 3. № 1. C. 75–91.
95. Pithers W.D., Marques J.K., Gibat C.C., Marlatt G.A. Relapse prevention: A self-control model of treatment and maintenance of change for sexual aggressives // *The sexual aggressor: Current perspective on treatment* / под ред. J. Greer, I. R. Stuart. New York, NY: Van Nostrand Reinhold, 1983. C. 214–239.
96. Prentky R.A., Burgess A., Dowdell E.B., Fedoroff P., Malamuth N., Schuler A. A multi-prong approach to strengthening internet child safety, 2010. 40 с.

97. Proulx J., McKibben A., Lusignan R. Relationships between affective components and sexual behaviors in sexual aggressors // *Sexual Abuse: Journal of Research and Treatment*. 1996. T. 8. № 4. C. 279–289. <https://doi.org/10.1007/BF02260164>
98. Quayle E., Taylor M. Child pornography and the internet: Perpetuating a cycle of abuse // *Deviant Behavior*. 2002. T. 23. № 4. C. 331–361. <https://doi.org/10.1080/01639620290086413>
99. Quayle E., Taylor M. Model of problematic internet use in people with a sexual interest in children // *Cyberpsychology & Behavior: The Impact of the Internet, Multimedia and Virtual Reality on Behavior and Society*. 2003. T. 6. № 1. C. 93–106. <https://doi.org/10.1089/109493103321168009>
100. Ray J.V., Kimonis E.R., Seto M.C. Correlates and Moderators of Child Pornography Consumption in a Community Sample // *Sexual Abuse: Journal of Research and Treatment*. 2014. T. 26. № 6. C. 523–545. <https://doi.org/10.1177/1079063213502678>
101. Reid R.C., Carpenter B.N., Hook J.N., Garos S., Manning J.C., Gilliland R., Cooper E.B., Mckittrick H., Davtian M., Fong T. Report of findings in a DSM-5 field trial for hypersexual disorder // *The Journal of Sexual Medicine*. 2012. T. 9. № 11. C. 2868–2877. <https://doi.org/10.1111/J.1743-6109.2012.02936.X>
102. Reijnen L., Bulten E., Nijman H. Demographic and personality characteristics of internet child pornography downloaders in comparison to other offenders // *Journal of Child Sexual Abuse*. 2009. T. 18. № 6. C. 611–622. <https://doi.org/10.1080/10538710903317232>
103. Riegel D.L. Effects on boy-attracted pedosexual males of viewing boy erotica // *Archives of Sexual Behavior*. 2004. T. 33. № 4. C. 321–323. <https://doi.org/10.1023/B:ASEB.0000029071.89455.53>
104. Rosenmann A., Safir M.P. Forced online: push factors of internet sexuality: A preliminary study of online paraphilic empowerment // *Journal of Homosexuality*. 2006. T. 51. № 3. C. 71–92. https://doi.org/10.1300/J082V51N03_05

105. Salter D., McMillan D., Richards M., Talbot T., Hodges J., Bentovim A., Hastings R., Stevenson J., Skuse D. Development of sexually abusive behaviour in sexually victimised males: a longitudinal study // *Lancet*. 2003. T. 361. № 9356. C. 471–476. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(03\)12466-X](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(03)12466-X)

106. Schneider J.P. Effects of cybersex addiction on the family: Results of a survey // *Sexual Addiction and Compulsivity*. 2000. T. 7. № 1–2. C. 31–58. <https://doi.org/10.1080/10720160008400206>

107. Seigfried K.C., Lovely R.W., Rogers M. Self-Reported Online Child Pornography Behavior: A Psychological Analysis // *International Journal of Cyber Criminology*. 2008. T. 2. № 1. C. 286–297.

108. Serran G.A., Marshall L.E. Coping and mood in sexual offending // *Sexual offender treatment: Controversial issues* / под ред. W. L. Marshall и др. London, England: Wiley, 2006. C. 109–124.

109. Seto M.C., Kjellgren C., Priebe G., Mossige S., Svedin C.G., Långström N. Sexual coercion experience and sexually coercive behavior: a population study of Swedish and Norwegian male youth // *Child Maltreatment*. 2010. T. 15. № 3. C. 219–228. <https://doi.org/10.1177/1077559510367937>

110. Seto M.C. Is pedophilia a sexual orientation? // *Archives of Sexual Behavior*. 2012. T. 41. № 1. C. 231–236. <https://doi.org/10.1007/S10508-011-9882-6>

111. Seto M.C., Wood J.M., Babchishin K.M., Flynn S. Online solicitation offenders are different from child pornography offenders and lower risk contact sexual offenders // *Law and Human Behavior*. 2012. T. 36. № 4. C. 320–330. <https://doi.org/10.1037/H0093925>

112. Seto M.C. *Internet Sex Offenders*. Washington, DC: American Psychological Association, 2015. 361 с.

113. Seto M.C., Cantor J.M., Blanchard R. Child pornography offenses are a valid diagnostic indicator of pedophilia // *Journal of Abnormal Psychology*. 2006. T. 115. № 3. C. 610–615. <https://doi.org/10.1037/0021-843X.115.3.610>

114. Seto M.C., Hanson R.K. Introduction to special issue on Internet-facilitated sexual offending // *Sex Abuse*. 2011. T. 23. № 1. C. 3–6.

115. Seto M.C., Hanson R.K., Babchishin K.M. Contact sexual offending by men with online sexual offenses // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2011. T. 23. № 1. C. 124–145. <https://doi.org/10.1177/1079063210369013>

116. Seto M.C., Lalumière M.L. What is so special about male adolescent sexual offending? A review and test of explanations through meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 2010. T. 136. № 4. C. 526–575. <https://doi.org/10.1037/A0019700>

117. Seto M.C., Reeves L., Jung S. Explanations given by child pornography offenders for their crimes // *Journal of Sexual Aggression*. 2010. T. 16. № 2. C. 169–180. <https://doi.org/10.1080/13552600903572396>

118. Shaffer H.J. Considering two models of excessive sexual behaviors: Addiction and obsessive-compulsive disorder // *Sexual Addiction and Compulsivity*. 1994. T. 1. № 1. C. 6–18. <https://doi.org/10.1080/10720169408400024>

119. Sheldon K., Howitt D. Sexual fantasy in paedophile offenders: Can any model explain satisfactorily new findings from a study of Internet and contact sexual offenders? // *Legal and Criminological Psychology*. 2008. T. 13. № 1. C. 137–158. <https://doi.org/10.1348/135532506X173045>

120. Stack S., Wasserman I., Kern R. Adult Social Bonds and Use of Internet Pornography // *Social Science Quarterly*. 2004. T. 85. № 1. C. 75–88. <https://doi.org/10.1111/J.0038-4941.2004.08501006.X>

121. Suler J. The online disinhibition effect // *Cyberpsychology and Behavior*. 2004. T. 7. № 3. C. 321–326. <https://doi.org/10.1089/1094931041291295>

122. Tacikowski P., Weijs M.L., Ehrsson H.H. Perception of Our Own Body Influences Self-Concept and Self-Incoherence Impairs Episodic Memory // *iScience*. 2020. T. 23. № 9. C. 101429. <https://doi.org/10.1016/J.ISCI.2020.101429>

123. Taylor M., Quayle E. *Child pornography: An Internet crime*. New York, NY: Brunner-Routledge, 2003. 248 c.

124. Tener D., Wolak J., Finkelhor D. A typology of offenders who use online communications to commit sex crimes against minors // *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*. 2015. T. 24. № 3. C. 319–337. <https://doi.org/10.1080/10926771.2015.1009602>

125. Vega V., Malamuth N.M. Predicting sexual aggression: the role of pornography in the context of general and specific risk factors // *Aggressive Behavior*. 2007. T. 33. № 2. C. 104–117. <https://doi.org/10.1002/AB.20172>

126. Wall G.K., Pearce E., McGuire J. Are Internet offenders emotionally avoidant? // *Psychology, Crime & Law*. 2011. T. 17. № 5. C. 381–401. <https://doi.org/10.1080/10683160903292246>

127. Ward T., Hudson S.M. The Construction and Development of Theory in the Sexual Offending Area: A Metatheoretical Framework // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 1998. T. 10. № 1. C. 47–63. <https://doi.org/10.1023/A:1022106731724>

128. Ward T., Polaschek D., Beech A.R. *Theories of sexual offending*. Chichester, England: Wiley, 2006. 400 c.

129. Ward T., Siegert R.J. Toward a comprehensive theory of child sexual abuse: A theory knitting perspective // *Psychology, Crime and Law*. 2002. T. 8. № 4. C. 319–351. <https://doi.org/10.1080/10683160208401823>

130. Webb L., Craissati J., Keen S. Characteristics of Internet Child Pornography Offenders: A Comparison with Child Molesters // *Sexual Abuse*. 2007. T. 19. № 4. C. 449–465. <https://doi.org/10.1177/107906320701900408>

131. Webster S., Davidson J., Bifulco A., Gottschalk P., Caretti V., Pham T., Grove-Hills J., Turley C., Tompkins C., Ciulla S., Milazzo V., Schimmenti A., Craparo G. Final report: European Online Grooming Project, 2012. 152 c.

132. Wijk van A., Loeber R., Vermeiren R., Pardini D., Bullens R., Doreleijers T. Violent juvenile sex offenders compared with violent juvenile nonsex offenders: explorative findings from the Pittsburgh Youth Study // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2005. T. 17. № 3. C. 333–352. <https://doi.org/10.1177/107906320501700306>

133. Winters J., Christoff K., Gorzalka B.B. Dysregulated sexuality and high sexual desire: distinct constructs? // *Archives of Sexual Behavior*. 2010. T. 39. № 5. C. 1029–1043. <https://doi.org/10.1007/S10508-009-9591-6>

134. Wolak J., Finkelhor D., Mitchell K.J., Ybarra M.L. Online «predators» and their victims: myths, realities, and implications for prevention and treatment // *The American Psychologist*. 2008. T. 63. № 2. C. 111–128. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.63.2.111>

135. Wolak J., Finkelhor D., Mitchell K. Is talking online to unknown people always risky? Distinguishing online interaction styles in a national sample of youth Internet users // *Cyberpsychology & Behavior: The Impact of the Internet, Multimedia and Virtual Reality on Behavior and Society*. 2008. T. 11. № 3. C. 340–343. <https://doi.org/10.1089/CPB.2007.0044>

136. World Health Organization. International classification of diseases for mortality and morbidity statistics (11th Revision), 2018. <https://icd.who.int/browse11/l-m/en>

137. Ybarra M.L., Mitchell K.J. Exposure to internet pornography among children and adolescents: a national survey // *Cyberpsychology & Behavior: The Impact of the Internet, Multimedia and Virtual Reality on Behavior and Society*. 2005. T. 8. № 5. C. 473–486. <https://doi.org/10.1089/CPB.2005.8.473>

138. Yee N., Bailenson J.N., Ducheneaut N. The proteus effect: Implications of transformed digital self-representation on online and offline behavior // *Communication Research*. 2009. T. 36. № 2. C. 285–312. <https://doi.org/10.1177/0093650208330254>

139. Young K. Profiling online sex offenders, cyber-predators, and pedophiles // *Journal of Behavioral Profiling*. 2005. T. 5. № 1. C. 1–18.